

Леонид Павлов

**Чужой земли мы не хотим ни пяди!
Мог ли Сталин предотвратить
Вторую мировую войну?**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Павлов Л. М.

Чужой земли мы не хотим ни пяди! Мог ли Сталин предотвратить Вторую мировую войну? / Л. М. Павлов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Вниманию читателей предлагается историческая книга «Чужой земли мы не хотим ни пяди! Мог ли Сталин предотвратить Вторую мировую войну?» Книга посвящена девяти месяцам 1939 года, в течение которых Германия и Советский Союз из заклятых врагов превратились в верных союзников. В книге собрано, систематизировано и проанализировано большое количество документов из Архива внешней политики России, зарубежных архивов, опубликованных в открытых источниках, изданных в советский период, газетных публикаций 1939 года. Такой метод, во-первых, дает возможность наиболее полно и всесторонне осветить внешнюю политику сталинского руководства, развеять миф о том, что Советское правительство делало все от него зависящее для того, чтобы предотвратить мировую войну, и, во-вторых, позволяет избежать обвинений в предвзятости и тенденциозности в подборе материала.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	57
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

ОТ АВТОРА

Мы ленивы и нелюбопытны. Мы не хотим знать истории своей страны. Нам комфортнее изучать свое прошлое по официальным учебникам, содержание которых меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Нам проще гордиться одним только героическим прошлым Советского Союза и не замечать трагических ошибок в его истории. Нам удобнее считать, что весь мир ополчился против России, которая всегда боролась за мир, не забывая при этом готовиться к войне, но «история отпустила нам слишком мало времени». Нам удобнее ссылаться на то, что все прошлое нашей страны скрыто в архивах, и нам их никогда не откроют.

Одним из самых загадочных и противоречивых периодов советской истории является время между заключением Англией и Францией – с одной стороны, и Германией и Италией – с другой позорного Мюнхенского пакта, и подписанием Молотовым и Риббентропом договора о ненападении, а затем и советско-германского договора о дружбе и границе. До Мюнхена Советское правительство прилагало усилия по сохранению мира во всем мире, поскольку справедливо опасалось агрессии со стороны крупнейших европейских государств, при поддержке Соединенных Штатов. Однако усилия эти успехом не увенчались: Италия захватила Абиссинию (Эфиопию); Германия, проведя референдум, законным путем вернула себе Саар, затем ввела войска и демилитаризировала Рейнскую область, осуществила аншлюс Австрии; Япония вела захватническую войну в Китае, и Советский Союз Китай поддерживал, в том числе, и военной силой; Генерал Франко совершил государственный переворот в Испании и развязал там гражданскую войну, а Германия и Италия осуществили интервенцию на стороне мятежников (впрочем, СССР также в стороне не остался, формально поддержал законное правительство, и выступил на стороне республиканцев).

Недальновидная политика правительств Англии и Франции, с одной стороны, и агрессивные устремления Гитлера и Муссолини – с другой, неумолимо толкали мир к новой глобальной войне. Апофеозом такой политики и стал Мюнхен: Франция, несмотря на то, что у нее был с Чехословакией договор о взаимной помощи, и Англия просто отдали эту страну, расположенную в самом центре Европы, на съедение Гитлеру. Отдали без согласия правительства Чехословацкой Республики, чьих представителей даже не пригласили на переговоры. (Хотя еще мудрый Бисмарк утверждал: «Кто владеет Чехией, тот владеет Европой». Значит, отдав Чехословакию, англичане и французы, по сути дела, отдали Гитлеру всю Европу). Но если чехов хотя бы пригласили в Мюнхен, то представителей нашей страны, у которой с Чехословакией тоже был договор о взаимной помощи, даже не позвали, чем очень обидели Сталина.

Советский Союз в одиночку в чехословацкие события вмешаться не мог по двум причинам. Во-первых, в соответствии с Протоколом к советско-чехословацкому договору о взаимной помощи, подписанному 16 мая 1935 года в Праге, оказание нашей страной помощи Чехословакии ставилось в зависимость от позиции правительства Франции – сначала на помощь жертве агрессии должна была прийти Франция¹. На этом настоял министр иностранных дел Чехословакии Эдвард Бенеш, который хотел избежать автоматического действия пакта², заранее ограничив возможность оказания советской помощи Чехословакии, равно как и чехословацкой помощи Советскому Союзу. Тем самым значение договора было существенно нивелировано. Тем не менее, Кремль, несмотря на всю очевидную непоследовательность Бенеша, подписал протокол именно в такой редакции. Во-вторых, Красная Армия не могла пройти к

¹ «Известия», 18 мая 1935 г.

² Внешняя политика Чехословакии, 1918–1939: Сборник статей. М., 1959, с. 366.

границам Чехословакии иначе, как через территорию Польши, а та согласия на это не давала. Впрочем, Польшу об этом никто официально и не просил.

Однако перечисленные события Советского Союза непосредственно не затрагивали. Да и с момента подписания мюнхенского соглашения, неизменно именуемого в советской литературе «сговором» и пактом Молотова – Риббентропа прошло почти одиннадцать месяцев.

Что же происходило в это время? Как стала возможна Вторая мировая война, и как Советский Союз к моменту нападения на него Германии остался без единого союзника, если не считать далеких Монголии и Тувы, которых и союзником-то назвать язык не поворачивается, поскольку вреда от этого политического мезальянса было куда больше, чем пользы.

Официальная советская история утверждала, что Правительство СССР делало все от него зависящее, чтобы создать систему коллективного отпора агрессору, однако правительства Англии и Франции, при потворстве из-за океана, всячески этому препятствовали, толкая Гитлера на Восток, пытаясь договориться с Германией за спиной СССР и против СССР. В этих условиях, Кремль был вынужден заключить мирный договор с Германией, ведь иначе страна была бы ввергнута в войну еще в 1939 году в крайне невыгодных для себя условиях и в полной изоляции. Пойдя на пакт с Гитлером под тяжестью этих обстоятельств, и едва ли не против своей воли, Сталин хотел оттянуть неизбежную войну, чтобы лучше к ней подготовиться.

Что же делало Правительство СССР для создания эффективной системы коллективной безопасности? Официальная советская историография была немногословна. Когда я в восьмидесятые годы учился в институте, в учебнике по истории КПСС – был такой обязательный предмет в советских ВУЗах – было написано примерно следующее: «В апреле 1939 года Советское правительство предложило Англии и Франции заключить договор о взаимопомощи, но правительства этих держав, после длительных проволочек и под предлогом надуманных обстоятельств, советские предложения отвергли. В конце июня Лондон и Париж, наконец-то, согласились на предложения Правительства СССР, и направили в Москву для заключения военной конвенции свои военные миссии, в составе которых были второстепенные лица, не имевшие, к тому же, от своих правительств никаких полномочий на ведение переговоров и подписание документов. СССР заявил о готовности выставить на единый фронт борьбы с агрессором 136 дивизий, и потребовал пропуска Красной Армии через территорию Польши к восточным границам Германии. Союзники предложили только пять дивизий, вопрос о пропуске Красной Армии в Польшу рассматривать отказались, и переговоры из-за позиции англо-французской делегации, продлившись всего десять дней, закончились безрезультатно, несмотря на все усилия советской военной миссии».

Такую или подобную ей фразу можно было найти практически в любой советской книге, касающейся предвоенного периода и усилий Советского правительства по созданию эффективной системы противодействия агрессии. Читая это, я отчетливо представлял себе, как высокомерные французы и чопорные англичане курят свои сигареты в мундштуках, трубки и толстые сигары, и на все предложения Народного комиссара обороны СССР Климента Ефремовича Ворошилова чванливо отвечают: «Нет»!

После краха Советской власти и развала СССР все это перекочевало в творения современных пропагандистов от истории и историков от пропаганды: единственный шаг, закончившийся неудачей, короткие военные переговоры. И это все, что было сделано ради сохранения мира в Европе!

За одиннадцать месяцев в Европе произошли весьма существенные события, кардинально изменившие расстановку сил на континенте: в марте Германия, нарушив мюнхенское соглашение, полностью оккупировала Чехию, Словакия стала формально самостоятельным, а на деле – вассально зависимым от Германии марионеточным государством. В один день 23 марта 1939 года Германия путем шантажа и запугивания отняла у Литвы Мемель (Клайпеду) и теми же методами вынудила Румынию подписать кабальное соглашение, практически пол-

ностью подчинявшееся экономике Румынии германским интересам. В апреле 1939 года Италия вторглась в Албанию и оккупировала ее. 27 апреля Англия ввела всеобщую воинскую повинность. На следующий день Гитлер заявил об одностороннем разрыве англо-германского морского соглашения, ограничивавшего тоннаж германского военного флота, и об односторонней денонсации польско-германского договора о ненападении. Япония продолжала войну в Китае.

В отличие от 1938 года, когда европейские события интересовали Советского Союза затрагивали лишь косвенно, то, что происходило в Европе после Мюнхена, уже непосредственно касалось нашей страны. И в таких условиях за одиннадцать месяцев Кремль предпринял один единственный безуспешный, а по сути своей – формальный – шаг для создания системы коллективного отпора окончательно зарвавшимся Гитлеру и Муссолини, для объединения всех миролюбивых держав против агрессора? Не маловато ли для страны, на протяжении всей своей истории провозглашавшей пацифизм, и вот уже больше семидесяти пяти лет твердящей, что для сохранения мира в предвоенный период ею сделано все возможное?

Я призадумался: либо усилия Кремля в борьбе за мир несколько преувеличены, либо было что-то, что я не знаю. И другой вопрос не давал мне покоя: если правительства Англии и Франции отвергли единственное советское предложение о создании блока государств против Германии и Италии, то зачем Кремль настаивал на приезде в Москву военных миссий, и зачем Англия и Франция согласились эти миссии прислать? Ведь когда нет ни то, что официально подписанного политического соглашения, но даже простой устной договоренности, любые военные переговоры обречены не просто на провал, но и на потерю лица и престижа всеми участниками таких переговоров. И я захотел разобраться, найти документы, чтобы ответить на этот животрепещущий, по крайней мере, для меня, вопрос.

К моему большому удивлению, долго искать не пришлось, так как все лежало на поверхности, стоило лишь захотеть: еще до распада Советского Союза был опубликован огромный массив документов, позволяющих достаточно точно и подробно проследить развитие событий после Мюнхена и до начала Второй мировой войны. Другой вопрос, что публиковались документы бессистемно, в различных источниках с отпугивающими названиями, таких, как вышедший в 1971 году сборник «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939)», двухтомник «Документы и материалы кануна второй мировой войны», увидевший свет в 1981 году, двухтомник «Год кризиса», появившийся в 1990 году, многотомное издание «Документы внешней политики СССР», а также других, менее толстых изданий, в том числе и периодических. Самая первая публикация «Записей переговоров военных миссий СССР, Великобритании и Франции» была осуществлена, страшно сказать, еще в 1959 году, и не где-нибудь – я поначалу не поверил, пока своими глазами не увидел – в журнале ЦК КПСС «Международная жизнь». Предвоенные газеты, по крайней мере, в Свердловске, в библиотеках всегда были в свободном доступе: я впервые познакомился с ними еще в 1981 году. Так что, в материалах недостатка не было. Если читать документы подряд, предвоенная роль Правительства Советского Союза выглядит не столь уж однозначно положительно.

Вниманию читателя предлагается книга, в которой собрано и систематизировано большое количество различных документов из Архива внешней политики России – бывшего Архива внешней политики СССР, зарубежных источников, а также материалы из советских газет 1939 года. С тем, чтобы избежать обычных в таких случаях обвинений в предвзятости и тенденциозности подбора материала, подавляющее большинство приведенных отечественных и иностранных документов взято из открытых источников, опубликованных в СССР. По сути, мы остаемся в той же системе доказательств, которую использовали советские историки, и продолжают эксплуатировать нынешние псевдопатриоты, рассказывая, какие титанические усилия предпринимались Сталиным, для того, чтобы создать антигитлеровскую коалицию еще в 1939 году. Использование в работе документов и публикаций времен Советской власти только повышает убедительность сделанных в ней выводов, поскольку эти документы и публикации,

во-первых, прошли семь кругов цензуры, и, во-вторых, противоречили тогдашней официальной версии. Весь материал, за небольшим исключением, изложен в хронологическом порядке.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕНТЯБРЬ 1938-го – МАРТ 1939-го ГОДА

29 сентября 1938 года в Мюнхене Гитлер и Муссолини – с одной стороны, и премьер-министры Великобритании и Франции Невилл Чемберлен и Эдуард Даладьё – с другой, подписали знаменитое мюнхенское соглашение, вошедшее во все советские учебники истории под названием «мюнхенский сговор». В соответствии с «договором» Германия получала Судетскую область Чехословакии, граница с Германией проходила в сорока километрах от Праги, страна теряла значительную часть промышленности. Англия и Франция гарантировали Чехословакии свою защиту от дальнейших захватов, а фюрер и дуче обещали больше никаких захватов не совершать³.

За три дня до этого важнейшего для судеб Европы события, 26 сентября 1938 года Гитлер сказал: «Мы дали гарантии западным державам. Мы заверили наших непосредственных соседей в том, что мы, поскольку это касается Германии, уважаем целостность их территорий. Это не просто фраза. Это наша священная воля. Мы совершенно не заинтересованы в нарушении мира. Мы ничего не хотим от этих народов»⁴.

Все дальнейшие события покажут, что обманут Чехословакию все – Гитлер меньше чем через полгода захватит оставшуюся часть Чехии, в Братиславе посадит марионеточное правительство Йозефа Тисо, а Лондон и Париж в ответ на это ограничатся невнятными заявлениями, да кратковременным отзывом послов из Берлина.

30 сентября Гитлер и Чемберлен, чтобы дважды не вставать там же, в Мюнхене, подписали совместную англо-германскую декларацию, в которой говорилось, что стороны пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Подписанное накануне вечером соглашение рассматривалось как символизирующее желание Англии и Германии никогда не воевать друг с другом. Стороны приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться Англии и Германии. Оба правительства заявили о своей решимости продолжать свои усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе⁵. В декларации не было указано, с какого дня она начинает действовать и в течение какого срока сохраняет силу.

Документ этот, хотя он полностью соответствовал своему названию, то есть, носил откровенно декларативный характер и не имел юридического статуса, по своей сути был пактом о ненападении между Англией и Германией. Весь мир обошли кадры кинохроники, как Чемберлен, приехав в Лондон, радостно потрясал этим документом, и говорил, что «привез мир нашему поколению». 3 октября 1938 года Уинстон Черчилль по этому поводу произнес свою бессмертную фразу: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Сколь наивен и близорук был Чемберлен, и сколь прозорлив Черчилль, стало ясно меньше чем через год, когда разразилась Вторая мировая война. Весь мир обошли кадры кинохроники, как Чемберлен, приехав в Лондон, радостно потрясал этим доку-

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. М-во иностр. дел СССР, М., Политиздат, 1981, (далее – Документы и материалы...) Т. 1, С. 237–239.

⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 2-х томах. М, Госюриздат, 1954, Т. 1, С. 178.

⁵ «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы». М., Политиздат, 1971, (далее – «СССР в борьбе за мир...») С. 21–22.

ментом, и говорил, что «привез мир нашему поколению». 3 октября 1938 года Уинстон Черчилль по этому поводу произнес свою бессмертную фразу: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Сколь наивен и близорук был Чемберлен, и сколь прозорлив Черчилль, стало ясно меньше чем через год, когда разразилась Вторая мировая война.

Вряд ли Черчилль мог знать, что еще в сентябре 1938 года командование военно-морского флота Германии издало инструкцию под заголовком «Мнение относительно плана ведения морской войны против Англии», в которой говорилось:

1) Если, в соответствии с решением фюрера, Германия должна завоевать положение мировой державы, то она нуждается не только в достаточных колониальных владениях, но также и в том, чтобы обеспечить свои морские коммуникации и выход к океану.

2) Оба эти условия могут быть выполнены лишь вопреки англо-французским интересам и ограничат их положение как мировых держав. Нельзя рассчитывать на то, что это может быть осуществлено мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу ставит перед нами необходимость произвести соответствующую подготовку к войне.

3) Война против Англии означает в то же время войну против Британской империи, против Франции, возможно, против СССР и против ряда стран, расположенных на другом континенте. В действительности против половины или одной трети всего мира. Это может быть оправдано и иметь шанс на успех лишь в том случае, если это будет подготовлено экономически, политически, а также в военном отношении и если это будет осуществляться с целью завоевать для Германии выход к океану⁶.

Уже через десять дней после подписания мюнхенского соглашения, Гитлер дал понять всему миру, что верить ему нельзя: 11 октября 1938 года он выступил в Саарбрюккене с речью, содержащей угрозы по адресу Франции и Англии. Гитлер заявил, что работы по возведению на границе с Францией военных укреплений будут «продолжены со все возрастающей энергией». В частности, они будут распространены на новые районы Саарской области и Аахена. Гитлер вызывающе заявил, что приход в Англии к власти Идена⁷ или Дафф Купера⁸ заставил бы Германию относиться к Англии как к стране, которая «поставила своей целью войну».

В политических кругах Франции, которые пытались оправдать мюнхенскую капитуляцию, накануне речи Гитлера распространялась успокоительная версия, что Гитлер якобы намеренно избрал Саарбрюккен, расположенный вблизи границы с Францией, для успокоительных заявлений по французскому адресу. Эта речь, по слухам, распространявшимся профашистскими элементами, должна была подтвердить, что мюнхенское соглашение открывает «новые благоприятные перспективы». Однако первые же сведения о выступлении Гитлера жестоко обманули ожидания даже самых раболепных лакеев германского фашизма. Заявление Гитлера о том, что Германия будет продолжать свои военные приготовления на французской границе, его новые нападки на демократию и бесцеремонное вмешательство во внутренние дела демократических стран, и прежде всего в дела Англии, с которой Гитлер подписал 30 сентября «дружескую декларацию», произвели здесь большое впечатление.

Разочарование и возмущение этим выступлением Гитлера проявлялось даже в тех французских газетах, которые все время защищали мюнхенскую капитуляцию. Близкая к правительству газета «Пти паризьен» конфузливо воздержалась от комментариев. Но редакционная

⁶ Нюрнбергский процесс..., Т. 1, С. 178–179.

⁷ Энтони Иден был министром иностранных дел Англии с 22 декабря 1935 г. по 20 февраля 1938 г. Возможно, угрозы Гитлера возымели действие, и, чтобы не злить бесноватого фюрера, Черчилль решил Идена в правительство не назначать. Вновь пост главы форин офиса Иден занял 10 мая 1940 г.

⁸ Альфред Дафф Купер с 22 ноября 1935 г. по 28 мая 1937 г. возглавлял военное министерство, до октября 1938 г. был Первым лордом адмиралтейства. Покинул свой пост в знак протеста против мюнхенского договора.

статья «Жур – Эко де Пари» вынуждена признать, что, как свидетельствует речь Гитлера, мюнхенское соглашение отнюдь не удовлетворило аппетитов германского фашизма.

Консервативная английская газета «Дейли миррор» расценила речь Гитлера как «наиболее возмутительное вмешательство во внутренние дела Англии, какое только имело место в течение этого столетия».

Берлинский корреспондент «Манчестер гардиан» отмечал, что характер речи Гитлера был совершенно неожиданным, речь вызвала большое возбуждение в дипломатических кругах, что эта речь «затрудняет» политику, проводимую Чемберленом и Галифаксом, поскольку выступление Гитлера последовало непосредственно за подписанием мюнхенского соглашения.

Касаясь речи Гитлера в Саарбрюккене, «Нью-Йорк таймс» в передовой статье писала, что «она не может утешить тех, которые полагали, что мюнхенское соглашение приведет в европейскому умиротворению». Напротив, капитуляция Англии и Франции в Мюнхене еще более убедила Гитлера в том, что и в дальнейшем он может добиваться своих целей при помощи угроз. По существу Гитлер в своей речи прямо заявил, что будет рассматривать как недружественный акт Англии по отношению к Германии, если на смену Чемберлену придут Дафф Купер, Иден или Черчилль. «Гитлер начал поучать Англию, какое правительство она должна иметь, чтобы получить одобрение с его стороны»⁹.

Несмотря на эту недружественную по отношению к Франции речь фюрера, 6 декабря 1938 года в Париже министры иностранных дел Франции Жордж Бонне и Германии – Иоахим фон Риббентроп, подписали франко-германскую декларацию, в которой говорилось, что правительства обоих государств полностью разделяют убеждение в том, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией являются одним из главнейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства обещали способствовать тому, чтобы обеспечить в этом направлении развитие отношений между своими странами. Оба правительства констатировали, что между Германией и Францией нет более никаких неразрешенных территориальных вопросов и торжественно признали в качестве окончательной границы между двумя державами ту границу, которая существует в настоящий момент. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующими обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям. Декларация не требовала ратификации, вступала немедленно в день подписания, однако срок ее действия указан не был¹⁰.

Эта декларация, так же, как и англо-германская декларация от 30 сентября 1938 года юридического статуса не имела, однако по сути своей она была договором о ненападении, и, что очень важно, признавала де-факто существующие границы между Францией и Германией, то есть, Германия оказывалась от любых территориальных претензий к Франции, в том числе, претензий на свои прежние колонии, которые были отторгнуты у нее после поражения в мировой войне и переданы под управление Франции. Казалось бы, и англо-германская, и франко-германские декларации предполагают дальнейшее развитие мирного процесса, должны привести к юридическому оформлению договоров о ненападении между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой, и исключают применение силы в международных отношениях, и должны надолго обеспечить мир в Европе, но этого не случилось.

В самом конце 1938 года германское правительство известило английское правительство о том, что Германия намерена воспользоваться «своим правом» создать такой подводный флот,

⁹ «Правда», 11 октября 1938 г.

¹⁰ Документы и материалы... Т. 1. С.256–257.

общий тоннаж которого будет равен тоннажу английского подводного флота. Фактически Германия поставила об этом в известность Англию еще в начале декабря. Однако официальное сообщение о требованиях Германии было опубликовано впервые только 30 декабря. 29 декабря из Лондона в Берлин выехали представители английского военно-морского министерства для того, чтобы обсудить с германскими представителями все вытекающие из вышеупомянутого извещения германского правительства вопросы. Со стороны Германии ведут переговоры с представителями Англии в Берлине командующий германским военно-морским флотом адмирал Редер¹¹ и начальник штаба военно-морского флота контр-адмирал Шнивиндт¹².

В лондонских военно-морских кругах указывали, что в соответствии с англо-германским морским соглашением 1935 года Германия обязалась иметь подводный флот, тоннаж которого не должен превышать 45 % общего тоннажа английского подводного флота¹³.

Однако в дальнейшем Англия и Германия пришли к соглашению, по которому Германия имеет право, «если этого от нее потребуют обстоятельства, довести тоннаж своего подводного флота до уровня тоннажа английского подводного флота.

Одной из задач английской делегации, выехавшей в Германию, было «получение информации относительно тех обстоятельств, которые заставляют Германию считать необходимым увеличение своего подводного флота». В момент подписания англо-германского морского соглашения водоизмещение английского подводного флота составляло 50 тыс. тонн. К началу 1939 года оно составляло примерно 70 тыс. тонн. Тоннаж германского подводного флота к тому моменту составлял 25 тыс. тонн¹⁴, то есть, даже меньше, чем было предусмотрено соглашением.

Заявление германского правительства о том, что оно намерено создать подводный флот, равный по общему тоннажу английскому подводному флоту, оказалось неожиданностью для Лондона. Там бытовало мнение, что Германия вполне удовлетворена соотношением сил подводных флотов, которое сложилось к концу 1938 года. В хорошо информированных кругах это требование Германии расценили как первый шаг к каким-то новым дипломатическим мероприятиям германского правительства, и что Германия, предъявляя такое требование, хотела помочь Муссолини, оказав влияние на ход его предстоящих переговоров с Чемберленом.

Английская печать подчеркивала, что в случае согласия английского правительства с требованием Германии последняя получила бы значительное превосходство в подводном флоте, поскольку она уже сейчас фактически имела 71 подводную лодку, в то время как Англия обладала 69 подводными лодками. Так как тоннаж английских подводных лодок значительно больше тоннажа германских лодок, то Германия, в случае, если она добьется паритета, будет иметь возможность построить еще 60, или 70 новых подводных лодок. Таким образом, по тоннажу английский и германский подводные флоты будут равны, а в количественном отношении Германия будет иметь в 2 раза больше подводных лодок, чем Англия.

По данным морского обозревателя газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост», германский подводный флот состоит из 15 подводных лодок водоизмещением по 700 тонн, 24 –

¹¹ Эрих Редер командовал германским военно-морским флотом до 30 января 1943 г. Затем на этом посту его сменил Карл Денниц – последний рейхспрезидент фашистской Германии. В мае 1945 г. Редер попал в плен к советским войскам. Нюрнбергский трибунал приговорил его к пожизненному заключению. В 1955 г. Редера освободили по состоянию здоровья, после чего он прожил еще пять лет.

¹² Отто Швиндт возглавлял штаб германского флота с 31 октября 1938 по 22 августа 1939 г. С 12 июня 1941 г. был командующим флотом. 31 июля 1944 г. переведен в резерв фюрера, а 30 апреля 1945 г. уволен в отставку. 8 мая 1945 г. арестован британскими властями. Американским военным трибуналом по делу ОКВ был оправдан и 30 октября 1948 г. освобожден.

¹³ Речь идет об англо-германском соглашении, подписанном в Лондоне 18 июня 1935 г., и установившем установившее соотношение между морскими силами двух стран. В соответствии с этим соглашением мощь германского надводного военного флота не должна была превышать 35 %, а подводного – 45 % от совокупной мощи флота Великобритании. В случае нарушения этого соглашения Германия должна была предупредить Лондон.

¹⁴ «Правда», 1 января 1939 г.

по 500 тонн и 32 – по 250 тонн. В то же время большинство английских подводных лодок имеет по 1 800 и 1 100 тонн водоизмещения¹⁵. Как известно, переговоры закончились для сторон безрезультатно, и Гитлер сам, в одностороннем порядке денонсировал это соглашение 28 апреля 1939 года. Однако сам факт действий Германии, направленных на увеличение своего флота, не мог не насторожить Москву.

5 января 1939 года полномочное представительство СССР¹⁶ в Берлине посетили бывший посол Германии в СССР Рудольф Надольный¹⁷ и экономический советник германского посольства в Москве Густав Хильгер¹⁸. От имени правительства Германии визитеры предложили возобновить, прерванные в марте 1938 года, еще до Мюнхена, переговоры о предоставлении Германией Советскому Союзу кредита на 200 млн. марок. По результатам этой беседы полпред Алексей Федорович Мерекалов отправил сообщение в Народный комиссариат¹⁹ иностранных дел (НКВД) СССР²⁰.

8 января член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком внешней торговли СССР Анастас Иванович Микоян телеграфировал Мерекалову, что он может сообщить правительству Германии, что Советское правительство согласно возобновить переговоры на базе улучшения ранее выставленных Германией условий, и что переговоры желательно вести в Москве²¹. 11 января полпред сообщил заведующему отделом экономической политики МИД Германии Эмилю Виллю и Хильгеру о согласии Кремля на возобновление переговоров по кредиту. Виль высказал надежду, что потребности Германии в сырье будут удовлетворены по списку, переданному советскому торговому представительству в Берлине 22 декабря 1938 года²².

Никаких особых причин для возобновления кредитных переговоров у Германии не было. Во-первых, идеологические противоречия между национал-социализмом и коммунизмом никуда не исчезли, и, во-вторых, немцам самим денег не хватало. В Москве не скрывали, что кредитные средства намерены потратить на закупку оборудования для производства вооружений, либо самих вооружений, которых у немцев было не густо – они же к войне гото-

¹⁵ «Правда», 2 января 1939 г.

¹⁶ Так в период с 1918 по 1941 г. назывались посольства СССР в других странах, сокращенно – полпредства; посол назывался полномочным представителем или полпредом.

¹⁷ Рудольф Август Надольный в 1933 г., вскоре после прихода Гитлера к власти, был назначен послом в СССР. 17 марта 1934 г. в беседе с членом коллегии НКВД СССР Борисом Стомоняковым весьма неодобрительно говорил о политике Гитлера в отношении Советского Союза: «Надольный, как обычно, говорил о внешнеполитических ошибках гитлеровцев, неизбежных после переворота такого масштаба, об изживании этих ошибок руководителями национал-социалистов, и прежде всего Гитлером, о предубежденности Кремля к гитлеровской Германии, объясняемой, по его мнению, прежде всего горечью из-за крушения надежд Москвы на то, что Германия будет вторым советским государством, о необходимости постепенно отряхиваться от пережитого и вернуться на рапалльский путь и (Документы внешней политики СССР. М., 1971, Т. XVII, С. 191). В личной беседе, состоявшейся вечером 28 марта 1934 г. в помещении германского посольства в Москве между Надольным, наркомом обороны СССР Ворошиловым и заместителем наркома иностранных дел СССР Крестинским была достигнута неофициальная договоренность. Надольный приветствовал предложение Литвинова как свидетельство советского доверия к Гитлеру, выразил, однако, сомнение относительно возможности его принятия. Советские представители заявили ему совершенно определенно, «что отрицательный ответ на... предложение будет понят... как доказательство того, что у Берлина имеются агрессивные намерения против Прибалтийских государств». Надольный заверил, что он хорошо понимает, как германский отказ будет истолкован Москвой, поэтому «он лично будет настаивать перед германским правительством на принятии... предложения» (ДВП СССР, т. XVII, С. 215–220). По этой причине в отставка Надольного в июне 1934 г. была воспринята как доказательство агрессивных намерений Гитлера в отношении Восточной Европы.

¹⁸ Г. Хильгер родился в 1857 г. в Москве в семье немецкого фабриканта. С 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. Хорошо говорил по-русски. Являлся сторонником мирных добрососедских отношений Германии с СССР. После войны рассказал о том, как готовились и подписывались советско-германские договоры 1939 г. и секретные протоколы к ним.

¹⁹ Так в период с 1917 по 1946 г. в СССР назывались министерства, а Правительство СССР, соответственно, – Совет Народных Комиссаров.

²⁰ Архив внешней политики России (далее – АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 5.

²¹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 6–7.

²² АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 23–24.

вились, и не просто к войне, а к войне с Советским Союзом. Однако в Берлине, почему-то сами предложили возобновить прерванные весной прошлого года переговоры. Вряд ли Гитлер был столь глуп, чтобы помогать своему будущему противнику. Возможно, предложение возобновить переговоры является, во-первых, свидетельством того, что в 1939 году Гитлер воевать с Советским Союзом не собирался, и, во-вторых, это было первым шагом к улучшению отношений.

10 января советский полпред в Англии Иван Михайлович Майский направил пространственный доклад наркому иностранных дел СССР Максиму Максимовичу Литвинову:

1. 1939 год Уайтхолл²³ и его сторонники встречают в депрессии. Исчезли радужные надежды прошлого февраля, когда Чемберлен уверенно заявлял, что вскоре он «умиротворит» Европу и будет создана длительная эпоха всеобщего благополучия в рамках «пакта четырех»²⁴. Пропали и те, уже куда менее амбициозные ожидания, которые он связывал с мюнхенской капитуляцией. Никто больше не вспоминает о «мире в наше время», который Чемберлен привез из Мюнхена, и сам он говорит сейчас об англо-германской декларации, скорее, извиняясь, чем торжествуя. У консерваторов наступило отрезвление. Острого кризиса, грозящего падением кабинета в ближайшее время, нет, и Чемберлен может легко продержаться до очередных парламентских выборов, ожидаемых нынешней осенью, но есть процесс хронического истощения организма.

2. Больше всего для отрезвления правящих кругов Англии от Мюнхена сделали Гитлер и Муссолини. Предав Чехословакию, эти круги надеялись такой ценой купить спокойствие на ближайшие несколько лет, полагая, что, в крайнем случае, принеся в жертву еще и Испанию, они окончательно «утолят» аппетиты агрессоров в том, что касается непосредственно Франции и Англии. На деле получилось совсем иначе, именно так, как предупреждало Правительство СССР, как позднее говорила и писала английская оппозиция. Мюнхен не принес спокойствия, а лишь развязал аппетиты агрессоров.

Три события минувших трех месяцев сыграли особенно большую роль в деле отрезвления в Лондоне: колониальные требования Гитлера и Муссолини, еврейские погромы в Германии²⁵, резкая кампания немецкой прессы против Англии, начавшаяся сразу после подписания мюнхенской декларации и продолжающаяся по сегодняшний день. Сейчас к этим трем моментам, по-видимому, присоединится четвертый – морское строительство в Германии, в частности, ее желание удвоить свой подводный флот.

Эти многочисленные и разнообразные затруднения расстраивают даже самых преданных сторонников премьер-министра. Особенно их тревожит та легкость, с которой агрессоры каждый день выдумывают новые и часто совсем неожиданные «требования», «проблемы», «жалобы» и т. д., становящиеся затем предметом дипломатических конфликтов и эвентуально-военных столкновений²⁶. Под этим углом зрения сильнейшее впечатление в Англии произвела акция Муссолини по вопросу территорий²⁷.

²³ Нарцательное обозначение правительства Великобритании.

²⁴ 15 июля 1933 г. в Риме между Англией, Францией, Германией и Италией был подписан Пакт согласия и сотрудничества, вошедший в историю под названием «Пакт четырех». Это была попытка противопоставить Лиге Наций блок четырех великих держав, которые стремились подчинить себе Европу, в том числе, и Советский Союз. Однако из-за серьезных противоречий, выявившихся между Францией и другими участниками пакта еще на стадии его обсуждения и подписания, в частности, колониального вопроса, Франция пакт не ратифицировала, и он никогда не вступал в силу.

²⁵ 9 ноября 1938 г. в Париже польский еврей Гершель Гриншпан застрелил третьего секретаря германского посольства Эрнста фон Рата. Это стало поводом для «Хрустальной ночи» – еврейских погромов, которые прошли 9–10 ноября 1938 г. по всей Германии и Австрии. Полиция не препятствовала этим погромам. После Хрустальной ночи, которая положила начало Холокосту, продолжилось экономическое и политическое преследование евреев: на них была наложена астрономическая контрибуция в 1 млрд. марок.

²⁶ Эвентуальный – возможный при соответствующих обстоятельствах.

Все усиливающиеся слухи об аннексии Мемеля и Данцига, несмотря на заверения Гитлера Чемберлену в Мюнхене, что Судеты – его последнее территориальное требование в Европе, действуют в том же направлении. Даже ярые консерваторы сейчас возмущены бесконечными аппетитами Гитлера и Муссолини. В результате Уайтхолл все больше убеждается в том, что нельзя идти бесконечно по пути «умиротворения» и что близок момент, когда надо будет решительно сказать: «До сих пор и не дальше!» Если Гитлер и Муссолини пойдут на какие-либо шаги, непосредственно и серьезно затрагивающие интересы западных демократических держав, не исключено, что те ошестивятся. Так, по крайней мере, чувствуется в Англии.

3. Именно для того, чтобы избежать этой необходимости и всех вытекающих отсюда последствий, соратники Чемберлена в последнее время прилагают лихорадочные усилия к тому, чтобы повернуть острие германской агрессии на восток. Повторяется нечто подобное тому, что происходило в Англии зимой 1932/33 годов, когда Саймон²⁸ и другие лидеры из кожи лезли вон для того, чтобы столкнуть СССР с Японией на Дальнем Востоке.

Пресловутая «украинская проблема» гораздо больше муссируется в Англии и Франции, чем в Германии. Круги, близкие к Чемберлену, сознательно раздувают «украинское направление» германской агрессии, стремясь подсказать Гитлеру именно такой ход. Не исключено, что Лондон и Берлин сейчас ведут по этому поводу какие-либо более обязывающие и конкретные разговоры. Но движение на воссоединение с Польшей на Советской Украине просто невысказано, поскольку там полностью разрешены национальный и земельный вопросы. Кроме того, народ хорошо помнит германскую оккупацию 1918 года. В данный момент «украинская» агитация в Англии пошла на убыль. Гитлер вряд ли всерьез думает о Советской Украине как о задаче непосредственного будущего, ибо он не хочет рисковать большой войной.

4. Несмотря на явный спад мюнхенских настроений, вряд ли Чемберлен уйдет в отставку: с планом «умиротворения» тесно связана его политическая репутация. Поэтому он будет цепляться за власть любыми способами. Альтернативы его правительству по-прежнему нет, что сильно облегчает Чемберлену его маневры.

5. Чемберлен неисправим. Вынужденная переориентация кабинетом своей внешней политики приведет к уходу Чемберлена. Но при нынешнем партийно-политическом положении и взаимодействии различных факторов в стране весьма непросто найти ему преемника. Поэтому, с каждым днем политически все более хирея, правительство Чемберлена, тем не менее, имеет много шансов еще долго тянуть свое существование, если, конечно, Гитлер и Муссолини не выкинут в ближайшее время какого-либо исключительного коленца, которое круто изменит всю ситуацию²⁹.

Из телеграммы Майского Литвинову можно сделать осторожный вывод: в политике английского правительства намечаются робкие перемены, обусловленные пониманием того, что с Гитлером договориться невозможно, что он рано или поздно найдет предлог, чтобы обмануть, или обманет без предлога. Это тем более важно, что такое понимание стало приходить раньше, чем Германия, нарушив мюнхенские договоренности, полностью оккупирует Чехию – до этих событий оставалось еще более двух месяцев.

²⁷ 30 ноября 1938 г. в парламенте Италии начались внешнеполитические дебаты. Когда министр иностранных дел Г. Чиано упомянул о «естественных стремлениях» Италии, группа депутатов-фашистов, а также толпа фашистов, собравшихся у здания парламента, начали кричать: «Тунис! Корсика! Савойя!». Эти требования к Франции, отражавшие агрессивные планы Муссолини, были немедленно поддержаны итальянской печатью. Франция считала свою позицию достаточно прочной и не пошла на уступки Италии.

²⁸ Джон Олсбрук Саймон – английский государственный деятель, в разное время возглавлявший МИД и МВД, служивший канцлером казначейства Англии.

²⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 5, д. 35, л. 3–7.

12 января на новогоднем приеме в своей резиденции Гитлер сам подошел к Мерекалову, и коротко и доброжелательно поговорил с ним³⁰. Предыдущих полпредов – Якова Захаровича Сурица и Константина Константиновича Юренёва фюрер не жаловал. Несмотря на то, что беседа фюрера с полпредом носила откровенно протокольный характер, она была еще и демонстративной – не исключено, что и сам прием, состоявшийся через 12 дней после Нового года, был устроен именно для этой беседы. На это обратили внимание все присутствующие, и назавтра об этой короткой беседе говорили во всех мировых столицах, обсуждая, что это – знак или послепраздничный каприз непьющего фюрера?

Это был знак. Гитлер, регулярно, словно по расписанию, выступал то в рейхстаге, то на съездах своей национал-социалистической партии. О том, когда фюрер соизволит выступить, знали заранее, и его речь во всех мировых столицах ждали с замиранием сердца: от того, что и с какой интонацией он изречет, зависело, что вы будете завтра делать – побежите с ружьем в окоп, или сможете ненадолго перевести дух. Гитлер, похоже, уже в начале января знал, что и как он скажет о Советском Союзе через месяц, и был уверен, что в Москве это оценят по достоинству.

Советские газеты о таком важном событии, как прием главой иностранного государства полномочного представителя Страны Советов, сообщить своим читателям постеснялись.

16 января американский поверенный в Москве У. Керк сообщал госсекретарю США Корделлу Хэллу, что согласно конфиденциальной информации, полученной от сотрудника германского посольства, в результате переговоров, происходящих в Берлине, в ближайшем будущем будет заключено торговое соглашение между СССР и Германией, предусматривающее расширение германо-советской торговли. Предлагаемое соглашение не имеет политического значения³¹. Керк ошибался: Кредитное соглашение между СССР и Германией будет заключено только через семь месяцев, 19 августа и оно будет иметь огромное политическое значение.

В третьей декаде января появились новые свидетельства весьма непростого экономического положения Германии. Сначала Гитлер 20 января уволил с поста председателя Рейхсбанка Ялмара Шахта – творца «германского экономического чуда». Председателем Рейхсбанка был назначен Функ³², сохранив и пост министра хозяйства. Шахт остался министром без портфеля. Объединение руководства министерства хозяйства и Рейхсбанка было официально объяснено необходимостью «дальнейшей централизации экономической и финансовой политики»³³.

В парижских и лондонских дипломатических кругах широко комментировали отставку Шахта с поста председателя германского Рейхсбанка и назначение на его место Функа. По мнению этих кругов, отставка Шахта свидетельствует о том, что руководители Германии встали на путь еще более крупных вооружений и новых военных авантур. Это решение лидеров германского фашизма тем более знаменательно, что финансовое положение Германии в результате бешеной подготовки к войне и авантюристической внешней политики стало катастрофическим.

Как известно, с целью сокрытия истинных размеров расходов на вооружения Берлин, начиная с 1934/1935 финансового года, прекратил публикацию бюджетов. Между тем, по подсчетам английских журналов «Экономист» и «Банкер», доля расходов на вооружения в расходной части германского бюджета возросла с 15 % в 1932/1933 году до 70 % в 1937/1938 году.

³⁰ АВП РФ, ф. 059; оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 17.

³¹ Foreign Relations of the United States. – Vol. 1 – Wash., 1956. – P 312–313.

³² Вальтер Функ Нюрнбергским трибуналом был приговорен к пожизненному заключению. В мае 1957 года его освободили по состоянию здоровья.

³³ «Правда», 21 января 1939 г.

Всего в 1933–1938 годах на вооружение было потрачено 47,1 млрд. марок (примерно 9,4 млрд. марок или 3,8 млрд. долларов в год. – Л.П.).

Одним из источников финансирования германских вооружений являлся усиленный выпуск бумажных денег: к концу 1938 года Рейхсбанк выпустил в обращение бумажных денег на сумму 8,6 млрд. марок против 4,2 млрд. марок в конце 1933 года. Это означает, что германский фашизм фактически уже вступил на путь инфляции. Шахт высказывался против того, чтобы и в дальнейшем продолжать форсировать инфляцию.

Французская газета «Ордр» писала, что уход Шахта является для Франции и Англии предостережением... Вероятно, что в конечном счете Гитлер и его окружение считают более выгодным действовать вначале в западном направлении, используя обстановку, которую создает сейчас своими действиями Италия. Газета передавала слух о подготовке в Германии негласной мобилизации, которая начнется 15 февраля.

Уход Шахта вызвал крайнее разочарование авторитетных финансовых и банковских кругов Англии. По единодушной оценке английской печати, отставка Шахта с поста председателя Рейхсбанка – это признак крайних финансовых и экономических затруднений Германии. Этот факт, по мнению газет, следует рассматривать как подготовку Германии к открытой инфляции, к дальнейшему ухудшению условий жизни германского народа и к еще более рискованным внешним авантюрам³⁴.

Функ развернулся довольно быстро. В опубликованном 2 февраля отчете Рейхсбанка говорилось, что за одну неделю пребывания Функа на посту председателя Рейхсбанка количество находящихся в обращении бумажных денег увеличилось на 54 миллиона фунтов стерлингов (примерно на 630 млн. рейхсмарок). Общее количество бумажных денег, находящихся в обращении, на 39 % превысило цифру за тот же месяц 1938 года. Золотой запас и валютные резервы Рейхсбанка резко сократились, и не превышают 6,5 млн. фунтов³⁵ (примерно 75,8 млн. марок или 30,3 млн. долларов. – Л.П.).

25 января Литвинов принял нового английского посла Уильяма Сидса в связи с предстоящим вручением им верительных грамот. Сидс отметил, что друзья Советского Союза в Англии обвиняют английское правительство в холодном отношении к СССР. Он имеет от английского правительства поручение сделать все, что в его силах, чтобы рассеять такое впечатление. Уайтхолл хотел бы «знать и благожелательно рассматривать точку зрения Советского правительства по международным проблемам»³⁶. Нарком к этим заявлениям посла отнесся скептически, хотя и признал, что англичане начинают, наконец, понимать иллюзорность надежд на восточное направление гитлеровской агрессии³⁷.

30 января состоялось заседание германского рейхстага. Сперва был принят закон о продлении правительству полномочий до 1943 года.

Затем с длинной речью выступил Гитлер. Сначала, анализируя события 1938 года, он заявил, что если бы тогда он не поставил вопроса разрешения проблемы Австрии и судетских немцев, мир не знал бы Мюнхена. Фюрер поблагодарил Чемберлена и Муссолини за их содействие в разрешении австрийского и чехословацкого вопросов.

Гитлер заявил, что из-за того, что после мировой войны у Германии отобрали колонии, она попала в чрезвычайно тяжелое экономическое положение. Необычайно резко Гитлер

³⁴ Там же, 22 января 1939 г.

³⁵ Там же, 5 февраля 1939 г.

³⁶ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Third series. Vol. 4. P. 25.

³⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 4, д. 34, л. 16.

заявил, что Германия не может жить без колоний, которые нужны Германии как источники сырья и рынки сбыта.

Гитлер заявил, что к Англии и Франции у него нет никаких претензий, кроме колониальных. Фюрер заверил, что Италии Германия поможет независимо от того, где бы и с кем она не вела войну. Особенно Гитлер подчеркнул значение германских и итальянских вооруженных сил и общность их интересов. Отношения Германии со всеми другими странами Гитлер назвал дружественными. Особо тепло, кроме Италии, Гитлер говорил о Японии, испанских мятежниках и Манчжоу-Го.

В речи Гитлера содержались очень резкие выпады по адресу США, но он ни слова не сказал об отношениях Германии с СССР и Китаем. В речи Гитлера видное место заняли резкие антисемитские высказывания, нападки на церковь и угрозы клерикалам строгими карами, если они будут критиковать фашистское государство и его руководящих лиц³⁸.

В конце января Гитлер еще не был готов к тому, чтобы открыто заявить о своих агрессивных планах по отношению к Польше, поэтому он, впрочем, как и всегда, маскируя свои намерения, рассыпался в любезностях: «Мы только что отпраздновали пятую годовщину заключения нашего пакта о ненападении с Польшей. Едва ли среди истинных друзей мира сегодня могут существовать два мнения относительно величайшей ценности этого соглашения. Достаточно только спросить себя, что случилось бы с Европой, если бы это соглашение, которое принесло столь значительное улучшение, не было бы подписано пять лет назад. Подписав это соглашение, великий польский маршал и патриот [Пилсудский³⁹] оказал своему народу такую же важную услугу, какую руководители национал-социалистского государства оказали германскому народу. В течение тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из решающих факторов в политической жизни Европы»⁴⁰.

Как же так? Главный идеологический противник коммунизма, два с половиной часа говорил о чем угодно – о колониях, о Чехословакии и Австрии, о США, Японии, Италии и находящейся Бог знает, где опереточной Манчжоу-Го, об экономике, о церкви и евреях – куда ж без них, и ни слова не сказал про своего главного врага – Советского Союза. Тем самым Гитлер очень удивил Сталина: после потоков брани, которые фюрер регулярно изрыгал по адресу Страны Советов, то, что он не упомянул ее ни с хорошей, ни с плохой стороны означало едва ли не похвалу. Гитлер уже в январе 1939 года начал подавать Сталину сигналы, что Германия хотела бы видеть в СССР не врага, и, если и не друга, то хотя бы стороннего наблюдателя.

1 февраля Дафф Купер в газете «Ивнинг стандарт» прокомментировал речь Гитлера. По словам Дафф Купера, знает мало таких фактов, когда одна страна давала бы другой стране такие неограниченные гарантии, какие дал Гитлер Италии. Речь Гитлера является «подстрекательством к агрессии». «Как долго, – пишет Дафф Купер, – будет продолжаться нынешнее положение вещей, и как долго отдельные периоды европейской истории будут устанавливаться в соответствии с интервалами между речами господина Гитлера? Не наступила ли пора, чтобы кто-нибудь ответил Гитлеру от имени английского правительства? Необходимо предупредить Гитлера, что он уже получил достаточно и что существует предел уступкам и терпению. Надо убедить Гитлера, чтобы он пришел со своими жалобами на конференцию или сообщил о них обычными дипломатическими путями. Надо ему напомнить, что 4 месяца тому назад он поклялся, что у него нет больше территориальных притязаний в Европе. Позволительно теперь спросить: почему же он в таком случае считает, что Германия должна увеличить свои вооружения?»⁴¹.

³⁸ «Известия», 1 февраля 1939 г.

³⁹ Юзеф Пилсудский – польский государственный и политический деятель, первый президент возрожденной Польши, основатель польской армии, Маршал Польши, культовая для Польши фигура.

⁴⁰ Нюрнбергский процесс... Т. 1, С 177.

⁴¹ «Правда», 2 февраля 1939 г.

28 января министр иностранных дел Великобритании лорд Эдуард Галифакс направил телеграммы послам во Франции Эрику Фиппсу и в Бельгии Роберту Клайву. Министр просил их конфиденциально сообщить правительству, при котором они аккредитованы о том, что правительство Англии знает о возможных планах Гитлера. Еще в ноябре появились сведения о том, что Гитлер планирует очередную внешнеполитическую авантюру на весну 1939 года. Сначала казалось, что он замыслил экспансию на Востоке, а в декабре в Берлине открыто заговорили о перспективе создания независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией.

С тех пор стало известно, что Гитлер думает о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке. Эти сведения получили некоторое подтверждение в том заверении, которое Гитлер дал министру иностранных дел Польши Юзефу Беку в отношении своих планов на Востоке, а также в той поддержке, которую Германия недавно оказала Италии в отношении ее претензий к Франции⁴².

В Лондоне пока не знают, принял ли Гитлер решение о каком-либо конкретном плане, однако известно, что он может:

- подтолкнуть Муссолини к предъявлению им претензий с помощью силы, и использовать свои обязательства перед Италией в качестве предлога для развязывания войны;
- напасть на Голландию, которая, в свою очередь, будет стремиться продиктовать свои условия Англии и парализовать Францию;
- подкупить Польшу, а возможно, и другие страны обещаниями допустить их к колониальному грабежу (как это было в случае с Тешинской Силезией в Чехословакии, которая с разрешения Гитлера была захвачена Польшей после Мюнхена).

В марте 1939 года, после полной оккупации Чехии, «отделения» Словакии и превращения ее в марионеточное государство, в Подкарпатскую Русь – область Словакии – также с разрешения Гитлера вошли венгерские войска. Сейчас это Закарпатская область Украины – Л.П.); в этом случае голландская Ост-Индия, возможно, будет обещана Японии;

– выдвинуть невыполнимый ультиматум по колониальному вопросу в речи, которая ожидается 30 января. (Как мы знаем, Гитлер ожидания английского правительства не обманул, и очень резко потребовал решить колониальный вопрос в пользу Германии. – Л.П.);

– внезапно начать бомбардировки Великобритании, и затем нанести удар по западным державам с суши и моря.

Недавно стало достоверно известно о том, что Берлин упорно настаивает на превращении антикоминтерновского пакта⁴³ в пакт по оказанию друг другу военной помощи против неспровоцированной агрессии третьей державы, и что Муссолини согласился, а в Токио пока еще думают.

Большинство прогнозов говорит о том, что опасный период начнется в конце февраля. Это подтверждается сведениями о том, что в Германии были отданы приказы о проведении мобилизации примерно в середине февраля. В Германии сейчас экономический и финансовый кризис, и это может толкнуть Гитлера на какую-либо авантюру за пределами страны. Он стоит перед выбором: снизить темпы перевооружения, которое требует больших затрат, и отказаться от политики экспансии, либо сделать что-то за пределами Германии, тем самым отвлекая вни-

⁴² Фюрер встречался с Ю. Беком 5 января 1939 г. в своей альпийской резиденции Берхтесгаден. («СССР в борьбе за мир...», С. 146–153).

⁴³ Антикоминтерновский пакт – подписанное 25 ноября 1936 г. в Берлине «Соглашение против Коммунистического Интернационала» – международный договор, создавший двусторонний блок Германии и Японии, направленный против стран III Коммунистического Интернационала с целью не допустить дальнейшего распространения коммунизма в мире. Через год, в ноябре 1937 г. к этому договору присоединилась Италия, что завершило формирование «Оси Рим – Берлин – Токио». В феврале 1939 г. к пакту присоединились Венгрия и Манчжоу-Го, в марте – Испания, а после начала Великой Отечественной войны – Болгария, Румыния и Финляндия, а также оккупированные Германией Дания, Словакия и Хорватия.

мание от затруднений внутри страны, а также приобретая материальные ресурсы, в которых страна крайне нуждается и которые она больше не может покупать за границей. (У Гитлера не было денег, а он собирался выдать кредит Сталину. С чего бы это? – Л.П.).

Правительство Англии тщательно рассмотрело эту ситуацию и решило ускорить подготовку своих оборонительных и контрнаступательных мер.

Если Германия вступит в конфликт с Голландией, Лондон считает желательным быть готовым немедленно предложить обоим правительствам, чтобы нейтральные правительства выбрали комиссию из трех арбитров. Это, возможно, не будет эффективным, но в том случае, если Германия отвергнет арбитраж или оставит предложение без ответа, вопрос бы прояснился, и Уайтхолл имел бы точку зрения для соответствующих действий.

Одновременно Лондон выработал свою позицию на случай нападения Германии на Голландию, которая заключается в следующем. Действительно, нет никаких надежд на то, что та военная акция, которую могло бы предпринять правительство Англии, предотвратила бы захват Голландии германской армией; восстановление ее территориальной целостности зависело бы от окончательного исхода войны. Тем не менее, стратегическое значение Голландии и ее колоний столь велико, что, по мнению правительства Англии, нападение Германии на Голландию следует рассматривать как прямую угрозу безопасности западных держав. Неспособность принять такой вызов приведет к колоссальному превосходству Германии в Европе, и при таких обстоятельствах Уайтхолл будет вынужден рассматривать вторжение Германии в Голландию как *casus belli*⁴⁴ при условии, что сама Голландия будет сопротивляться вторжению.

Данной нотой английское правительство запрашивало правительства Бельгии и Франции, будут ли они подобные действия Германии также рассматривать как *casus belli*⁴⁵.

1 февраля правительство Франции ответило на эту ноту Лондона. Французы дождались выступления Гитлера в рейхстаге, поэтому гадать им не пришлось. В ответе говорилось, что Париж ранее сообщал Англии, что действия Германии, направленные вначале против Восточной Европы, могут обернуться против Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Швейцарии. Правительство Франции полагает в связи с этим, что опасность одинакова для всех этих держав и должна рассматриваться как общая, независимо от того, каким будет первоначальное направление агрессии Германии или Италии против одной из них, и что конфликт неизбежно затронет все их владения в целом. Это положение создает действительно общую для всех опасность, которая должна повлечь за собой подлинную солидарность перед лицом любого нападения Германии или Италии. Исходя из этой общей концепции, полностью разделяемой Англией, Франция будет рассматривать отныне в качестве *casus belli* германское вторжение в Голландию, хотя этот факт не затрагивает никаких договорных обязательств Франции и те действия, которые она предприняла бы вместе с Англией для отражения этого вторжения, имели бы при этом превентивный характер.

Франция также хочет быть уверенной в том, что вторжение в Бельгию и Швейцарию, также будет рассматриваться как непосредственная угроза безопасности западных держав и что оно будет так же, как и вторжение в Голландию, рассматриваться с настоящего времени как фактор, оправдывающий и определяющий решение, предусмотренное английским правительством. Правительство Франции готово со своей стороны пойти на такое объединение усилий и жертв, которое придаст франко-английскому сотрудничеству полную материальную и моральную действенность⁴⁶.

Обмен нотами, для публикации в прессе не предназначенными (хотя косвенно Чемберлен и Бонне раскрыли их содержание в своих выступлениях в парламентах своих стран), гово-

⁴⁴ *Casus belli* (лат) – казус белли – повод к войне.

⁴⁵ «СССР в борьбе за мир...», С. 174–177.

⁴⁶ Там же, С. 179–181.

рит о том, что в Париже начали в полной мере осознавать опасность, которую таят для Франции и ее соседей постоянно усиливающиеся тоталитарные державы. В этом отношении опасения французского правительства полностью совпали с тем, что думали по этому поводу в Лондоне. Меморандум Англии и ответная нота Франции, это едва ли не самые первые документы, опубликованные в СССР, которые могли быть положены в основу системы коллективной безопасности в Европе. Но без участия Советского Союза никакой блок государств против агрессии не мог быть по-настоящему эффективным. Тем не менее, ни в меморандуме Англии, ни в ответной ноте Франции, об участии Советской России в совместных мероприятиях по отпору агрессору ничего не сказано даже вскользь. Однако такое холодное отчуждение будет продолжаться не долго, и вскоре к политическим и военным лидерам Англии и Франции придет понимание того очевидного факта, что без СССР им с Германией и Италией не совладать.

В мире сразу же обратили внимание на то, что в своей речи Гитлер ничего не сказал про Советский Союз, и уже в тот же день газета «Ньюс Кроникл» поместила пророческую статью своего дипломатического обозревателя Вернона Бартлетта, по вопросу об «опасности советско-германского сближения», а «Правда» и «Известия», вероятно, не до конца уловив смысл сказанного, оперативно ее перепечатали – «Правда» – на другой день, а «Известия» – 1 февраля, что лишний раз показывает, что в Советском Союзе руководство средствами массовой информации осуществлялось из одного здания.

Бартлетт указывал, что в течение трех с половиной месяцев (после Мюнхена. – Л.П.) Майский только один раз имел возможность побеседовать с Галифаксом. Эта беседа состоялась 27 января, когда советский посол был принят Галифаксом для разговора относительно предложений Швеции и Финляндии об укреплении Аландских островов. Но тот факт, что СССР не был поставлен в известность о беседах Чемберлена в Париже и Риме, должен в еще большей степени подтвердить правильность предположений, что нынешнее английское правительство предпочло бы перенести поражение Британской империи, чем добиться победы с помощью Советского Союза.

Далее обозреватель указывал, что соглашение, заключенное Иденом в Москве в 1935 году о дипломатическом контакте между Англией и СССР, фактически не выполняется. (В марте 1935 года в Москве с официальным визитом находился Лорд-хранитель печати Великобритании Энтони Иден – будущий министр иностранных дел в военном правительстве Черчилля, сыгравший в годы Великой Отечественной войны очень важную роль в налаживании советско-английских отношений. Идена приняли Сталин, Молотов и Литвинов. По итогам визита, в самый веселый день года вышло совместное коммюнике, в котором указывалось на заинтересованность правительств обеих держав в укреплении коллективной безопасности, говорилось об отсутствии противоречий интересов во всех основных вопросах международной политики⁴⁷. – Л.П.). «Заслуживает внимания, – добавлял Бартлетт, – что инициатива новых советско-германских и советско-польских торговых переговоров исходила из Берлина и Варшавы, а не из Москвы. Иными словами, Гитлер, несмотря на свои словесные нападки на большевизм, не хочет потерять такого прекрасного случая, чтобы устранить возможность одновременного военного нажима с запада и востока».

«В советских кругах, продолжал Бартлетт, указывают, что их политика всегда была политикой дружбы по отношению к любому правительству, у которого они встречали взаимность. Сейчас советское правительство, по-видимому, совершенно не намерено оказать какую либо помощь Великобритании и Франции, если последние окажутся в конфликте с Германией и Италией. СССР намерен достигнуть соглашения со своими соседями на том условии, что они оставят его в покое. С точки зрения Кремля нет большой разницы между позицией англий-

⁴⁷ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР), М, Т. XVIII, С. 226–251, 256–257, «Правда», 1 апреля 1935 г.

ского и французского правительств, – с одной стороны, и германского и итальянского – с другой, чтобы оправдать серьезную жертву в защиту западных демократий.

Советско-германские торговые переговоры, несомненно, выиграют благодаря кампании, ведущейся некоторыми английскими кругами в пользу денонсирования англо-советского торгового соглашения. Ясно, что эти переговоры, которые возможно закончатся предоставлением в распоряжение Германии неисчерпаемых ресурсов продовольствия на случай войны, имеют также и политическое значение».

Было бы чрезвычайно неблагоприятно предполагать, заканчивает Бартлетт, что существующие ныне разногласия между Москвой и Берлином обязательно останутся неизменным фактором международной политики⁴⁸.

Весьма вероятно, что статья Бартлетта, известного своими тесными связями с советским полпредством в Лондоне, была инспирирована из Москвы, адресовалась английскому правительству, и отражала сильное недовольство Кремля английской позицией.

2 февраля под тем предлогом, что Венгрия готова присоединиться к антикоминтерновскому пакту, Советское правительство объявило о закрытии своего полпредства в Будапеште, и венгерского – Москве, и заявило о том, что впредь дипломатические отношения будут поддерживаться через миссии в третьих странах⁴⁹.

Отъезд советской дипломатической миссии из Будапешта, в то время, как посольства Италии, Германии и Японии оставались в столице Венгрии, неизбежно вел к тому, что Венгрия, которая в то время была на распутье, все больше и больше подпадала под влияние этих фашистских государств, став, к началу Великой Отечественной войны подлинным союзником Германии против СССР, оставаясь в этом качестве до самого конца войны. Не стоит также забывать, что посольство любой страны всегда было и продолжает оставаться официальным прикрытием для легальной разведки, потеряв которую, Кремль своими руками перекрыл поток важной стратегической информации. К антикоминтерновскому пакту Венгрия примкнула только 24 февраля 1939 года.

25 октября 1939 года, то есть уже после начала Второй мировой войны, полпредство вернулось в Будапешт, а посольство Венгрии возобновило свою деятельность в Москве, что говорит о том, что повод для закрытия дипломатических миссий был надуман, и позволяет предположить, что были какие-то иные причины для такого шага.

3 февраля, выступая в Гуле, остановившись на англо-германских отношениях, Галифакс, подчеркнул, что правительство Англии стремится к улучшению торговых отношений с Германией⁵⁰.

6 февраля отвечая на вопросы депутатов в палате общин, Чемберлен сообщил, что располагает информацией, согласно которой Бонне заявил в палате депутатов, что в случае войны, в которую окажутся вовлеченными обе страны, все силы Англии будут в распоряжении Франции точно так же, как и все силы Франции будут в распоряжении Англии. Это заявление Бонне целиком совпадает с точкой зрения английского правительства. Невозможно предвидеть детально все возможные случаи, которые могут возникнуть, но английское правительство ясно заявляет, что общность интересов, объединяющих Францию с Англией, такова, что при всякой угрозе жизненным интересам Франции, откуда бы эта угроза ни исходила, это должно вызвать немедленное сотрудничество со стороны Англии⁵¹.

⁴⁸ «Правда», 31 января 1939 г., «Известия», 1 февраля 1939 г.

⁴⁹ «Известия», 2 февраля 1939 г.

⁵⁰ «Правда», 5 февраля 1939 г.

⁵¹ Там же, 7 февраля 1939 г.

7 февраля в Риме советский полпред Борис Ефимович Штейн и министр иностранных дел Италии (и по совместительству – зять Муссолини) граф Галеаццо Чиано подписали соглашение о торговом обмене между СССР и Италией. Соглашение предусматривало экспорт из СССР в 1939 году 200 000 т пшеницы, 15 000 т ячменя, 50 000 тонн марганцевой руды, 60 000 тонн апатитовой руды и апатитового концентрата, 60 000 тонн балансов, 120 000 тонн пиленого леса (так в тексте; деловой лес и пиломатериалы измерялись, как правило, в кубических метрах, а не в тоннах. – Л.П.) и, 20 000 тонн смазочных масел, 1 000 тонн скипидара, 4 000 тонн парафина, 1 500 тонн тряпья, 1 000 тонн рогов и копыт. (Это не шутка, так в тексте. – Л.П.). В обмен на эти поставки Италия должна была экспортировать в СССР современное военное снаряжение:

- пушки для морского флота и сухопутные пушки разных систем;
- противовоздушные пушки приборы центрального управления артиллерийским огнем;
- морскую зенитную схему «ПУС» со стабилизаторными постами наводки и силовой синхронной передачей;
- скоростной бомбардировщик со скоростью минимум 480 км в час;
- скоростной трех – четырехместный самолет с двумя перевернутыми моторами;
- приборы слепой посадки;
- судовые дизели, новейший средний танк;
- нитроглицериновые пороха (В Советском Союзе производство нитроглицериновых порохов началось совсем недавно – в начале 1939 года По сравнению со старым пироксилиновым порохом он имел более высокую взрывную мощность, а на его изготовление требовалось в четыре – пять раз меньше времени и не нужны были дорогостоящие спирт и эфир⁵²), а также много другого оборудования⁵³.

Столь обширный список военной продукции, передаваемой потенциальному противнику, коим, для Италии, как утверждают историки, являлась Россия, косвенно свидетельствует о том, что в 1939 году Италия не собиралась воевать с Советским Союзом, а если вспомнить о том, какие тесные отношения были у Рима с Берлином, то и Германия – тоже.

В этом списке некоторое недоумение вызывает новейший средний танк, который итальянцы собирались продать Советскому Союзу. Дело в том, что выпуск так называемого среднего танка М11/39 на момент подписания договора еще не начинался. Боевой вес этого «среднего» танка составлял 11 тонн, вооружение – 37-мм пушка. Советский **легкий** танк Т-26 образца 1937 года был на 750 кг легче, имел на вооружении 45-мм пушку. Кстати, ходовую часть оба танка унаследовали от одного родителя – английского танка «Виккерс 6-тонный». Другой советский **легкий** колесно-гусеничный танк – БТ-5 (быстроходный) имел 45-мм пушку, 400-сильный мотор, позволявший при боевом весе машины 11,5 тонн развивать на гусеницах фантастическую для того времени скорость – 50 километров в час, и 70 – на колесах.

10 февраля Литвинов принял нового посла Франции Поля Наджиара. В ходе первого визита, ссылаясь на свой разговор с Даладье, посол наговорил много приятного о настроениях Франции в отношении Советской России. Нарком сдержанно выслушал заверения посла, заметив, что СССР ранее предлагал западным странам свое сотрудничество, в котором, как показали события, они были более заинтересованы, чем Советский Союз. Советское правительство готово к действительному и эффективному сотрудничеству, если оно угодно другим, но Москва обойдется и без него и поэтому гнаться за ним не будет. Посол обмолвился, что он не

⁵² Гаврилов Д.Б. Производство порохов и взрывчатых веществ накануне и в годы Великой отечественной войны. Уральский исторический вестник. 2015, № 1, С. 53.

⁵³ АВП РФ, ф. 03а, д. 028–039 – Италия.

совсем согласен с капитулянтской политикой своего правительства, но Литвинов при первом разговоре старался не углубляться в обсуждение таких проблем⁵⁴.

Правительство Франции, направляя своего нового посла в Москву, снабдило его конкретными полномочиями и четкими инструкциями. Посол давал понять, что Париж вполне осознает опасность, которую влечет за собой безнаказанность германо-итальянской политики не только для Франции, но и для всей Европы. Поэтому французы готовы забыть прежние разногласия и обиды, и предлагают Кремлю включиться в совместную работу по созданию системы коллективной безопасности. В ответ вместо выражения желания объединить усилия против распространения агрессии, посол услышал от наркома, во-первых, упреки в том, что западные державы не приняли в свое время помощь, предложенную Советским Союзом, и, во-вторых, что Советский Союз вполне обойдется и без сотрудничества с Англией и Францией, и поэтому не очень-то будет к этому сотрудничеству стремиться. Литвинов, по сути дела, сказал, что, во-первых, Советское правительство не стремится создавать систему коллективного отпора агрессору, значит, по факту, против агрессии не возражает, и, во-вторых, Англии и Франции еще придется немало постараться и побегать, чтобы уговорить СССР объединиться с ними против агрессивных государств.

19 февраля в Москве, в результате переговоров между СССР и Польшей, продолжавшихся в течение нескольких недель, были подписаны Торговый договор, Соглашение о товарообороте, Соглашение о клиринге. Этот договор стал первым общим польско-советским хозяйственным договором, основанным на принципе наибольшего благоприятствования. Он содержал ряд основных постановлений, касающихся товарооборота и морских перевозок. Соглашение о товарообороте предусматривало значительное расширение торговых операций между обеими странами, причем главными статьями вывоза из СССР в Польшу были хлопок и его отходы, меха, апатиты, табак, марганцевая руда, асбест, графит и др.

В свою очередь, Польша должна была поставлять в Советский Союз уголь, черные металлы, цинк, текстильные изделия, текстильные машины, выделанные кожи, вискозу и др.

Соглашение о клиринге предусматривало, что платежи по товарному обороту и по другим расходам будут производиться путем взаимных расчетов, проводимых через Польский Расчетный Институт⁵⁵.

Польский сейм ратифицировал этот договор 31 мая, Президиум Верховного Совета СССР – 1 июня 1939 года⁵⁶.

18 февраля член английского парламента Рэндольф Черчилль (сын Уинстона Черчилля) сообщил Майскому, что 16 февраля Галифакс выступил на закрытом заседании парламентского комитета консервативной партии с докладом о международной ситуации. По вопросу о внешней политике он заявил, что положение очень опасное: Германия готовится к войне против Англии и поэтому необходимо установить более тесные отношения с Советским Союзом. Министр обдумывает сейчас план посылки в Москву торговой делегации для расширения экономических отношений между обеими странами, и надеется, что экономические переговоры повлекут за собой также переговоры политические. Младший Черчилль сказал, что сторонники мюнхенской политики на этом собрании были шокированы, зато сторонники взглядов его отца встретили это с одобрением⁵⁷.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 20.

⁵⁵ «Правда», 20 февраля 1939 г.

⁵⁶ «Правда», 2 июня 1939 г., «Внешняя торговля», 1939, № 5–6, С. 23.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 101.

18 февраля заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Петрович Потемкин на обеде у германского посла графа Вернера фон дер Шуленбурга – дуайена⁵⁸ дипломатического корпуса в Москве – встретил Сидса. Английский дипломат горько признался, что его тревожит развитие международной жизни, что он не согласен с теми, кто обвиняет Чемберлена в излишней уступчивости агрессорам. До известных пределов Англия может уступать, если это диктуется необходимостью и позволяет отсрочить серьезный конфликт. Но сейчас позиция Англии становится более твердой. Скоро может наступить момент, когда Англия докажет всему миру, что она умеет и может защищать свои позиции. Сидс сказал, что Англия никогда не принимает решения, пока для этого не созреют все реальные предпосылки. Когда она, наконец, решается действовать, она доводит дело до конца. Поэтому в истории не было случая, когда дело, поддержанное Англией, терпело бы поражение.

Читая ежедневно «Известия», Сидс убеждается в том, что советская пресса очень предвзято и несправедливо судит о политике Англии. Сидс полагает, что общественное мнение в СССР напрасно приписывает Англии и Франции антисоветские настроения и тенденции, которые проявляют отдельные политические группы в обеих странах. Англия никогда не стремилась отстранять Советскую Россию от разрешения важнейших международных проблем. Да, в момент обострения чехословацкого кризиса Чемберлен и Галифакс в Мюнхене упоминали Советский Союз, полагая, что необходимо было как-нибудь успокоить Гитлера и предупредить его вооруженный конфликт с Чехословакией. Если бы участником в этом деле был назван и СССР, с Гитлером было бы невозможно договориться.

В ответ Потемкин лишь кратко заметил, что непримиримость Гитлера в отношении Советской России не стоит преувеличивать. Рапалльский⁵⁹ договор действует, Германия проявляет активный интерес к расширению торговых отношений с СССР. Английский посол в Берлине Невилл Гендерсон сам видел, как на новогоднем приеме Гитлер любезно разговаривал с полпредом Мерекаловым. Что касается твердости, якобы уже наблюдающейся во внешней политике Англии в отношении к врагам мира, то таких проявлений со стороны Англии нет уже давно. Между тем, когда Гитлер убеждался, что может столкнуться с противодействием Англии, Франции и даже Италии, он неизменно отступал.

Сидс повторил, что Англия и Франция не намерены отстранять Советский Союз от участия в разрешении международных проблем. В частности, тот же Наджиар прибыл в Москву с определенными директивами и намерениями активизировать советско-французское сотрудничество⁶⁰.

19 февраля Сидс сказал Литвинову, что Уайтхолл решил в конце марта – начале апреля командировать в Москву парламентского секретаря департамента заморской торговли Роберта Хадсона. Целью поездки будут не переговоры, а установление контакта с советскими руководителями по торговым вопросам. Сведения об этом уже попали во вчерашние вечерние газеты, и завтра ожидаются запросы в парламенте. Чемберлен готов согласиться, но не делает этого, не получив ответа Правительства СССР, а потому Сидс просил сказать ему мнение Кремля, желательно, сегодня же. Нарком ответил, что в Москве, конечно же, будут рады приезду Хадсона, но ему придется устанавливать контакт преимущественно с Микояном.

Посол зачем-то подчеркнул значение разговоров, которые вел Наджиар и которые должны были, как будто, значительно улучшить советско-французские отношения. Сидс был

⁵⁸ Дуайен (фр. *doyen* – старшина, старейшина) – глава дипломатического корпуса, старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в данной стране дипломатический представитель.

⁵⁹ 16 апреля 1922 г. в итальянском городе Рапалло Германия и РСФСР подписали бессрочный договор, поводом и фундаментом которого послужило неприятие обеими державами Версальской системы. Договор предусматривал немедленное полное восстановление дипломатических отношений между РСФСР и Германией, отказ от взаимных претензий по возмещению военных расходов и невоенных убытков, порядок урегулирования разногласий, и другие положения.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 6. л. 98–100.

недоволен тоном советской прессы, которая продолжает писать о капитулянтстве Англии, в то время как там обозначаются совершенно другие настроения. Литвинов ответил, что Кремль может, конечно, влиять на средства массовой информации, но он никогда не дает им указаний заранее, как они должны рассказывать о политике других правительств, предоставляя это вольному суждению советских журналистов и граждан. Советская пресса вообще мало занимается вопросами внешней политики и ограничивается публикацией сообщений из-за границы. (Весь мир знал, что ни одна сколько-нибудь серьезная политическая публикация в советских газетах не появляется без одобрения ЦК ВКП(б). Советские газеты часто публиковали материалы совершенно одинакового содержания, что, безусловно, свидетельствовало уже не о цензуре, а об управлении газетами из единого центра. Зная, как работают советские газеты, именно по таким публикациям в других странах судили об отношении Кремля к тому или иному событию и делали прогнозы на будущее – Л.П.).

Нарком сказал, что не заметил никаких признаков какого-либо изменения мюнхенского курса Уайтхолла. Видно лишь, что, не считая нужным как-либо сопротивляться требованиям агрессоров, правительства Англии и Франции стараются эти требования оправдывать или затуманивать. Много разговоров о неизбежном выводе из Испании итальянских войск, но Рим каждый день назначает новые сроки. Однако если даже эвакуация состоится, это ничего не изменит для Англии и Франции, если Франко заключил или заключит военный союз с Германией и Италией. Значение оккупации Хайнаня⁶¹, угрожающее Индокитаю, Гонконгу и Сингапуру, Франция и Англия умаляют ссылкой на чисто военный временный характер оккупации. Но ведь ясно, что, если Япония овладеет всем Китаем, она будет владеть и Хайнанем и сделает там то, что ей захочется. После окончания войны с Китаем Англия и Франция еще меньше смогут воспрепятствовать овладению острова Японией, чем теперь.

Сидс сказал, что он понимает чувства, которые вызвал у Советского правительства Мюнхен, и отнюдь не оправдывает эту политику. Однако он убежден в том, что сейчас Англия говорит совершенно другим тоном и полна решимости защищать свои позиции. Нарком ответил, что рад слышать о новых настроениях в Лондоне, но был бы больше рад видеть это⁶².

21 февраля в прениях в палате общин выступил Чемберлен. Затронув вопрос о Лиге наций, он заявил, что неспособность Лиги наций осуществить политику санкций нельзя объяснить деятельностью или бездеятельностью Англии или какой-либо другой страны. Реальная причина в том, что на Лигу наций была возложена задача, значительно превосходящая ее силы. Нет сомнений, что единственным шансом на превращение Лиги наций в эффективный фактор сохранения мира является отказ от идеи, что мир может быть сохранен путем применения силы (Чемберлен, по-видимому, имеет в виду применение санкций в отношении агрессора).

Далее Чемберлен остановился на ходе выполнения английской программы вооружений и указал, что потребуются громадные расходы для ее реализации. В конечном счете, заявил он, может получиться так, что всех доходов государства не хватит для покрытия процентов и погашения займов, заключенных для финансирования программы вооружений. Английское правительство без колебания взяло бы на себя инициативу созыва мирной конференции по ограничению вооружений, но в настоящее время оно не уверено, что это будет практически приемлемым предложением. В заключение Чемберлен предложил более сдержанно относиться к сообщениям об агрессивных намерениях других стран и высказал мысль, что вся гонка вооружений является результатом взаимного непонимания⁶³.

⁶¹ Китайский остров Хайнань, расположенный на юге страны, японские войска захватили в начале 1939 г.

⁶² АВП СССР, ф.06, оп.1, п.1, д.5, л. 21–23.

⁶³ «Правда», 22 февраля 1939 г.

Далее в прениях в палате общин по вопросу о новых ассигнованиях на вооружения Черчилль предложил создать специальное министерство, которое ведало бы вопросами военного снабжения. Одобрив декларацию Чемберлена об англо-французской солидарности, Черчилль заявил, что помощь Франции со стороны Англии в будущей войне не может быть ограничена только помощью морского флота, авиации и финансовой помощью. Англии должна будет в будущей войне использовать все свои людские ресурсы. Указав на недостаточность мер по обороне Англии, Черчилль заявил, что производство вооружений уже несколько лет назад должно было быть организовано в масштабах, значительно превосходящих все то, что предусматривалось военным министерством.

Выступивший затем в прениях либерал Мандер заявил, что до тех пор, пока Англия не вернется к политике коллективной безопасности, основанной на принципах Лиги Наций, не может быть и речи о единстве в самой Англии, а равно не может быть никакой надежды на всеобщий мир. Мандер потребовал, чтобы правительство заявило о своей готовности выступить против агрессоров совместно с Францией и Советским Союзом.

В заключение от имени правительства выступил канцлер герцогства Ланкастерского Моррисон (являющийся одновременно парламентским заместителем министра по координации обороны). Черчилль, заявил он, поднял очень большой вопрос о той роли, которую английская армия должна играть в случае возникновения войны на континенте. Правительство целиком соглашается с той точкой зрения, что если Англия будет вовлечена в войну, то не может быть и речи о каком-то ограниченном в ней участии.

Предложение правительства об увеличении размеров займов на нужды обороны до 800 млн. фунтов стерлингов палата общин приняла большинством голосов⁶⁴.

22 февраля, выступая в Блэкберне, Чемберлен призвал к поддержке политики своего правительства. Он сказал, что при полной неопределенности нынешней международной обстановки нужно сконцентрировать свое внимание главным образом на подготовке страны ко всяким неожиданностям. Сегодня происходит огромный рост вооружений, которые даже при самом незначительном инциденте могут быть пущены в ход. Чемберлен указал, что английское правительство принимает меры к усилению обороны страны и что в этом отношении уже якобы имеется значительный прогресс. Чемберлен вынужден был признать, что, несмотря на увеличение производства вооружений, вопрос о безработице остается неразрешенным и число безработных исключительно велико⁶⁵.

23 февраля в палате лордов Галифакс, отвечая на запросы, остановился на англо-французских отношениях. Галифакс сослался на недавнее заявление Чемберлена об общности интересов Англии и Франции и заявил, что оно не может вызвать никаких сомнений. Галифакс вновь подчеркнул, что между Англией и Францией нет никаких разногласий ни по каким вопросам и что Англию и Францию объединяет не только географическое положение, но и единство интересов. Англо-французская дружба, не представляла и не представляет какой-либо опасности для любой третьей страны.

Остановившись на итальянских притязаниях к Франции. Галифакс сказал, что тесные взаимоотношения между Англией и Францией определяют заинтересованность Англии в этом вопросе. Касаясь вопроса о возможности английского посредничества в итало-французском конфликте, Галифакс отметил, что итальянское правительство пока что формально не заявило о своих притязаниях к Франции.

⁶⁴ Там же, 23 февраля 1939 г.

⁶⁵ Там же.

Указав, что Англия не намерена вести превентивной войны, а вооружается только с целью самозащиты, Галифакс подчеркнул, что Англия будет стремиться к сближению с миролюбивыми государствами⁶⁶.

27 февраля безымянный германский журналист беседовал с военным атташе Германии в Варшаве Химером по данцигскому вопросу⁶⁷. Химер сказал, что недавно его вместе с другими военными атташе принял Гитлер. Из замечаний фюрера об общей политической обстановке и о намерениях Германии, Химер заключил, что Германия вместе с Италией планирует акцию против западных держав. В отличие от прошлогодней чешской акции, Гитлер не говорит о своих нынешних планах. Он стремится избежать того, чтобы многомесячная открытая дискуссия о германских планах нервировала немцев, чтобы преждевременно включилась в дело заграница и, наконец, чтобы сведущие и несведущие могли выступать со своими сомнениями, предупреждениями и контрпредложениями. Такие методы лишь ослабляли бы германскую ударную силу. Гитлер заявит о предстоящей акции лишь тогда, когда он будет в состоянии нанести удар на следующий же день⁶⁸.

Гитлер, как видим, говорил об акции против западных стран, и не словом не обмолвился о странах восточных, тем более, о своем заклятом враге – Советской России.

1 марта Бонне на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов французского парламента разъяснил внешнюю политику правительства. Он, в частности, снова повторил свои прежние заявления о том, что «никогда франко-английская солидарность еще не проявлялась с такой силой, как сейчас». Бонне отметил удовлетворительное состояние отношений Франции с другими державами, особенно с Польшей⁶⁹.

2 марта ТАСС распространило сообщение о том, что накануне в советском полпредстве в Лондоне состоялся прием, на котором присутствовали премьер-министр Англии Чемберлен и ряд членов правительства. Кроме того, присутствовали депутаты английского парламента всех партий, дипломатический корпус и много деятелей науки, искусства и представителей деловой жизни Англии⁷⁰.

Подробно о большом приеме, на котором присутствовало свыше 500 человек, в Москву доложил Майский. Он сообщал, что пресса оживленно обсуждала это событие, называя его «историческим» и свидетельствующим о новом шаге на пути к «англо-советской Антанте». Помимо многих членов кабинета, прием своим присутствием почтил и Чемберлен с дочерью. Он пробыл в полпредстве больше часа и довольно долго разговаривал с полпредом. (Когда Чемберлен ответил согласием на заблаговременно отправленное приглашение, Майский высказывал большой скепсис по поводу того, что премьер-министр соизволит прийти в полпредство⁷¹). Все это произвело большое впечатление, и вызвало шум не только в печати, но и в дипломатических и политических кругах, поскольку ни один британский премьер до сих

⁶⁶ Там же, 25 февраля 1939 г.

⁶⁷ 28 июня 1919 г. в Версале был подписан мирный договор, закрепивший передел мира в пользу держав – победительниц мировой войны. В соответствии с этим договором Германия лишалась части своей территории и всех колоний, всего военного флота, численность ее армии не могла превышать 100 тыс. человек, нельзя было иметь авиацию и танки, на страну были наложены гигантские контрибуции – почти 100 тыс. тонн золота. В соответствии с Версальским договором Данциг, большую часть населения которого составляли немцы, был объявлен вольным городом, однако сообщение Германии с Данцигом могло осуществляться только через территорию Польши. Германия требовала возврата Данцига под свою юрисдикцию. Советская Россия сама исключила себя из числа стран – победителей, поэтому никаких выгод из поражения Германии извлечь не могла, по сути дела, встав в один ряд со страной-изгоем.

⁶⁸ «СССР в борьбе за мир...», С. 217.

⁶⁹ «Правда», 3 марта 1939 г.

⁷⁰ «Правда», 3 марта 1939 г.

⁷¹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 52–53.

пор не переступал порога советской миссии. Майский объяснял этот шаг Чемберлена, равно как и предстоящую поездку Хадсона в Москву тремя соображениями. Во-первых, попутать Гитлера накануне англо-германских промышленных переговоров; во-вторых, поскольку дело идет к новым выборам, вырвать из рук оппозиции один из ее главных козырей – нежелание английского правительства сотрудничать с Правительством СССР; и, в-третьих, по возможности увеличить британский экспорт, в том числе, и в Советскую Россию. (Майский, таким образом, совершенно исключал стремление Чемберлена установить с Россией нормальные союзнические отношения с целью обуздать Гитлера. – Л.П.).

Чемберлен сказал, что Хадсону поставлена задача постараться в Москве урегулировать осложнения, вызванные нынешним торговым договором, и выяснить возможности расширения англо-советской торговли. Полпред сказал, что как раз сейчас жалобы английских промышленников на недостаточность советских заказов британским заводам не обоснованы: ввиду загруженности заказами правительства они не могут принять от Советского правительства даже те заказы, которые им предлагаются. Чемберлен с «понимающей улыбкой заметил, что Советскому Союзу нужны те же самые продукты, которые сейчас нужны и Англии». Тем не менее, премьер-министр сказал, что не вечно же все будут вооружаться, и тут же намекнул, что британская промышленность могла бы снабжать СССР сырьем и такими потребительскими продуктами, как текстиль, кожаные изделия и т. п. Чемберлен интересовался добычей в СССР золота и спросил, что Кремль делает со своим золотом. На полушутливый ответ полпреда, что золото обычно приберегают «на чёрный день», премьер горестно бросил: «Теперь все так делают, – только и думают, что о войне».

Чемберлен спрашивал Майского о нынешних отношениях СССР с Германией и Японией. Полпред кратко рассказал об этом, подчеркнув, что инициатива несостоявшейся немецкой торговой делегации в Москву исходила от Берлина. (Руководитель восточно-европейской референтуры МИД Германии Карл Шнурре собирался приехать в Москву в конце января – начале февраля 1939 года для возобновления переговоров о германском кредите Советскому Союзу⁷². Однако немцы отложили визит, объяснив это срочными делами – в те дни Шнурре находился в Варшаве, и якобы уже в поезде получил приказ, отменяющий его поездку в Москву. По мнению Мерекалова, перенос поездки Шнурре вызван шумихой, поднятой иностранной прессой о как будто бы начинающемся сближении СССР и Германии⁷³). Премьер спросил, ожидают в Кремле какой-либо агрессии со стороны Японии против СССР. Полпред ответил, что общее соотношение сил таково, что в Токио сто раз подумают, прежде чем рискнут на какую-либо серьезную авантюру на советском Дальнем Востоке. Чемберлен согласился и прибавил, что Япония слишком глубоко «завязла» в Китае и что, в конце концов, она может оказаться в том положении, в каком оказался Наполеон в России.

Майский спросил о ближайших международных перспективах. Чемберлен сказал, что общая ситуация улучшается, что ни германский, ни итальянский народы войны не хотят, что Гитлер и Муссолини заверяли его в желании мирно развивать свои ресурсы и в том, что они очень боятся больших конфликтов. Майский согласился с этим замечанием, но добавил, что сейчас, как и раньше, они рассчитывают на блеф и бескровные победы. Чемберлен ответил, что «время для таких побед прошло»⁷⁴.

По странному стечению обстоятельств в тот же день, – вот где раздолье для конспирологов, – 1 марта, Гитлер пригласил Мерекалова с женой к себе на обед, где кроме полпреда присутствовали все министры германского правительства и представители дипломатического кор-

⁷² АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 46 – 47

⁷³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 27.

⁷⁴ АВП РФ, ф.059, оп.1, п.300, д.2075, л. 133–136.

пуга. Дипломаты при входе представлялись Гитлеру и Риббентропу. За столом справа от жены Мерекалова сидели посол Польши Юзеф Липский и жена Геринга, слева – бывший министр иностранных дел Константин фон Нейрат, а напротив Геринг и Гитлер. Откушав, к фюреру подходили некоторые послы и кратко с ним беседовали. Мерекалов с женой также подошел к Гитлеру. Советский полпред практически не владел языком страны пребывания, и в разговоре им помогал переводчик. После взаимных любезностей и дежурных реверансов Гитлер спросил о положении полпреда в Берлине. Мерекалов ответил, что по отношению к нему нет какой-либо дискриминации, чего, к сожалению, нельзя сказать о печати и даже бюллетене МИДа, и что хотелось бы и в этой части одинакового со всеми к себе отношения.

На приеме к полпреду более смело подходили немецкие чиновники и дипломаты, что объяснялось экономическим интересом, проявленным к Советскому Союзу, и результатом уже вторичных встреч на приемах⁷⁵. Советские газеты о приеме Гитлером Мерекалова опять не сообщили. Рискну предположить, что это обстоятельство, хотя сам факт встречи был всем известен, настораживало наблюдателей в Париже и Лондоне, ибо давал основание полагать, что Сталин что-то замышляет.

Немецкое предложение возобновить кредитные переговоры, речь Гитлера в рейхстаге 30 января и приемы в его резиденции – это первые свидетельства того, что Германия намерена изменить свою политику по отношению к СССР. Столь частые приемы Гитлером советского полпреда тем более показательны, что в мае 1938 года, когда Мерекалов прибыл в Берлин, Гитлер больше двух месяцев уклонялся от приема полпреда для вручения верительных грамот. Дальнейшие события отчетливо покажут, что не только и не столько экономический интерес двигал Гитлером. Заинтересованность у фюрера была политического и военного свойства, и состояла в нейтрализации Советского Союза перед началом больших территориальных «преобразований». В конце концов, СССР на время вывести из игры удалось, впрочем, не до конца и далеко не бесплатно.

7 марта, еще до того, как Германия полностью оккупировала Чехословакию, «Правда» перепечатала статью из известного американского экономического журнала «Линалист», в которой давался подробный анализ экономического положения Германии.

Журнал писал, что «Внешняя торговля является наиболее уязвимым местом во всей экономике Германии. В 1938 году импорт Германии превысил ее экспорт почти на 0,5 млрд. марок. Для Германии, у которой нет достаточных запасов золота и иностранной валюты, превышение импорта над экспортом представляет исключительно серьезную проблему».

Журнал отмечал, что захват Австрии и Судет не только не смягчил затруднения, которые испытывает Германия во внешней торговле, но даже усилил их. «В 1936 году Австрия половину потребленного сырья ввезла из-за границы, в то время как Германия импортировала только 20 % сырья. Судетская область зависит от импортного сырья не меньше, чем Австрия. Захват Австрии и Судетской области обострил и продовольственный вопрос Германии. Сельское хозяйство Австрии удовлетворяло потребности страны в продовольствии только на 73–74 %, в то время как сельское хозяйство Германии – на 82 %. Австрия была вынуждена ввозить до 40 % потребляемой ею пшеницы, значительную часть мяса и других важнейших продовольственных товаров. Судетская область, которая является промышленной областью, нуждается в еще большем количестве привозных продовольственных товаров. В то же время экспорт из Австрии и Судетской области с момента захвата этих территорий Германией резко сократился».

Совершенно очевидно, что Германия не сможет долго выдержать столь неблагоприятный торговый баланс. Журнал привел подробные расчеты о запасах золота и иностранной валюты в

⁷⁵ АВП РФ. ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 65, л. 1–5.

Германии и пришел к выводу, что «хотя Германия, по-видимому, и имеет некоторые резервы, тем не менее они не столь велики, чтобы можно было ими покрыть новый дефицит во внешней торговле, подобный дефициту 1938 года. Германия попытается уменьшить разрыв между экспортом и импортом или посредством сокращения импорта, либо увеличением экспорта, или же путем сочетания того и другого».

Разбирая вопрос о возможностях сокращения германского импорта, журнал отмечал, что если это и возможно, то главным образом за счет дальнейшего уменьшения потребления германского народа, т. е. за счет сокращения импорта продовольствия и прежде всего жиров. Что же касается промышленного сырья, то за время нахождения нацистов у власти, несмотря на принятый ими так называемый «четырёхлетний план», зависимость германской промышленности от импортного сырья даже значительно возросла. Журнал привел любопытную таблицу, которая показывала динамику импорта сырья в Германию за годы фашистского режима. Если взять импорт 1933 года за 100 %, то ввоз железной руды в Германию в 1938 году составил 418 %, металлов – 154 %, хлопка – 83 %, шерсти – 88 %, кож – 86 %, нефти – 185 %, льна, пеньки и джута – 117 % и каучука – 181 %. «Если возможно некоторое снижение объема импорта, то на ценностном его выражении оно вряд ли отразится в виду роста мировых цен на сырье».

Перспективы для роста германского экспорта крайне неблагоприятны. Во-первых, бойкот германских товаров, особенно в связи с преследованиями евреев в Германии, во-вторых, увеличивается конкуренция других стран, что вынуждает Германию продавать свои товары по еще более низким ценам. Германские методы торговли вызвали со стороны других держав контрмеры. Так, США намереваются оказать серьезное противодействие германскому экспорту в страны Латинской Америки. Увеличение английского экспортного фонда свидетельствует о намерениях Англии значительно усилить свою конкуренцию. Точно так же заключение нового англо-американского торгового договора и падение курса английского фунта могут неблагоприятно сказаться на германской торговле.

В заключение журнал писал: «Несмотря на всю трудность учесть всевозможные факторы, которые могут оказать влияние на внешнюю торговлю Германии, не подлежит сомнению, что перспективы ее не могут вызвать воодушевления у руководителей фашистской Германии. Разрыв между германским импортом и экспортом является наиболее серьезной угрозой для дальнейшего выполнения германской программы вооружений и сохранения на прежнем уровне объема промышленного производства. Это также говорит о том, что Германия ни в коей мере не может рассчитывать на успешную войну или же оказать длительное сопротивление, если она подвергнется экономическому давлению»⁷⁶.

Это далеко не последняя статья об экономических проблемах Германии накануне Второй мировой войны, и далеко не последнее свидетельство того, что социалистическая экономика этого тоталитарного государства стоит на пороге катастрофы. С тех пор, как на планете Земля появились газеты и другие средства массовой информации, практически все разведки мира подавляющую часть разведывательной информации черпают из открытых источников. Мата Хари, Лоуренсы Оливье, Паули Зиберты, Иоганны Вайсы, Джеймсы Бонды и Штирлицы тоже существуют, но главные не они, а очкастые ботаники, которые перечитывают тонны тех же самых газет, просматривают миллионы часов тех же самых телепрограмм, что и мы с вами. Поэтому к журнальным и газетным материалам не стоит относиться пренебрежительно.

8 марта Гитлер на совещании ответственных представителей военных, экономических и партийных кругов Германии сказал, что насущной проблемой правительства является обеспечение промышленности сырьем. Для этого должны быть полностью истреблены враги Гер-

⁷⁶ «Правда», 7 марта 1939 г.

мании: евреи, демократии и «международные державы». До тех пор, пока эти враги располагают хотя бы малейшими остатками власти в каких-либо частях мира, они будут представлять угрозу мирному существованию немецкого народа.

Существенно облегчит Германии доступ к сырью захват Чехословакии. Поэтому не позднее 15 марта германские вооруженные силы ее полностью оккупируют. Затем придет очередь Польши, которая вряд ли окажет сильное сопротивление. Польша нужна для того, чтобы снабжать Германию углем и продуктами сельского хозяйства. Венгрия и Румыния, безусловно, относятся к жизненно пространству, необходимому Германии. Крах Польши и оказание соответствующего давления, несомненно, сделают их сговорчивыми. Тогда Германия будет полностью контролировать их обширные нефтяные источники и сельское хозяйство. То же самое можно сказать о Югославии. Осуществив этот план до 1940 года, Германия станет непобедимой.

В 1940 и 1941 годах Германия должна раз и навсегда покончить со своим извечным врагом – Францией. Британская империя – старая и хилая страна, ослабленная демократией. После победы над Францией, Германия легко установит господство над Великобританией и получит тогда в свое полное распоряжение ее богатства и владения во всем мире. Таким образом, впервые объединив Европу в соответствии с новой концепцией, Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, Германия сведет счеты с Соединенными Штатами⁷⁷.

Как видим, на совещании, содержание и результаты которого разглашать не предполагалось, Гитлер ни единым словом не обмолвился о том, что в 1939–1941 годах он собирается воевать с Советским Союзом. Он и про Польшу вспомнил, и про Югославию, и про США, до которых семь верст, и все – лесом, не забыл, а о СССР – заклятом политическом враге, чья территория составляла вождеденное «жизненное пространство» для Германии – запямятовал. С чего бы это вдруг такая забывчивость?

В этот же день Роберт Хадсон сказал Майскому, что за последние месяцы в Англии произошли серьезные и прочные общественно-политические сдвиги: консерваторы твердо решили сохранить Британскую империю и ее позиции великой державы. Для этого Британия должна быть сильна и должен быть дружеский контакт со всеми державами, с которыми ей по пути. Англии на данном этапе с Советской Россией как будто бы по пути. Но в Лондоне многие уверяли Хадсона, что Кремль сейчас не хочет сотрудничества с западными демократиями, что он все больше склоняется к политике изоляции, и что поэтому бесполезно искать с ним общий язык. Основная задача Хадсона выходит за рамки чисто торговых переговоров, и состоит в том, чтобы выяснить, хочет ли Кремль сближения и сотрудничества с Англией. Со стороны английского правительства такое желание есть, и предубеждение против Советского Союза, которое раньше служило преградой к взаимному сотрудничеству, почти преодолено. Хадсон готов говорить и об экономике, и о политике. У него нет от правительства никакой твердой инструкции, ему предоставлена свобода рук. Если советские лидеры готовы к более тесному сотрудничеству с Англией, Хадсон хочет нащупать в Москве лишь общую базу для такого сотрудничества, с тем чтобы затем перейти к уже более детальным переговорам, особенно по экономическим вопросам. Если же выяснится, что Советское правительство не склонно к сотрудничеству, то в результате доклада Хадсона своему правительству, Британия учтет это и станет искать иные международные комбинации, чтобы защитить свои интересы. Именно поэтому его визит в Москву может сыграть большую роль в определении основной ориентации

⁷⁷ «СССР в борьбе за мир...» С. 224–225.

британской внешней политики на долгие годы вперед. Хадсон очень хочет, чтобы эта ориентация пошла по линии Лондон – Париж – Москва⁷⁸.

В телеграмме, направленной в Москву 20 февраля, Майский, характеризуя самого Хадсона и его статус в правительстве, писал, что Хадсон является «секретарем департамента внешней торговли». Этот «департамент» – весьма своеобразное учреждение в чисто английском стиле. Несмотря на свое название, оно не совсем подчинено министерству торговли, а представляет собой нечто вроде небольшого министерства по делам внешней торговли и пользуется большой самостоятельностью. В частности, в парламенте на запросы по внешней торговле обычно отвечает непосредственно глава «департамента», а не министр торговли. «Секретарь» данного департамента подчинен сразу двум министрам – торговли и форин офису и сам приравнивается по положению к министру младшего ранга.

Персонально Хадсон – один из наиболее влиятельных представителей молодых тори, человек с сильным характером. Перед рождеством он стоял во главе «бунта» младших министров против министра обороны Томаса Инскипа и военного министра Лесли Хор-Белиша в связи с вопросом о вооружении. В результате «бунта» Инскип был перемещен с поста министра обороны на чисто декоративный пост министра по делам доминионов. Хадсон в молодости был на дипломатической работе, и немного говорит по-русски. В середине марта Хадсон вместе с министром торговли Стэнли по приглашению германского правительства едет в Берлин, для того чтобы присутствовать на обеде, который устраивается там по случаю прибытия делегации «Федерации британской индустрии» для переговоров с немецкими промышленниками о возможности образования международных картелей с целью исключения острой торговой конкуренции⁷⁹. (После того, как Германия полностью оккупировала, то, что осталось от Чехословакии, поездка Хадсона и Стэнли в Германию была «отложена», и знаменитое Дюссельдорфское соглашение было подписано без их участия. – Л.П.).

Хадсон ехал в Москву с вполне определенными намерениями, которые, по мнению Майского, были санкционированы премьер-министром, и намерения эти состояли в том, чтобы положить начало улучшению советско-британских отношений. Дальнейшие события покажут, что в Москве не торопились нормализовать отношения с Англией, и весьма прохладно отнеслись к визиту английского чиновника столь высокого ранга.

10 марта Сталин выступил с отчетным докладом ЦК ВКП (б) XVIII съезду ВКП (б). Он достаточно подробно остановился на экономической ситуации в мире. По словам Сталина, в 1938 году видимые запасы золота Германии составили 17 млн. старых золотых долларов (по тогдашней стоимости золота – 35 долларов за тройскую унцию (31,1035 грамма), примерно 15 100 кг – из жалкой Испании СССР вывез 510 тонн золота; впрочем, в докладе Рейхсбанка, опубликованном 2 февраля, золотой запас Германии оценивался в 30,3 млн. долларов), Японии – 97 млн. (86 200 кг), Италии – 124 млн. долларов (110 200 кг), то есть, всего 238 млн. долларов. (Все пересчеты в килограммы мои. Все три державы «оси», вместе взятые, имели в своих «закромах» в 2,5 раза меньше золота, чем одна Голландия, у которой было 595 млн. долларов, в 1,7 раза меньше, чем Швейцария (407 млн.), в 1,3 раза меньше, чем Бельгия (318 млн.). У США был вообще астрономический по сравнению с Германией объем золота – 8 126 млн. – в 478 раз больше, чем у Германии, у Англии – 2 396 млн. – в 140 раз больше, чем у Германии, у Франции – 1 435 млн. – в 84 раза больше, чем у Германии. Доля Германии в общем объеме золотых запасов крупнейших капиталистических стран – 14 301 млн. долларов составляла жалкие 0,1 % – любая церковная крыса в Лондоне была богаче всей Германии, а общая доля стран «оси» – 1,7 %. Если же вспомнить про другие экономические проблемы, с кото-

⁷⁸ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 147–152.

⁷⁹ Там же, л. 105–107.

рыми уже столкнулась Германия, и которые обрушатся на нее вскоре, картина станет и вовсе удручающей. То есть, все разговоры о том, что Гитлер греб золото лопатой, что весь мир слал ему деньги пароходами, чтобы поднять экономику Германии и натравить ее на СССР, мягко говоря, не обоснованы. – Л.П.).

Относительно ситуации в мире вождь, в частности, сказал, что международное положение резко обострилось, стала фактом новая империалистическая война, но она не стала еще пока мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных держав, прежде всего Англии, Франции, Соединенных Штатов, которые пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой. Политика невмешательства стран Запада означала «попустительство агрессии, развязывание войны», которая неизбежно перерастет в войну мировую. Прикрываясь «невмешательством» западные страны охотно позволили бы Японии воевать с Китаем, «а еще лучше с Советским Союзом, а Германии – «увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с СССР». Политика попустительства связана с намерением западных государств «дать всем участникам войны увязнуть глубоко в войну... дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

На самом деле, западные страны находятся под не меньшей угрозой. Тезис о том, что державы, подписавшие антикоминтерновский пакт не имеют агрессивных намерений против западных держав, а лишь хотят спасти мир от большевистской угрозы, по мнению Сталина, являются «неуклюжей игрой» нацистской пропаганды, ведь «смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко».

Сталин говорил о «новом переделе мира», касаясь территорий, имеющих границу с Советским Союзом. Он говорил о японской агрессии против Китая, о том, что Австрию и Судеты отдали Германии в качестве приманки, чтобы потом лгать в печати о слабости Красной Армии, о разложении русской авиации, о беспорядках в СССР, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с красными, а дальше все пойдет хорошо. (То есть, известный тезис – Англия и Франция толкают Гитлера на восток. – Л.П.).

В этих международных условиях Советский Союз проводил свою внешнюю политику, отстаивая мир. Советская внешняя политика ясна и понятна: СССР стоит, и будет стоять за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, пока эти страны будут придерживаться таких же отношений с Советским Союзом, не пытаясь нарушить его интересы. Советский Союз стоит за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми странами, имеющими с ним общую границу, пока эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, и не попытаются нарушить его целостность. Советский Союз стоит за поддержку жертв агрессии и борется за независимость своей родины. Советский Союз не боится угроз со стороны агрессоров и готов ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ.

Опорой внешней политики Советского Союза служит его растущая хозяйственная, политическая и культурная мощь, морально-политическое единство советского общества, дружба советских народов, Красная Армия и Военно-Морской Флот, мирная политика Советского правительства, моральная поддержка трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира, благоразумие правительств тех стран, которые не заинтересованы в нарушении мира. Задачи коммунистической партии в области внешней политики заключаются в том, чтобы и впредь проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не дать провокаторам войны втянуть себя в конфликты; всемерно укреплять боевую мощь Красной Армии и флота; крепить международные связи с трудящи-

мися всех стран, заинтересованными в сохранении мира и укреплении дружбы между народами⁸⁰.

Та часть доклада, в которой Сталин говорит о международном положении и о советской внешней политике, произвела в Европе и в мире большое впечатление, на нее часто ссылались политики и дипломаты в США, Франции и Англии. Советские газеты опубликовали комментарии речи Сталина из многих иностранных газет⁸¹. Гитлер, судя по его дальнейшим действиям, тоже внимательно читал откровения своего коллеги.

Спустя почти полтора года, в августе 1940 года, германские газеты, отмечая годовщину подписания советско-германского пакта о ненападении, подчеркивали, что именно речь Сталина на XVIII съезде партии развернула отношения между Германией и СС в сторону потепления⁸².

11 марта, выступая в сенатской комиссии по иностранным делам, Бек заявил об отношениях Польши и СССР: «Вопрос, об отношениях с Советским Союзом совершенно ясен. Польская политика в этом вопросе абсолютно последовательна и не подвергается изменениям и колебаниям, которые претерпевала эта проблема в странах, более удаленных от России. Мы искали упрочения здорового соседства и взаимного уважения к справедливым интересам и закрепили это стремление в пакте о ненападении. Что в прошлом году имело место некоторое напряжение в отношениях между Польшей и СССР вытекавшее не из польско-советского спора, а из отношения к прочим государствам и проблемам, это секрет полишинеля. Поскольку наша политика неизменно следует определенной линии, мы воспользовались более спокойной обстановкой, чтобы устранить следы этого напряжения путем взаимной декларации. Таким образом, мы снова стоим на платформе, которая послужила основой для договора о ненападении⁸³.

Напряженность в отношениях двух стран сложилась в связи с тем, что Польша в сентябре 1938 года сосредоточила крупные военные силы на границе с Чехословакией, едва не закончилась разрывом мирного договора, заключенного 23 июля 1932 года.

23 сентября 1938 года Советское правительство потребовало от правительства Польши воздержаться от агрессивных действий против Чехословакии, обещая в противном случае в одностороннем порядке денонсировать мирный договор со всеми вытекающими из этого шага последствиями⁸⁴. В тот же день Варшава достаточно грубо ответила, что она будет поступать так, как сочтет нужным для обеспечения безопасности своей страны. При этом ни в чьих указаниях Варшава не нуждается⁸⁵, а если говорить обычным языком – плевать на них хотела. Угрозы Кремля оказались пустыми: после того, как Польша ввела свои войска на территорию Тешинской Силезии, принадлежавшей Чехословакии, Сталин о требованиях предпочел не вспоминать, и мирный договор с Польшей разрывать не стал. И, хотя нота была опубликована в «Известиях», никто не объяснил советским гражданам бездействие любимого вождя.

14 марта Берлин предъявил правительству Чехословакии ультиматум, в котором потребовал выделить Словакию и Карпатскую Украину в самостоятельные государства, распустить армию, сместить президента, и поставить во главе регента-правителя, принять нюрнбергские антисемитские законы, «подавлять коммунизм» и сторонников президента Бенеша, (каковой

⁸⁰ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 11–15; «Правда» 11 марта 1939 г.

⁸¹ «Правда», 12 марта 1939 г.

⁸² АВП ф. 059, оп. 1, п. 316, д. 2176, л. 142–143.

⁸³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений М., «Наука», 1973, Т. VII, С. 52, «Правда», 14 марта 1939 г.

⁸⁴ ДВП СССР, Т. XXI, М., Политиздат, 1977, С. 516, «Известия», 26 сентября 1938 г.

⁸⁵ Там же, С. 223.

Бенеш уже полгода как ушел в отставку. – Л.П.). Чтобы у чехов не возникло сомнений в серьезности намерений Гитлера, ультиматум был подкреплён концентрацией 14 германских дивизий у границ Чехии. В этих условиях правительство страны было вынуждено согласиться на ничем неприкрытый диктат агрессоров: Словакия и Карпатская Украина были отделены от Чехословацкой республики, в Братиславе было образовано профашистское правительство во главе с Йозефом Тисо, а в Подкарпатскую Украину вошли венгерские войска и стали быстро продвигаться к границе с Польшей⁸⁶.

В тот же день Гитлер вызвал в Берлин Эмиля Гаха и Франтишека Хвалковского – президента и министра иностранных дел того, что осталось от Чехословакии. Ночью 15 марта фюрер и Риббентроп заявили им, что Гитлер «приказал германским войскам вступить в Чехословакию для включения этой страны в состав рейха». Чехам дали совершенно ясно понять, что всякое сопротивление бесполезно, что оно будет сокрушено «силой оружия и всеми доступными способами»⁸⁷. Гаха решил, что лучше согласиться на оккупацию страны, чем потерять ее безвозвратно, и «передал судьбу чешского народа и страны в руки Германии»⁸⁸.

Вечером того же дня германские войска вошли в Чехию и заняли Витковице и Моравскую Оставу. На следующее утро части вермахта заняли Прагу, куда, почти вслед за армейскими частями, приехал Гитлер. 16 марта 1939 года Чехия и Моравия были объявлены протекторатом Германии.

14 марта на заседании английской палаты общин Чемберлен, отвечая на вопросы, заданные ему депутатами в связи с последними событиями в Чехословакии, заявил: «Предполагаемая гарантия чехословацких границ имеет в виду тот случай, когда Чехословакия станет жертвой неспровоцированной агрессии. В настоящее время пока еще не видно, чтобы Чехословакия подверглась такого рода агрессии».⁸⁹

15 марта в связи с событиями в Чехословакии польское правительство издало распоряжение об усилении войсковых частей на границе между Польшей и Карпатской Украиной. Польская печать приветствовала вторжение венгерских войск в Карпатскую Украину, указывая, что Германия дала согласие на присоединении Карпатской Украины к Венгрии⁹⁰.

15 марта Чемберлен в палате общин, и Галифакс в палате лордов, заявили, что, поскольку попытки английского правительства договориться с участниками мюнхенского соглашения о гарантии чехословацких границ провалились, английское правительство не считает себя больше связанным какими-либо обязательствами в отношении границ Чехословакии. Выказав сожаление по поводу оккупации германскими войсками Чехословакии, Чемберлен все же защищал мюнхенское соглашение, сославшись на то, что никто из участников мюнхенского соглашения не мог предусмотреть нынешних действий Германии. Галифакс в своем заявлении сослался на выступление бывшего министра по координации обороны Инскипа, который 4 октября 1938 года заявил в палате общин, что формальный договор о гарантиях должен быть разработан и оформлен обычным порядком, однако английское правительство считает себя связанным морально в отношении Чехословакии, и будет рассматривать договорные гарантии как уже имеющие полную силу. Оправдывая теперешнюю позицию английского правительства, Галифакс заявил, что в настоящее время положение кардинально изменилось, якобы потому, что словацкий парламент провозгласил независимость Словакии.

⁸⁶ «Правда», 15 марта 1939 г.

⁸⁷ Нюрнбергский процесс..., Т. 1, С. 176.

⁸⁸ «Известия», 16 марта 1939 г.

⁸⁹ «Правда», 15 марта 1939 г.

⁹⁰ Там же, 16 марта 1939 г.

В тот же день английский посол в Берлине сделал дипломатическое представление германскому правительству в связи с оккупацией германскими войсками территории Чехословакии⁹¹.

Как видим, честной политикой английского правительства в отношении Чехословакии нельзя назвать даже при очень большом желании. Однако уроки из этих событий в Лондоне все-таки извлекли, и кардинально изменили свое отношение и к Германии, и к Советскому Союзу.

16 марта посол Франции в Берлине Робер Кулондр писал Бонне, что, оккупировав Чехию, Гитлер вновь продемонстрировал свое пренебрежение к любому письменному обязательству, предпочитая грубую силу. Однако Гитлер постарался придать захвату Чехии видимость законности. В соответствии с официальной германской версией, Чехословакия распалась сама по себе, поскольку Словакия якобы разделила федеральную республику на три части, а заботу о Богемии и Моравии Прага якобы сама и без всякого давления отдала в руки фюрера, не в силах поддерживать здесь порядок и защищать жизни представителей германского меньшинства.

Несомненно, словацкий сепаратизм являлся, прежде всего, делом рук германских агентов или самих словаков, направляемых непосредственно Берлином. Сразу же после получения послания смещенного премьер-министра официальные германские службы заявили, что в их глазах только правительство Тисо имело законный характер и что, назначая другого председателя правительства, Прага нарушала конституцию.

Раздел Чехословакии был совершен стремительно. Уже в феврале были заметны многочисленные признаки, указывавшие на намерения рейха в отношении Чехословакии. Эти признаки не оставляли сомнений в том, что Гитлер выжидал лишь удобного случая, чтобы завершить дело Мюнхена.

Гитлер сбросил маску. До сих пор он утверждал, что не имеет ничего общего с империализмом, заявлял, что стремится лишь объединить всех немцев Центральной Европы в одну семью, без инородцев. Теперь ясно, что стремление фюрера к господству отныне безгранично. Ясно также и то, что противодействовать фюреру можно только силой. Верить Гитлеру нельзя. Поэтому интересы национальной безопасности, равно как и интересы мира во всем мире, потребуют от французов и правительства республики огромной дисциплины и мобилизации всех возможностей страны. Только это позволит Франции, при поддержке ее друзей, утвердить свое положение и отстоять свои интересы перед лицом такого серьезного противника, каким является Германия, устремленная отныне к завоеванию Европы⁹².

Письмо Кулондра своему министру иностранных дел – это едва ли не первый по времени документ, опубликованный в Советском Союзе, который показывает, что видные французские деятели начинают понимать, какую опасность несет Гитлер, что на договоренности с ним полагаться нельзя, а вскоре придет понимание того, что договариваться нужно с Москвой.

15 – 16 марта в Дюссельдорфе состоялась конференция представителей «Федерации британской промышленности» и «Союза германской промышленности». 15 марта по результатам конференции стороны выступили с совместным заявлением, известным, как «Дюссельдорфское соглашение». В заявлении говорилось, что обе организации готовы продолжать сотрудничество в области расширения экспорта, таможенной и ценовой политики, устранения конкуренции между членами организации, совместно, даже и политическими средствами, бороться с конкуренцией других стран⁹³. Это, по сути – картельное соглашение промышленных групп

⁹¹ Там же.

⁹² Документы и материалы... Т. 2. С. 40–46.

⁹³ Там же, С. 37–39.

Германии и Англии в силу так и не вступило из-за огромных и неразрешимых противоречий между странами.

16 марта Шуленбург вручил Литвинову ноту правительства Германии, в которой говорилось, что Гаху и Хвалковского никто в Берлин не вызывал, что они прибыли туда по собственному желанию, и были приняты Гитлером 15 марта. Стороны откровенно рассмотрели положение, создавшееся на бывшей до сих пор чехословацкой государственной территории. Обе стороны убеждены в том, необходимо обеспечить спокойствие, порядок и мир в этой части Европы. Гаха заявил, что для достижения этой цели и для окончательного умиротворения он с полным доверием передает судьбы чешского народа и страны в руки фюрера германского государства. Фюрер принял это заявление и высказал свое решение взять чехов под защиту Германии и гарантировать ему автономное развитие⁹⁴.

(Немецкий аристократ и опытейший, прекрасно образованный дипломат, изучавший юриспруденцию в Лозанне, Берлине и Мюнхене, служивший еще при императоре Вильгельме II, граф Шуленбург нацистов не любил. Гитлер и Риббентроп платили ему тем же: большим доверием у нацистской верхушки посол в Москве не пользовался. Шуленбург искренне пытался наладить отношения с Советской Россией. 5 мая 1941 года в беседе с тогдашним заместителем наркома иностранных дел СССР В.Н. Деканозовым он в завуалированной форме, поскольку разговор проходил в присутствии Хильгера, сообщил о готовящемся нападении Германии на СССР⁹⁵. После провала заговора и покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., в котором он участвовал, был арестован и повешен. – Л.П.).

На следующий день Шуленбург сообщил Литвинову указ Гитлера об установлении протектората Богемии и Моравии и о включении его в состав рейха. Указ устанавливал, что немцы – жители протектората становятся подданными империи, а остальные жители Богемии и Моравии – всего лишь гражданами протектората. Протекторат получал право самоуправления и автономию, а глава протектората – защиту и почетные права главы державы, однако фюрер назначал в протекторат имперского протектора, который утверждал членов правительства «автономного и самоуправляемого» протектората. Внешние сношения и военная защита протектората, надзор за путями сообщения относились к компетенции империи. Протекторат включался в «единое таможенное пространство» рейха, платежным средством наравне с маркой, вплоть до особого распоряжения была крона⁹⁶.

18 марта ответной нотой Литвинов подтвердил получение нот от 16-го и 17-го марта, и, дабы ни у кого не возникло ложного впечатления о якобы безразличном отношении Кремля к событиям в Чехословакии, изложил ответную ноту Советского правительства правительству Германии.

Москва заявляла о том, что не считает правильными утверждения о том, что Чехословакия представляла угрозы европейскому миру, поскольку именно там, едва ли в единственном месте в Европе, были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

Кремль заявлял, что нет конституций держав, которые давали бы право главе государства без согласия своего народа отменить его суверенитет, и вряд ли бы какой-либо народ добровольно согласился на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более если этот народ – чехи. Гаха, подписывая берлинский акт от 15-го марта, не имел на это никаких полномочий, поскольку никакого волеизъявления чехословацкого народа не было, и он действовал в явном противоречии с Чехословацкой кон-

⁹⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7. д. 62, л. 10–11

⁹⁵ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 675, л. 157–161.

⁹⁶ Там же, л. 2–6.

ституцией. Поэтому означенный акт не может считаться имеющим законную силу. Поэтому оккупация Чехии и образование протектората Богемии и Моравии являются произвольными, насильственными, агрессивными.

СССР не признавал законным и отвечающим нормам международного права включение в состав рейха Чехии и Словакии. Действия Германии не только не устранили какой-либо опасности миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Европе, и нанесли новый удар чувству безопасности народов⁹⁷.

Ноты правительства Германии и нота Правительства СССР (хоть иностранные газеты (в изложении газет советских) о ней потом и писали, что она написана в «чрезвычайно решительных выражениях», и что это свидетельствует о том, что «СССР не признает аннексию Чехословакии»⁹⁸), на самом деле куда более мягкие, чем могли бы быть с учетом важности событий и откровенно враждебных отношений, сложившихся между СССР и Германией после Мюнхена. Все ноты не были настолько категоричны, чтобы не оставить Германии и Советскому Союзу возможности для маневра. В январе Гитлер уже дал понять, что он хочет улучшения отношений с Россией, а ответная нота Сталина была, судя по всему, первой официальной реакцией на потепление гитлеровского тона. Правительства Англии и Франции ответили куда резче, и 17 марта даже отозвали, пусть и временно, своих послов из Берлина⁹⁹. В ответ на это 20 марта из Парижа «для доклада» был вызван германский посол в Париже фон Вильчек. В тот же день из Лондона выехал посол Герберт фон Дирксен¹⁰⁰. Такие шаги как известно, является последним перед разрывом дипломатических отношений. Правительство США, вынужденно признав де-факто присоединение к Германии чешских областей, отказалось признать наличия каких-либо оснований для вышеуказанного статута¹⁰¹.

А Советский Союз, наоборот, стал активно сотрудничать с предприятиями, расположенными на оккупированной территории, а потом и запросил разрешения на открытие торгового представительства в Праге, что стало фактическим признанием аннексии Чехословакии при том, что юридического акта непризнания так никогда и не появилось.

В советских газетах ноту Правительства СССР опубликовали только 20 марта, но, возможно, это объясняется нехваткой газетных площадей: в те дни проходил XVIII съезд ВКП(б), и газеты печатали выступления делегатов партийного форума. Ноты Германии, которую пока еще называли агрессором, советские газеты не поместили.

17 марта Чемберлен в Бирмингеме на собрании консервативной партии высказался по вопросу о германской агрессии в Чехословакии, которая, по его словам, «потрясла мировое общественное мнение, как ни одно событие со времени установления нынешнего строя в Германии».

Чемберлен всячески оправдывал Мюнхен и свою роль во время заключения мюнхенского соглашения, в то же время всячески доказывая, что он был обманут Гитлером. В раздраженном тоне под аплодисменты собрания Чемберлен заявил, что в качестве одного из лиц, подписавших мюнхенское соглашение, он рассчитывал, что при решении столь важных вопросов с ним будут консультироваться. Однако Гитлер полностью взял инициативу в свои руки. В тот момент, когда президент Чехословакии еще не был осведомлен об истинном положении вещей и был не в силах оказать сопротивление, германские войска уже вступили в Чехословакию и подходили к Праге.

⁹⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 62, л. 14–16. Известия, 20 марта 1939 г.

⁹⁸ «Известия» 21 марта 1939 г.

⁹⁹ Правда, 18 марта 1939 г.

¹⁰⁰ Там же, 21 марта 1939 г.

¹⁰¹ Там же, 23 марта 1939 г.

Чемберлен выразил сожаление в связи с методами, примененными нацистами, и упомянул о зловещей деятельности гестапо на оккупированных Германией территориях. Чемберлен напомнил также о преследованиях евреев и политических деятелей, враждебных фашизму, и упомянул о скорбной доле чешского населения, потерявшего независимость и свободу. Он заявил, что симпатии всей Англии, безусловно, на стороне чехов.

Чемберлен затем заявил: «Где же право на самоопределение наций, о котором с таким жаром говорил Гитлер в Берхтесгадене? (В сентябре 1938 года Чемберлен дважды приезжал к Гитлеру с целью решения судьбы Судетской области Чехословакии. По итогам этих переговоров и было подписано пресловутое Мюнхенское соглашение, в результате которого Судеты были переданы Германии, а в марте 1939 года Чехословакия прекратила свое существование как суверенное государство. – Л.П.). Нам заявляют, что беспорядки в Чехословакии угрожали безопасности Германии. Однако кто же может серьезно поверить тому, что подобные беспорядки могли в какой-то мере отразиться на столь великой державе? Если даже предположить, что подобные беспорядки действительно имели место, разве они не были вызваны влиянием извне? Неизбежно возникает вопрос: даже если все это и так, является ли все это достаточным основанием для того, чтобы нарушить неоднократно дававшиеся торжественные заверения; как можно после этого полагаться на какие-либо новые заверения, исходящие из того же источника? Уместно будет, по всей вероятности, поставить в отношении Германии и другой вопрос: являются ли данные события окончанием старой авантюры или началом новой? Последняя ли это атака или за ней последуют другие? Не является ли все это дальнейшим шагом в осуществлении попытки добиться силой господства над всем миром?»

Все это – значительные вопросы, заслуживающие серьезнейшего изучения не только со стороны соседей Германии, но и со стороны других стран, причем, может быть, не только стран Европы. Подобное изучение уже началось и, очевидно, будет и впредь продолжаться. Вполне естественно, что в первую очередь этим займутся Британская империя и Франция. Однако мы не сомневаемся в том, что и другие страны, зная, что мы не останемся равнодушными к тому, что происходит в Юго-Восточной Европе, пожелают обратиться к нам за консультацией и советом»¹⁰².

В тот же день заместитель министра иностранных дел Великобритании

Роберт Ванситтарт пригласил к себе Майского и, говоря об оккупации Чехии и независимости Словакии, указал, что в умонастроениях английских политиков произошел поворот, что возврата к мюнхенской политике «умиротворения» не будет. Ванситтарт указал на редкое единодушие английской прессы в оценке поведения Гитлера. Наступает новая эра, когда должен восторжествовать вектор на создание мощного антигерманского блока. В связи с этим Ванситтарт хотел обменяться с полпредом мнениями, как лучше можно было бы использовать в этих целях создающуюся ситуацию. Однако действовать надо быстро, ибо Гитлер, упоенный своими успехами, не будет долго ждать, и уже вскоре может продолжить свою экспансию, и пока еще трудно сказать, пойдет он на Запад или на Восток. Мемель и Данциг, видимо, под непосредственным ударом. Весьма вероятно, что ближайшим крупным объектом Гитлера станет Румыния. Остановить экспансию Германии можно только быстро создав блок с участием СССР, Англии и Франции, в дальнейшем включив в него все другие угрожаемые государства – Польшу, Румынию, скандинавские страны и т. д. Ванситтарт надеется на визит Бека в Лондон. Завтра в Москву отправляется Хадсон. Значение его поездки в нынешней обстановке далеко выходит за рамки, которые мыслились, когда она впервые была решена. Однако в отношениях между Францией и СССР чувствуется холод, и необходимо что-либо сделать для улучшения этих отношений.

¹⁰² «Известия», 18 марта 1939 г., «Правда», 19 марта 1939 г.

Ванситтарт спросил полпреда, сделает ли Советское правительство со своей стороны заявление о таком улучшении? Майский сказал, что, по его мнению, Кремль в данном вопросе вряд ли выступит с инициативой. (А почему бы и не проявить инициативу? Предложение своевременное и очень выгодное, а ситуация беспроектная! Если сработает – ура! Мы – главные борцы за мир, по нашей инициативе и под нашим нажимом началось, наконец, формирование блока миролюбивых государств, и мы по праву зайдем в этом блоке руководящие позиции. Не получилось – ну что ж, вы сами виноваты, мы же вам предлагали. Тем более, что непосредственной угрозы для Советского Союза не то что не было, но даже и не предвиделось. Но в той ситуации, когда в Англии и во Франции стали отчетливо понимать, что, во-первых, объединение против Гитлера необходимо, и, во-вторых, без СССР любой блок государств теряет всяческий смысл, Сталин, похоже, всерьез опасался, что его инициативы могут быть поддержаны. Он боялся, что будет создана эффективная система противодействия агрессии, и тогда отвергнуться от участия в ней будет очень сложно. – Л.П.).

Застав полпреда врасплох, Ванситтарт спросил: «Если Румыния станет сопротивляться Германии с оружием в руках, окажет ли СССР ей военную помощь, т. е. не только помощь оружием и амуницией, но и посылкой своих войск?» Майский сослался на речь Сталина на XVIII съезде, заявившего, что одним из основных принципов советской внешней политики является помощь жертвам агрессии, борющимся за свою независимость, однако какой по форме будет эта помощь, заранее очень трудно предусмотреть.

Ванситтарт сказал, что понимает этот ответ, но полагает, что наступает момент, когда Англия, Франция и СССР должны заранее решить, что они будут делать в том или ином случае. Правительствам Англии и Франции надо решить, как они стали бы реагировать на германскую атаку Голландии или Швейцарии, а Советскому правительству решить, что оно собирается делать в случае германской атаки на Польшу или Румынию. Всем великим державам надо решить, хотят ли они бороться с германской экспансией. В 1938 году Гитлер осыпал ударами Европу разрозненную, неподготовленную. Сейчас для того, чтобы противостоять германской агрессии, Европа должна быть объединенной и подготовленной. Первым шагом для этого должно быть сближение между Англией, Францией и СССР, выработка общих планов действий заранее, а не в момент кризиса. Майский ответил, что до сих пор именно правительства Англии и Франции систематически саботировали всякий коллективный отпор агрессорам. Ванситтарт с этим согласился, но еще повторил, что теперь все изменится и музыка пойдет уже не та¹⁰³.

В тот же день румынский посланник в Лондоне Виргил Тиля сообщил Майскому, что неделю назад правительство Германии в связи с переговорами о предоставлении концессии на разведку нефти, предъявило правительству Румынии ультиматум. Берлин заявил, что если Румыния прекратит развитие своей индустрии и через определенный срок закроет часть промышленных предприятий, и, если, сверх того, Румыния согласится весь свой экспорт направлять в Германию, то Германия, в свою очередь, гарантирует неприкосновенность границ Румынии и ее суверенитет. Правительство Румынии ультиматум отвергло. Однако 16 марта вновь был предъявлен тот же ультиматум, и в еще более угрожающей форме. В связи с этим Румыния направила через своего посланника указание немедленно информировать Уайтхолл о создавшемся положении и выяснить, на какую поддержку с его стороны Румыния может рассчитывать. Тиля видел сегодня Галифакса и его заместителей Александра Кадогана и Ванситтарта. Галифакс обещал доложить правительству и дать ответ через 2–3 дня. Тиля рассказал, что Галифакс и Кадоган настойчиво спрашивали его, окажет ли СССР помощь Румынии в случае германского нападения. Тиля, конечно, не мог сказать ничего определенного, и пытался

¹⁰³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 180–184.

выяснить этот вопрос у Майского, но полпред был очень осторожен и никаких авансов ему не давал¹⁰⁴.

18 марта Галифакс пригласил Майского для того, чтобы обсудить демарш румынского посланника по поводу германского ультиматума Румынии, а также то, что Тиля по поручению своего правительства поставил перед правительством Англии вопрос об английской помощи Румынии в случае агрессии со стороны Германии. На вопрос Галифакса, в какой мере Румыния может рассчитывать на помощь своих соседей, Тиля ответил, что Румыния уверена в помощи со стороны Польши и Балканской Антанты¹⁰⁵. На вопрос о том, насколько Румыния может рассчитывать на помощь Советского Союза, Тиля определенно ответить не смог.

Галифакс сказал Майскому, что и Англию интересует, может ли Румыния рассчитывать на советскую помощь в случае германской агрессии – в какой форме, и в каких размерах, т. е. только ли на поставку оружия и амуниции или же СССР готов оказать более активную военную поддержку. Галифакс спросил, что лично думает полпред о возможности такой помощи. Майский ничего не думал, за него думал Сталин, на чью речь на XVIII съезде полпред снова, как и в разговоре с Ванситтартом, сослался. Галифакс сказал, что в Берлине практически решен вопрос об атаке на Румынию, хотя для этого необходимо, как минимум, получить от Венгрии согласие на пропуск немецких войск через ее территорию. Майский ответил, что, несмотря на германский ультиматум Румынии, он не уверен, что Гитлер действительно намерен наступать на Восток. Этот ультиматум может быть направлен на захват всех сырьевых ресурсов Румынии, чтобы поставить их на службу Германии, в особенности нефти, которой Германии остро не хватает, как раз для того, чтобы развернуть главное наступление на Запад¹⁰⁶.

Встречи, состоявшиеся в течение двух дней, показывают, что резкая смена обстановки в мире привела к осознанию в Англии, пусть не всеми, и пусть не в полной мере, опасности, которую представляет Гитлер для всего мира. Осознание привело к тому, что Кремль стали звать к диалогу, признав, тем самым, что без Советского Союза мир в Европе сохранить не удастся. Сталину говорили, что для сохранения мира в Европе недостаточно добрых отношений только между соседними странами, что нужно обеспечить лояльность скандинавских стран, владеющих балтийскими и североморскими коммуникациями, по которым в случае войны пойдет снабжение Германии. Сталин поступил с точностью до наоборот: с Англией, Францией, Польшей, Румынией, Венгрией, Турцией, Швецией отношения не улучшил, а с Финляндией испортил, т. е. было сделано все для того, чтобы широкая антигитлеровская коалиция не сложилась еще в 1939 году.

18 марта Литвинов в секретной записке докладывал Сталину и главе СНК Вячеславу Михайловичу Молотову, что сегодня с утра Сидс добивался срочной встречи, но сообщил лишь то, что было известно уже из шифровки Майского: Германия потребовала от Румынии монополии на весь ее экспорт, а также некоторых мер, касающихся внутренней торговли. В случае удовлетворения этого требования Германия готова гарантировать границы Румынии. Бухарест отказался удовлетворить это требование. Тиля спросил Галифакса о позиции Англии в случае нападения Германии на Румынию. Галифакс поручил Сидсу спросить Литвинова, готов ли СССР помогать Румынии. Нарком ответил, что доложит в Кремль, где может быть, также захотят предварительно знать позицию других правительств, и в частности, Англии. Между тем Сидс никаких указаний на эту позицию не делал. Нарком спросил, означает ли его запрос, что Англия готова-де помочь Румынии при условии, что другие государства также

¹⁰⁴ Там же, л. 185–186.

¹⁰⁵ Балканская Антанта – образованный 9 февраля 1934 г. военно-политический союз, с участием Греции, Румынии, Турции и Югославии для сохранения послевоенного положения на Балканах.

¹⁰⁶ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 189–193.

будут помогать. Посол возразил, что Лондон запрашивает Кремль не из праздного любопытства. Нарком сказал, что не отрицает заинтересованности Англии в ответе Москвы, но все же к СССР Румыния не обращалась, и советская помощь ее, вроде бы не интересует, может быть, даже не желает ее, а запрашивает Кремль об этом Англия. Сидс заметил, что географически Румыния ближе к СССР. Нарком ответил, что географию знают и румыны, а все же они обратились к Англии, и спросил Сидса, чем он это объясняет? Сидс лишь сказал, что полученная им телеграмма адресована также в Париж, из чего он делает вывод, что запрашиваются только Москва и Париж, и он хотел бы получить ответ сегодня же к вечеру. Литвинов просил у Сталина и Молотова срочных указаний, ибо отсутствие ответа тоже будет истолковано как ответ¹⁰⁷.

Решение по этой записке в Кремле было принято очень быстро: поздно вечером Литвинов вызвал Сидса и сообщил ему, что Правительство СССР предлагает немедленно созвать совещание с участием СССР, Франции, Англии, Польши и Румынии. Нарком объяснил, что из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация. Место конференции не имеет значения, но лучше всего было бы собраться в Бухаресте, что сразу укрепило бы положение Румынии. Сидс сообщил, что только что получил копию телеграммы, присланной в Лондон английским послом в Бухаресте, который просит приостановить акцию. Сидс сказал, что он не понимает, что это значит, и думает, не напутал ли румынский посланник в Англии¹⁰⁸.

Пока советское руководство не особенно заботит безопасность трех прибалтийских государств – Латвии, Литвы и Эстонии, а также Финляндии, поэтому их к участию в конференции не приглашают. Вскоре, однако, эта позиция кардинально изменится. Кроме того, нарком в ряду государств, которые, по его мнению, должны были принять участие в конференции, забыл упомянуть Турцию, о чем 19 марта телеграммой известил полпредов в Лондоне и Париже¹⁰⁹. В телеграмме, направленной на следующий день в Лондон, Литвинов писал Майскому, что, по его мнению, Турция может пойти на подписания декларации скорее, чем Польша¹¹⁰.

17 марта Даладье предложил совету министров представить на рассмотрение палаты депутатов ряд законопроектов о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, в частности в вопросе об отмене 40-часовой рабочей недели на предприятиях национальной обороны, реквизиции предприятий, а также в вопросах, предусматриваемых законом об организации производства во время войны¹¹¹.

18 марта палата депутатов французского парламента большинством в 321 голос против 264 голосов приняла решение о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству Даладье. В связи с голосованием Даладье поставил вопрос о доверии правительству. В решении палаты говорилось, что «правительство уполномочивается путем издания декретов принимать до 30 ноября 1939 года меры необходимые для обороны страны». Против законопроекта голосовали 73 коммуниста (коммунисты своим голосованием лишний раз показали, что у них нет отечества, что они всегда будут выступать за поражение своей родины. – Л.П.), 134 социалиста, 13 депутатов из «социалистического и республиканского союза», 4 «независимых левых», 17 депутатов из правящей радикал-социалистской партии, и еще несколько депутатов из мелких фракций. 6 депутатов и Эдуард Эрио, председательствовавший на заседании палаты, воздержались.

¹⁰⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 2, д 11, л 145–146.

¹⁰⁸ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 143.

¹⁰⁹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2092, л. 139.

¹¹⁰ АВП РФ, ф. 059, он. 1, п. 301, д. 2079, л. 82.

¹¹¹ «Правда», 18 марта 1939 г.

Даладье заявил, что на основе чрезвычайных полномочий правительство немедленно предпримет важные оборонные мероприятия, проведет экономические декреты, удлиняющие рабочий день, и т. д. Правительство отказывалось взять на себя какие-либо обязательства в вопросе о сроках полномочий палаты депутатов или в вопросе о форме избирательной системы.

19 марта сенат подавляющим большинством голосов принял решение о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству Даладье¹¹².

20 марта французское правительство, на основе полученных накануне чрезвычайных полномочий приняло 16 декретов:

- 1) о предоставлении правительству права призывать в армию лиц, находящихся в долгосрочном отпуске, и запасных;
- 2) об увеличении офицерских и унтер-офицерских кадров армии;
- 3) о разделении на две части 6-го военного округа (охватывающего пограничные с Германией и Бельгией департаменты Франции);
- 4) об установлении первоочередности для промышленных заказов на нужды национальной обороны;
- 5) об увеличении продолжительности рабочего дня и оплате дополнительных рабочих часов;
- 6) о коллективных договорах в авиационной промышленности;
- 7) о провинциальных биржах труда;
- 8) о порядке выдачи правительственных авансов;
- 9) об увеличении числа инженеров в военной промышленности;
- 10) о включении в генеральный секретариат министерства национальной обороны управления по контролю за производством и распределением военных материалов;
- 11) о призыве технического и административного персонала, приписанного к военной промышленности;
- 12) об увеличении кадров административного персонала в авиации;
- 13) о военной информации;
- 14) об организации центрального информационно-оперативного бюро при главе правительства;
- 15) о реквизициях для нужд национальной обороны;
- 16) о реорганизации сталелитейных заводов.

Принятые французским правительством декреты предусматривали увеличение офицерского состава пехотных частей французской армии примерно на 1,5 тыс. человек (до 31 060 человек кроме генералитета). Предусматривалось также увеличение унтер-офицерского состава на 2 500 человек. На оборонных предприятиях продолжительность рабочего времени может быть доведена на основе чрезвычайных декретов до 60 часов в неделю. Это увеличение продолжительности рабочего дня распространяется

не только на предприятия военно-морского и авиационного ведомств, но и на прочие предприятия, связанные с работой на оборону: на угольную и металлургическую промышленность, и т. д.¹¹³

Как видим, французское правительство весьма серьезно отнеслось к угрозам, которые таили в себе последние действия Германии в Европе, и это еще до того, как обнаглевший вконец Гитлер захватил Мемель. Французы ощущали опасность войны, и осуществили серьезные мероприятия, мобилизующие экономику и вооруженные силы. А вот Советский Союз, который постоянно кричал, что на него хочет напасть Германия, и поэтому он де заключил пакт с

¹¹² Там же, 20 марта 1939 г.

¹¹³ Там же, 22 марта 1939 г.

Гитлером, в августе 1939 года никакой опасности не видел, и поэтому никаких мер к отражению мнимой агрессии не принял.

18 марта государственный департамент США опубликовал официальное заявление, в котором резко осудил новый акт германской агрессии в отношении Чехословакии. В заявлении указывалось, что правительство США не может не выразить от имени всей страны осуждения действий, повлекших временное уничтожение свободы и независимости народа, с которым США поддерживали особенно дружественные отношения. Правительство США неоднократно осуждало политику военной агрессии и всегда указывало на необходимость соблюдения договоров, обязательств и невмешательства какой-либо страны во внутренние дела другой страны¹¹⁴.

На следующий день Министерство финансов США сообщило о введении с 23 апреля дополнительных пошлин в размере 25 % на германские товары в связи с тем, что германское правительство субсидирует экспорт. Это решение должно было еще более ограничить американскую торговлю с Германией. В 1938 году американский импорт из Германии составлял 64 миллиона долларов против 92 млн. долларов в 1937 году¹¹⁵. При катастрофической нехватке у Рейхбанка валюты, введение по сути дела запретительных пошлин на германские товары, больно било по загибающейся социалистической экономике рейха. Решение министерства финансов США было продиктовано, скорее, политическими чем экономическими соображениями: пока Гитлер Чехословакию полностью не оккупировал, американцев не очень пугало дотирование экспорта германским правительством. Кстати говоря, то, что правительство Германии субсидировало экспорт, по сути, демпингуя на внешнем рынке, лишний раз говорит о том, что в экономике страны дела шли из рук вон плохо: ради получения иностранной валюты приходилось раскручивать инфляцию, печатать бумажные деньги, и ими уже выдавать экспортные субсидии.

21 марта правительство США в ноте, направленной Германии заявило, что США отказываются признать германский захват Чехословакии¹¹⁶.

20 марта большинство лондонских газет в той или иной форме сообщало, будто на заседании английской кабинета 18 марта было принципиально одобрено предложение о заключении соглашения с Советским Союзом, Францией, и другими державами в целях организации сопротивления дальнейшей германской агрессии.

Дипломатические обозреватели как консервативных, так и либеральных газет подчеркивали, что сила сопротивления балканских стран дальнейшей германской агрессии зависит от позиции Лондона и Парижа. Газеты указывали, что в результате теперешней политики Англии некоторые юго-восточные государства начали искать соглашения с Германией. Однако английское правительство теперь якобы пересматривает свою политику.

Газета «Таймс» ограничилась туманным заявлением, что опасность, вызванная германской агрессией, «превращает страны, где эта опасность ощущается, в естественных союзников». Более решительно высказалась консервативная «Дейли телеграф энд Морнинг пост», потребовав в своей передовой статье немедленного проведения в жизнь «совершенно новой внешней политики, которая стала необходимой в результате последней недели». Румынское правительство, пишет далее газета, обратило внимание Англии на тот факт, что последняя до сих пор не сделала ясного заявления о том, как она предполагает оказать сопротивление германской агрессии. Этот вопрос по мнению газеты не может оставаться без ответа.

¹¹⁴ Там же, 19 марта 1939 г.

¹¹⁵ Там же, 20 марта 1939 г.

¹¹⁶ Там же, 22 марта 1939 г.

Либеральная «Ньюс кроникл» подчеркивала, что политика сближения с другими странами, готовыми оказать сопротивление агрессии, является лишь возвращением к старой политике коллективной безопасности, от которой никогда не следовало отказываться¹¹⁷.

19 марта Майский сообщил Галифаксу ответ Советского правительства о его отношении к германскому ультиматуму Румынии. Министр уже знал содержание этого ответа от Сидса, однако некоторые детали, например, указание наркома на длительность и сложность переговоров между разными столицами, он услышал впервые. Галифакс сообщил, что он уже консультировался с Чемберленом по вопросу о предлагаемой Москвой конференции, и они пришли к выводу, что это было бы преждевременным, ибо опасно созывать конференцию без уверенности в ее успехе. (Вполне здравая позиция: провал конференции мог надолго, если не навсегда, дискредитировать саму идею создания системы коллективного отпора агрессорам. Опасения же, и достаточно обоснованные, у англичан были, главным образом, по поводу позиции Советского Союза, не скрывавшего своего стремления обуздать агрессора при помощи исключительно военной силы. Такие действия вместо заявленной цели сохранить мир в Европе привели бы к большой войне. – Л.П.). Поэтому в качестве первого шага Уайтхолл предлагал правительствам Советского Союза, Польши и Франции опубликовать совместную декларацию о том, что все эти правительства заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы. Галифакс подчеркнул, что эту декларацию важно опубликовать как можно скорее. Следующий шаг в выработке мер противодействия агрессии в Европе, по словам Майского, виделся Галифаксу в таком виде: «Турции, Румынии, Греции, Болгарии, Югославии и другим **якобы миролюбивым** (выделено мной: в миролюбие перечисленных государств Майский не верил, и речь Галифакса интерпретировал по-своему. – Л.П.) государствам будет предложено присоединиться к декларации, в связи с чем возможна конференция всех названных держав совместно с перечисленной первоначально четверкой»¹¹⁸.

В тот же день Литвинов писал Майскому, что многое в дальнейшей политике Англии будет зависеть от того, с каким настроением Хадсон вернется из Москвы. В Кремле думают, что Хадсон вряд ли сможет рассеять существующие подозрения и недоверие, поскольку он не уполномочен и не будет делать каких-либо конкретных предложений, а хочет выслушивать предложения от Советского правительства, однако таких предложений не последует. «Мы пять лет на внешнеполитической арене занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но их не только игнорировали, но поступали наперекор им. Если правительства Англии и Франции действительно меняют свою линию, то пусть они, либо высказываются по поводу ранее делавшихся Советским правительством предложений, либо сами что-то конкретное предлагают. Надо инициативу предоставить им. Переговоры, вероятно, ограничатся обменом взаимными заверениями в готовности к сотрудничеству, без того чтобы сотрудничество сдвинулось с места»¹¹⁹.

Советское руководство было заранее настроено негативно к важным инициативам Уайтхолла, и к переговорам Хадсона, которым в Англии придавали большое значение, и все делало для того, чтобы эти переговоры закончились провалом. Стоит ли поле этого удивляться, что Хадсон, так и не сумев растопить лед отчуждения, ни до чего не договорившись, досрочно прервал переговоры и, несолоно хлебавши, отбыл из Москвы.

20 марта Галифакс выступил в палате лордов с большой речью о последних событиях в Чехословакии. Так же как и Чемберлен в своей бирмингемской речи 17 марта, Галифакс

¹¹⁷ Там же, 21 марта 1939 г.

¹¹⁸ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 198–199.

¹¹⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 4, д. 34, л. 42–46.

пытался доказать, что при заключении мюнхенского соглашения трудно было предвидеть, каковы были истинные намерения Гитлера. Включение чехов в германскую империю свидетельствует о том, что Гитлер просто был неправдив.

Затем Галифакс, останавливаясь на событиях предшествовавших германскому захвату Чехословакии, указал, что английское правительство придает особое значение тому факту, что два чешских города были оккупированы германскими войсками в тот момент, когда Гаха и Хвалковкий находились на пути в Германию, т. е. до того, как еще вообще состоялись какие-либо переговоры между представителями Чехословакии и Германии. Это дает основание сделать заключение, что Гитлер вообще не был намерен вести переговоры с представителями чехословацкого правительства и что, когда последние прибыли к Гитлеру, им был вручен ультиматум и под угрозой силы они должны были подписать его. Разговоры о том, сказал далее

Галифакс, что чехи представляли угрозу мирному существованию Германии, вряд ли могут быть приняты всерьез. Во всех германских объяснениях по поводу оккупации Чехословакии нет каких-либо оправдывающих эту оккупацию аргументов. Все здесь решалось силой, превосходство в которой находилось на стороне Германии.

Галифакс вынужденно признал, что последние события в Чехословакии усилили тревогу в Юго-Восточной Европе. Галифакс заявил, что, если даже на сегодняшний день Румынии может быть и не угрожает непосредственная опасность, румынское правительство, так же как и правительства других стран Юго-Восточной Европы, имеет все основания серьезно опасаться тех событий, которые происходили в течение последних дней.

В тот же день в палате общин Чемберлену задали вопрос: «Намерено ли правительство признать де-юре германскую аннексию Чехии и Моравии?» Чемберлен ответил: «Прежде чем сделать заявление по этому вопросу, правительство Англии должно вместе с другими правительствами полностью обсудить все последствия германских действий против Чехословакии.

Далее Чемберлен заявил, что из его речи в Бирмингеме палата общин может понять, какое серьезное значение придает правительство событиям в Чехословакии. Правительство уделяет особое внимание положению, создавшемуся в результате этих событий. Оно уже связалось по этому вопросу с правительствами других стран. Чемберлен обещал в ближайшее время сделать более полное заявление об отношении английского правительства к событиям в Чехословакии. На вопрос лидера лейбористов в палате общин Эттли, с какими правительствами поддерживает контакт английское правительство, Чемберлен ответить отказался¹²⁰.

20 марта полпред в Париже Яков Захарович Суриц¹²¹ посетил Бонне, который согласился с советскими предложениями о созыве международного совещания, но сказал, что ему необходимо проконсультироваться в Лондоне и Бухаресте. Бонне добавил, что в число участников совещания, намеченных Советским правительством, стоит включить Югославию. Бонне ознакомил Сурица с содержанием его бесед с послами Румынии и Польши. Посол Румынии Георге Татареску сказал, что Румыния не получала ультиматума из Берлина, но, тем не менее, указал на исключительную серьезность германской угрозы, нависшей над Румынией, спросил, предоставит ли Франция помощь его стране. Бонне ответил, что Франция в одиночку такой помощи оказать не сможет, и что необходимо выяснить позицию других заинтересованных держав, в том числе и Советского Союза. Татареску подчеркнул, что в первую очередь необходимо ока-

¹²⁰ «Правда», 21 марта 1939 г.

¹²¹ 7 апреля 1937 г. Суриц, у которого отношения с Гитлером и тогдашним министром иностранных дел К. фон Нейратом не сложились по причине пятого пункта, был отозван в Москву и тут же назначен полпредом во Францию. В конце марта 1940 г., т. е., еще до того, как вермахт начал свое наступление на Бельгию, Голландию и Францию, французское правительство за недопустимые высказывания объявило Сурица персоной нон грата. 29 марта Суриц был освобожден от занимаемой должности. («Известия», 27 марта 1940 г.). Вернувшись в Москву Суриц работал советником в НКВД, а после войны – послом в Бразилии.

зять давление на Польшу и Венгрию. Что касается Советского Союза, то Татареску особенно упирал на роль, сыгранную Россией в прошлом, и роль Советской России как «экспонента коммунизма». На вопрос Бонне, следует ли из слов Татареску, что Румыния не хочет советской помощи, тот ответил, что такой вывод пока делать рано, и что речь идет лишь о необходимости в данном вопросе соблюдать осторожность. (Слова Татареску можно интерпретировать в том смысле, что, многие страны, в особенности, малые, «миролюбивого» Советского Союза опасались ничуть не меньше, чем агрессивных Германии и Италии. – Л.П.). Суриц указывал в телеграмме, что он не исключает, что Бонне не очень хочет воевать за Румынию, поэтому он стремится к тому, чтобы получить и от Советского правительства более уклончивый ответ, намеренно пытаясь усилить недоверие к Румынии. Впрочем, Суриц не исключал, что в данном конкретном случае Бонне говорил правду¹²².

В тот же день Майский писал в Москву, что аннексия Чехословакии произвела громадное впечатление на все слои английского населения, вызвав всеобщее разочарование мюнхенской политикой и негодование против Германии, вплоть до самых оголтелых консерваторов. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны. Даже Дюсельдорфское соглашение, которое Англия считает выгодным, фактически аннулировано. (Сталин мог торжествовать – ведь именно на то, чтобы Англия, Франция и Германия не смогли договориться, и была направлена деятельность Кремля, Наркомата иностранных дел, полпредств в Риме, Берлине, Лондоне и других европейских столицах. Именно этим занимался и Коминтерн, Исполком которого – штаб мировой революции, откуда шли директивы всем компартиям мира – базировался в Москве. – Л.П.).

Очень сильно возросла тревога за будущее, и усилилось осознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону Советского Союза. Советские дипломаты и работники полпредства в Лондоне сейчас в большой моде: последние дни многие государственные деятели и политики Англии хотят видетсья и разговаривать с ними. Пресса раздувает всякие сведения о мощи Советского Союза, его вооруженных сил. Сегодня «Ивнинг стандарт» напечатала, что СССР имеет 18 млн. обученных резервов и 40 тыс. самолетов. (Такую информацию можно было принять и как комплимент, и как угрозу. Впрочем, такого количества самолетов у Советского Союза никогда не было. – Л.П.). Очевидно, что антигерманская волна поднялась сейчас выше, чем когда бы то ни было до сих пор, и массовая тяга к сотрудничеству с СССР и к созданию блока мирных держав очень велика. Однако Майский полагал, что было бы опасно переоценивать значение всех этих благоприятных показателей.

Во-первых, нынешние настроения могут постепенно сойти на нет, особенно если в ближайшее время не случится каких-либо новых актов агрессии со стороны Гитлера или Муссолини. Во-вторых, – и это куда более важно, – пока Чемберлен остается премьером, трудно ожидать каких-либо прочных и серьезных сдвигов во внешней политике Англии. Хоть он и провалился со своей мюнхенской политикой, и престижу его нанесен весьма чувствительный удар, но несомненно, что лишь давление общественного мнения мешает ему продолжать старую линию. Поэтому Чемберлен пока выжидает и лавирует. В последних речах он активно протестует против действий Гитлера, но прямо не заявляет о конце политики «умиротворения» и ничего не говорит о попытках консультации с Кремлем. При первой возможности он, несомненно, вернется на старую дорогу. Поэтому, пока он возглавляет кабинет, нельзя верить в глубину сдвига в политике Уайтхолла и в серьезность его намерений вести борьбу с агрессором.

¹²² АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 134–135.

рами. Речь Чемберлена в Бирмингеме опять значительно укрепила его положение, и вопрос о реформе кабинета пока с повестки дня снят. Не исключено, что данный вопрос вскоре вновь станет актуальным, но общее впечатление таково, что даже и в этом случае шансы на уход Чемберлена не велики. Главная беда состоит в том, что лейбористская оппозиция весьма худосочна и больше всего боится прийти к власти в такой трудный момент. В конечном итоге нынешнюю «вражду» к Германии и «симпатии» к Советскому Союзу приходится принимать очень осторожно в отношении их глубины и длительности¹²³.

20 марта Ванситтарт снова пригласил Майского. На этот раз он был в весьма приподнятом расположении духа, сказал, что дела идут хорошо, что уже близка цель, за которую он столько лет боролся, и декларация о которой накануне говорил полпреду Галифакс, уже направлена в Москву, Варшаву и Париж. Это первый шаг на пути к созданию блока миролюбивых государств. Не так важно, что именно будет написано в декларации, – важен сам факт коллективного выступления четырех держав против агрессоров. Особенно важно то, что Англия и СССР оказываются в одном лагере и совместно строят фронт против Германии и Италии. Вокруг декларации очень быстро объединятся все другие миролюбивые государства. Но время не ждет, и надо торопиться. Антигерманские настроения в Англии сейчас очень сильны, и возврата к политике «умиротворения» больше не будет. Однако в правительственных кругах есть люди, которые саботируют переход к новой политической линии. Они сейчас спекулируют на том, что вокруг декларации начнется длительная дипломатическая возня, что подписание ее затянется на долгое время, и что в результате весь эффект данного шага пропадает. Ванситтарт выразил надежду, что ничего подобного не случится и что в ближайшие дни декларация будет подписана, и можно будет сразу же переходить к подготовке следующего шага¹²⁴.

20 марта в Берлине Риббентроп заявил министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису, что Германия хочет присоединить, точнее говоря, вернуть себе Мемель (Клайпеду), отошедший к Литве после мировой войны. Если литовское правительство не уйдет из Мемеля добровольно, то там немедленно начнутся беспорядки, что повлечет вмешательство германских вооруженных сил. Если же во время беспорядков погибнет хотя бы один немец, германская авиация сравняет с землей Ковно¹²⁵, а немецкие войска оккупируют всю Литву. Риббентроп предложил Урбшису связаться по телефону с премьер-министром Литвы Владасом Миронасом, и немедленно принять решение. Урбшис обещал ответить, как только вернется в Литву. Однако едва он 21 марта прибыл в Ковно, как к нему явился германский посланник и потребовал, чтобы литовская делегация прибыла в Берлин не позднее завтрашнего дня. Правительство Литвы приняло решение уступить грубой силе и передать Мемель Германии. 22 марта Риббентроп и Урбшис подписали договор о вхождении Мемеля в состав Германии и договор о ненападении. Литве оставлялось формальное право свободной торговли в Мемеле и через морской порт этого города. Кроме того, Германия обещала Литве сохранение ее суверенитета и неприкосновенность границ¹²⁶.

23 марта в сопровождении немецкой морской флотилии в составе 38 больших и малых кораблей в Мемель прибыл Гитлер.

Чуть больше, чем за шесть лет, что Гитлер и его национал-социалистическая партия находились у власти, Германия без единого выстрела вернула себе Саарскую область, Рур и Мемель, присоединила Австрию и Судеты, полностью оккупировала Чехословакию. Гитлер хотел и Дан-

¹²³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 9–11.

¹²⁴ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 3–4.

¹²⁵ Ковно – (Каунас), до момента передачи Литве Вильно – столица Литовской республики.

¹²⁶ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2063, л. 31–32.

циг мирным путем вернуть, но не тут то было: дальнейшие «приобретения» совершались уже силой оружия.

21 марта Сидс потребовал у Литвинова срочного приема, и сообщил ему, что румынский король уточнил, что Германия ультиматума Румынии не предъявляла, но выдвинула совершенно недопустимые экономические требования. Король сказал, что Румыния, по возможности, сопротивляется этому нажиму, но она не может этого делать бесконечно, если не получит обещания помощи от других государств. Сидс разъяснил позицию Англии: хотя слухи по поводу ультиматума Румынии сомнительны, но Уайтхолл уверен, что поглощение Чехословакии свидетельствует о том, что Гитлер полон решимости выйти за рамки той цели, которую он до сих пор себе ставил, т. е. консолидации германской расы. Теперь, когда Германия завоевала другую нацию, никакое европейское государство не может считать себя в безопасности, если недавняя акция Германии окажется частью определенной политики господства. Поэтому правительство Англии считает необходимым приступить немедленно к организации взаимной поддержки со стороны государств, признающих необходимость защиты международного общества против дальнейшего нарушения основных его законов.

Огласив заявление, Сидс вручил наркому проект декларации, которую правительство Великобритании предлагает подписать от имени Англии, Советского Союза, Франции и Польши: «Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям»¹²⁷.

Комментируя проект декларации, посол, ссылаясь на мнение Галифакса, пояснил, что такая декларация отрезвит Гитлера. Литвинов заметил, что даже для такого откровенно декларативного документа, не предусматривающего каких-либо конкретных действий по обузданию агрессора, необходимы консультации для установления приемлемого для всех участников текста и принятия решения в случае, если бы какое-либо государство отказалась присоединиться к декларации. Как предполагается заставлять тех, кто откажется примкнуть к декларации, нарком не сказал.

Сидс возразил, что текст декларации никого ни к чему не обязывает, поэтому вряд ли возникнут серьезные возражения. Со стороны Франции и Советского Союза Сидс возражений не предполагает. Если Варшава откажется подписать декларацию, то она может исходить от СССР, Англии и Франции. Сидс подтвердил, что Галифакс сразу же после подписания декларации четырьмя государствами намерен предложить всем другим заинтересованным державам присоединиться к ней. Следующим этапом была бы общая конференция государств, подписавших декларацию и присоединившихся к ней. Сидс надеется, что, по крайней мере, со стороны СССР не будет возражений, поскольку и без того советская позиция не всеми и не везде понимается однозначно. Литвинов возмутился, и напомнил Сидсу о многочисленных призывах, с которыми Советское правительство обращалось к мировому сообществу, отстаивая необходимость созыва мирных совещаний и конференций, причем Кремль всегда подчеркивал необходимость профилактических мер, чтобы предотвратить войну¹²⁸.

21 марта было опубликовано Сообщение ТАСС: «Заграничная печать распространяет слухи, будто Советское правительство недавно предлагало Польше и Румынии свою

¹²⁷ АВП РФ, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 87.

¹²⁸ Там же, л. 88–90.

помощь на случай, если они сделаются жертвами агрессии. ТАСС уполномочен заявить, что это не соответствует действительности. **Ни Польша, ни Румыния за помощью к Советскому правительству не обращались и о какой-либо угрожающей им опасности его не информировали.** (Оба фрагмента выделены мной. – Л.П.). Верно лишь то, что 18-го сего месяца британское правительство, уведомив Советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции Советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот запрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению Советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Британское правительство нашло, однако, это предложение преждевременным»¹²⁹.

Обычное сообщение ТАСС, коих были десятки и сотни. Сначала создается информационный повод, проверить который нет никакой возможности. Самое правдивое в мире государственное информационное агентство, употребляя незнакомые читателям словечки, такие, как «эвентуально», возмущенно рассказывает о том, что некая, априори, лживая, но при этом совершенно безымянная заграничная печать – то ли вся, то ли какая-то бульварная газетенка заштатного провинциального городка в государстве, которое не на каждой карте обозначено, распространяет слухи о том, что СССР кому-то предлагает свою помощь. А опровергается то обстоятельство, что к СССР кто-то обращался за помощью.

21 марта Риббентроп изложил послу Польши Юзефу Липскому предложения правительства Германии по данцигскому вопросу: Данциг, как самостоятельная единица входит в состав рейха. Германия получает право на строительство экстерриториальной железнодорожной линии и автостреды, которые связывали бы Германию с Восточной Пруссией¹³⁰.

23 марта Риббентроп писал послу Германии в Варшаве Гансу фон Мольтке, что польскому правительству можно заявить, что международное положение Польши в результате передачи Германии Данцига только укрепитя, а также то, что обе державы могут проводить единую восточную политику, поскольку их интересы по «защите от большевизма» совпадают¹³¹.

26 марта Липский сообщил Риббентропу, что польское правительство отклонило предложения Германии об урегулировании данцигского вопроса и о строительстве экстерриториальных автомобильной и железнодорожной магистралей через Польский коридор¹³².

Польский посол в Лондоне посетил форин офис с целью опровергнуть сообщения о том, что Польша якобы ведет переговоры с Германией по поводу удовлетворения некоторых ее требований¹³³.

21–22 марта в Лондоне в связи с захватом Германией Чехословакии и угрозой германской агрессии в отношении Румынии и Польши, проходили переговоры между Бонне, Чемберленом и Галифаксом¹³⁴. Бонне настаивал на немедленном введении в Англии конскрипции – всеобщей воинской повинности. Без этой меры невозможно создание боеспособной армии, а значит,

¹²⁹ «Известия», 21 марта 1939 г.

¹³⁰ Данцигский или Польский коридор – территория Польши, которая отделяла германский эксклав Восточную Пруссию от основной территории Германии, в том числе и ближайшей к ней Померании. Территория Польского коридора была передана Польше после мировой войны, по Версальскому договору. «Коридор», шириной от 30 до 200 км обеспечивал доступ из Польской Померании вдоль нижнего течения реки Висла к побережью Балтики протяженностью 71 км. Коридор включал в себя новое Поморское воеводство, но не включал город Данциг.

¹³¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. D. Bd. 6. S. 58–72.

¹³² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах (далее – Год кризиса...), М., 1990 Политиздат, Т. 2, С.391.

¹³³ «Правда», 29 марта 1939 г.

¹³⁴ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 423–427, 457–463.

невозможна никакая серьезная политика по организации системы коллективного отпора агрессору. Англичане ничего определенного по этому вопросу не сказали. Не отказываясь прямо и даже давая понять, что они за конскрипцию, они не обещали введения ее в ближайшее время. В ходе переговоров была достигнута окончательная договоренность, оформленная к тому же соглашением о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Голландию или Швейцарию. Бонне настаивал на принятии Англией твердых обязательств в отношении Польши и Румынии и доказывал, что без этого условия ни Польша, ни Румыния не станут участвовать в каком-либо блоке против Германии. Бонне подчеркивал, что и Варшава, и Бухарест, куда в большей степени опасаются «дружбы» Советского Союза, чем «вражды» с его стороны. Таким образом, Бонне зондировал почву на предмет получения для Польши и Румынии английских военных гарантий, дабы вообще не привлекать Советский Союз к участию в системе коллективной безопасности в Европе. Галифакс и Чемберлен, однако, и по данному вопросу не дали каких-либо конкретных обещаний, хотя в тот момент англичане более, чем когда-либо были готовы пойти на то, чтобы принять на себя определенные обязательства в отношении стран Восточной Европы¹³⁵.

Французы, как видим, всерьез опасаясь агрессивно настроенной Германии, с которой у Франции была протяженная граница, весьма активны в деле создания системы коллективного отпора агрессору – Бонне даже поехал в Лондон, чтобы уговаривать Чемберлена и Галифакса хоть что-то сделать. Англичане тоже сложа руки не сидели, хотя до поры, до времени своих планов ближайшему союзнику не раскрывали: введение всеобщей воинской обязанности – процесс не быстрый, трудоемкий, требующий серьезной подготовки, большого количества инструкций и вообще разных бумаг. Тот факт, что конскрипция была введена в Англии чуть больше, чем через месяц после этих переговоров, говорит о том, что подготовка к этому, не слишком популярному в стране мероприятию, шла полным ходом.

Французское правительство предпринимало серьезные меры для организации совместно с Англией обороны на континенте. 28 марта по приглашению начальника генерального штаба французской армии генерала Мориса Гамелена во Францию прибыл начальник английского генштаба генерал Джон Горт в сопровождении офицеров штаба. Англичане познакомились с укреплениями линии Мажино, и присутствовали на маневрах французской армии. Еще одной целью поездки была разработка совместно с французским генеральным штабом практических форм сотрудничества английской и французской армий на случай войны¹³⁶.

22 марта Министерство торговли США опубликовало доклад об экономическом положении Германии. В этом докладе подчеркивалось, что Германия стоит перед лицом серьезных финансовых, экономических и торговых затруднений, которые не устранены после захвата Австрии и Судетской области. Германия имеет громадный пассив торгового баланса и испытывает острый недостаток сырья. Доказательством увеличивающегося финансового напряжения является быстрый рост количества бумажных денег, выходящий далеко за пределы, оправдываемые расширением территории. В докладе указывалось, что большинство капиталовложений направляется в правительственные предприятия (военную промышленность).

По словам газеты «Нью-Йорк таймс», доклад министерства торговли США свидетельствует о том, что «Германия не в состоянии будет выдержать продолжительную войну против демократических стран»¹³⁷.

¹³⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 32–33.

¹³⁶ «Правда», 29 марта 1939 г.

¹³⁷ Там же, 23 марта 1939 г.

Вечером 22 марта Литвинов пригласил Сидса и передал ему заявление Кремля: «Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Правительство СССР незамедлительно подпишет декларацию, как только Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Сидс очень обрадовался ответу, сказав, что это поднимает немножко его дух, сильно упавший после вчерашнего опровержения в «Известиях». Ему сообщили, что «наши друзья немцы» якобы торжествовали по поводу этого опровержения. Никаких вопросов о советской позиции в случае отказа Польши или Франции подписать декларацию посол наркому не задавал. Литвинов сказал, что желательно предложить присоединиться к декларации четырех держав не только балканским странам, о которых говорил Галифакс, но также соседним с СССР Финляндии и странам Прибалтики, а также скандинавским странам. Литвинов сказал, что ввиду диких слухов, циркулирующих в прессе, завтра, после того как ответ Правительства СССР будет доставлен в Уайтхолл, Кремль даст об этом сообщение в печать. Посол остался этим недоволен, но ничего не сказал¹³⁸

В телеграмме, которую Литвинов направил в тот же день Майскому и Сурицу, нарком по секрету от Сидса сообщил, что без Польши СССР декларацию подписывать не станет¹³⁹.

Таким образом, Сталин, хотя пока об этом англичанам и французам прямо не говорилось, ставил свою подпись под европейской мирной декларацией в прямую зависимость от позиции Польши. Будучи уверенным, что Варшава откажется подписать документы в том виде, который предлагает Москва, и не станет участвовать в блоке стран, в котором присутствует СССР, Кремль намеренно загонял ситуацию в тупик, делая обстановку в Европе все более взрывоопасной. Своими действиями Сталин, по сути, провоцировал Гитлера к нападению на Польшу, стремясь столкнуть великие мировые державы, рассчитывая при этом остаться в стороне от большой войны, и вступить в нее в наиболее удобный для себя момент.

Интерес Кремля к Скандинавскому полуострову и скандинавским странам понятен: в случае благоприятного исхода переговоров, а также в случае начала войны, эти страны в силу своего географического положения могли бы успешно блокировать подвоз стратегического сырья, осуществляемый Германией через проливы в Балтике, а также североморскими маршрутами. Другой вопрос, что в свете политики советского руководства, направленной скорее на срыв переговоров, чем на заключение договора против агрессора, можно предположить, что привлечение к декларации Финляндии, Дании, Швеции и Норвегии, было нужно для того, чтобы эти державы, отказавшись от участия в договоре, фактически сорвали переговоры, а потом были обвинены в этом.

22 марта Даладьё сказал Сурицу, что Англия вырабатывает план активного и совместного с другими странами противодействия агрессору. Ввиду пожелания, выраженного самой Румынией, остаться в стороне, круг намеченных Лондоном участников сводится к четырем державам – Англии, Франции, Советскому Союзу и Польше. Сейчас все эти государства проводят консультации. Суриц писал в Москву, что, насколько он понял из «довольно тупого изложения Даладьё» (так в тексте. – Л.П.), речь идет не то о консультациях, не то, чуть ли, не о взаимной помощи с военными обязательствами. На вопрос Сурица, имеется ли в виду лишь случай нападения на Румынию, Даладьё ответил: «Нет, не только против Румынии, а вообще против всякого случая агрессии». Сам Даладьё уже ответил Англии утвердительно. Он обеспокоен, не сорвет ли все это дело Польша, и боится, что в случае вероятного отказа или уклончи-

¹³⁸ АВП РФ, ф. 11, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 94.

¹³⁹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 162–163.

вого ответа Варшавы, Англия тоже заколеблется и откажется от своего предложения. Даладье считает достаточным сотрудничество между Англией, СССР и Францией и готов заключить соглашение только между ними. Французский премьер доказывал Сурицу, что главное сейчас – это использовать и закрепить теперешние английские настроения. Он надеется, что и Москва разделит его точку зрения. Даладье жаловался на то, что нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов очень сдержанно отнесся к намекам Наджиара о военном сотрудничестве между Францией и Советским Союзом. Французский генштаб это расценил как отказ, «но сейчас положение изменилось. Нельзя упускать возможность осуществить сотрудничество совместно с Англией»¹⁴⁰.

Вот уже и премьер-министр Франции прямо говорит об изменении своего отношения к созданию системы коллективной безопасности с участием СССР, и даже высказывает обиды на то, что его не понимают. Грех было не воспользоваться такими настроениями. Однако не воспользовались.

22 марта английский посол в Варшаве Говард Кеннард докладывал Галифаксу о первой реакции Бека на предложение Лондона. Бека, главным образом, интересовало предложение об участии Советского Союза. До сих пор Польша сохраняла равновесие между Германией и Россией и избегала нападков на ту и другую. Предложенная декларация обязательно приведет Польшу в советский лагерь, а реакция Берлина, в особенности если учесть умонастроение фюрера, несомненно будет серьезной. В этих обстоятельствах Польша должна взвесить все «за» и «против», и до тех пор, пока она это не сделает, Бек не может дать определенного ответа. Бек особенно стремится узнать отношение Кремля. Бек намекал, что участие Кремля в любой такой комбинации может привести к затруднениям, но что Польша, возможно, присоединилась бы к Англии и Франции, если бы СССР не был участником.

Бек обещал вскоре сообщить Кеннарду взгляды своего правительства. Он добавил, что сам факт его визита в Лондон уже вызвал большое недовольство в Берлине, и что если он согласится принять участие в декларации, подписанной Советским правительством, раздражение Германии будет еще более подчеркнутым¹⁴¹.

23 марта в Берлине Риббентроп и Тисо подписали договор, фактически закрепивший военный протекторат Германии над Словакией. Одновременно венгерские войска вошли в Восточную Словакию. Власти Словакии дали приказ своим механизированным и авиационным войскам оказывать сопротивление этому вторжению. В этот же день германские дивизии, вышедшие из Праги, соединились с левым флангом венгерских войск. Появилась информация о том, что Германия и Венгрия подписали секретное соглашение, в котором Венгрия обещала «в случае необходимости» разрешить проход германских войск через свою территорию¹⁴².

23 марта было подписано пятилетнее соглашение «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией», предусматривавшее разработку экономического плана, который на долгие годы «учитывал бы германские импортные потребности». Правительство Румынии принимало на себя обязательства развивать деревообрабатывающую промышленность, лесное и сельское хозяйство с учетом потребностей Германии; создавать смешанные румыно-германские акционерные общества по разведке, добыче и переработке нефти, марганца, медной руды, бокситов и другого сырья; при развитии промышленности учитывать интересы Германии. В соответствии с этим договором Румыния обязалась экспортировать в

¹⁴⁰ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 142–44.

¹⁴¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, Т. VII, С. 60.

¹⁴² «Известия», 24 марта 1939 г.

Германию 700 тыс. тонн пшеницы, 200 тыс. тонн кукурузы, 300 тыс. тонн различных кормов, 180 тыс. голов живых свиней и 20 тыс. свиных туш. В свою очередь, Германия брала на себя обязательства обеспечивать румынскую армию вооружением, а военную и горнодобывающую промышленность – оборудованием и машинами, принимать участие в строительстве и реконструкции железных и автомобильных дорог, морских и речных портов. В секретном протоколе к договору указывалось, что Румыния обязуется всячески поощрять деятельность нефтяных компаний по расширению обширной программы добычи нефти и развития нефтепереработки. Румынское правительство также соглашалось на создание в Свободной Зоне смешанных румыно-германских промышленных предприятий и торговых обществ¹⁴³.

Румынский министр иностранных дел Георге Гафенку выступил с заявлением, в котором указал, что «Румыния готова полностью выполнять свой долг в целях оздоровления и укрепления экономических отношений между обоими государствами¹⁴⁴.

Переговоры с Румынией вела не только Германия. Франция, получив сообщения о заключении румыно-германского экономического договора, тоже ускорила окончание начатых еще в 1938 году торговых переговоров с Румынией. 31 марта 1939 года в Париже был подписан франко-румынский торговый договор сроком на один год, предусматривавший облегчение и увеличение румынского экспорта во Францию¹⁴⁵. Англо-румынские переговоры закончились подписанием 11 мая 1939 года торгового соглашения. Англия обязалась закупить около 600 тыс. тонн румынской нефти, 200 тыс. тонн румынской пшеницы и предоставить Румынии заем в размере 5 млн. фунтов стерлингов¹⁴⁶.

Советский Союз Румынии сотрудничества не предлагал, и при этом в Кремле, похоже, искренне недоумевали, почему это румыны заключают договоры с кем угодно, но не с Советским Союзом.

В Англии, тем временем, продолжалась острая борьба за объединение усилий с Советским Союзом в деле создания системы коллективной безопасности. 23 марта Чемберлен принял лидеров лейбористов – Клемента Эттли¹⁴⁷ и члена парламента Артура Гринвуда. На прямо поставленный вопрос, готова ли Англия принять на себя конкретные обязательства по военной защите государств Европы, включая восточно-европейские, от германской агрессии, Чемберлен столь же прямо ответил: «Да, готова»¹⁴⁸.

В то же день, выступая в палате общин, Чемберлен напомнил, что правительство Англии уже имело возможность в достаточно ясной форме заявить, что если германское правительство предполагает установить господство над Европой, а может быть, даже над всем миром, то подобного рода попытки получают решительный отпор со стороны Англии и других миролюбивых стран. Английское правительство, заявил далее Чемберлен, не имеет намерения чинить препятствий германской внешней торговле и, наоборот, желает заключить торговое соглашение с Германией, которое было бы выгодно для обеих стран¹⁴⁹.

24 марта берлинский корреспондент газеты «Пти паризьен» сообщал, что в дипломатических кругах Берлина утверждают, что «данцигский вопрос будет урегулирован еще в марте».

¹⁴³ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. D, vol. VI, p. 91–96.

¹⁴⁴ «Правда», 26 марта 1939 г.

¹⁴⁵ «Известия», 1 апреля 1939 г.

¹⁴⁶ ДВП СССР, М., «Международные отношения», 1992, Т. XXII, Книга 2, С. 537–538, «Известия», 12 мая 1939 г.

¹⁴⁷ В июне 1945 г. К. Эттли после сенсационной победы лейбористов на парламентских выборах возглавит английское правительство, сменив великого Уинстона Черчилля, с именем которого англичане связывали победу над фашистской Германией. Эттли оставался на этом посту до октября 1951 г. Черчилль говорил про него: «Мистер Эттли очень скромный человек. И у него есть для этого все основания».

¹⁴⁸ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 28–30.

¹⁴⁹ «Правда» 25 марта 1939 г.

Корреспондент указывал, что данцигские штурмовики уже переведены на военное положение и им объявлено, что с 1 апреля они должны будут подчиняться германским военным властям¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Там же.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВИЗИТ В МОСКВУ РОБЕРТА ХАДСОНА

С 23 по 27 марта 1939 года в Москве с визитом находился министр по делам внешней (заморской) торговли Великобритании Роберт Хадсон. Событие это, на мой взгляд, было чрезвычайно важным, поэтому рассказу о нем я решил посвятить отдельную главу.

Очень коротко напомним, как этот визит зарождался и готовился.

Первым о том, что английское правительство хочет направить в Москву высокопоставленного чиновника кабинета, министра внешней (заморской) торговли Роберта Хадсона с целью установления контакта с советскими руководителями по торговым вопросам, 19 февраля сообщил Литвинову Сидс. 1 марта на приеме в полпредстве эту информацию Майскому подтвердил Чемберлен. 8 марта уже сам Хадсон сказал Майскому, что едет в Москву для того чтобы нащупать пути улучшения двухсторонних отношений. Он готов говорить не только об экономике, но и о политике. Стоит заметить, что решения о поездке миссии Хадсона в Москву было принято до того, как Германия полностью захватила Чехословакию, хотя уже тогда было понятно, что события назревают.

Таким образом, вояж Хадсона в Москву планировался не как простая туристическая поездка. В Англии ему придавали большое значение, подготовку визита активно обсуждали и органы правящей консервативной партии, и оппозиционные газеты, рассматривая его как первый шаг в начале нормализации англо-советских отношений. Даже консервативная газета «Дейли мейл» приветствовала решение правительства. Газета увидела в этом «приятную для британских торговцев новость», и отметила одновременно, что в 1938 году, по сравнению с 1937 годом, советские заказы в Англии удвоились. Парламентский корреспондент газеты «Таймс» сообщал, что в кулуарах палаты общин придают предстоящему визиту Хадсона в Москву политическое значение, как «к достижению более близкого взаимопонимания между обоими правительствами по всем интересующим обе стороны вопросам».

Дипломатический обозреватель газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» подчеркивал, что в случае согласия советского правительства на переговоры о новом торговом соглашении последние «могут привести к далеко идущему соглашению которое урегулирует все коммерческие и финансовые взаимоотношения между Великобританией и СССР».

Лейбористская газета «Дейли геральд» заявляла, что главной заботой миролюбивых держав должно быть предупреждение войны. Игнорировать СССР в борьбе за мир было бы безумием. Сейчас особенно чувствуется необходимость тесного сотрудничества с Советским Союзом, который является могущественной и миролюбивой державой.

Либеральная газета «Ньюс кроникл» писала, что английский представитель воспользуется своей поездкой в Москву для укрепления контакта между обеими странами, «который был ослаблен в последнее время благодаря чему было ослаблено и наше международное положение».

Сообщения английской печати о предстоящей поездке Хадсона привлекали к себе большое внимание французских политических кругов. Газеты «Эпок», «Ордр» и другие приветствовали инициативу английского правительства. Влиятельный журналист Пертинакс в газете «Ордр» высказал сожаление по поводу того, что французская дипломатия не предприняла со своей стороны шагов к укреплению связей с Советским Союзом¹⁵¹.

¹⁵¹ «Правда», 24 февраля 1939 г.

Авторитетная и чрезвычайно влиятельная газета «Таймс» надеялась на возможный переосмотр англо-советского торгового соглашения, на укрепление экономических взаимоотношений между Англией и СССР. Газета писала, что Великобритания стала наилучшим покупателем у России: она покупает у СССР товаров больше, чем Германия, США и Франция вместе взятые. Британская промышленность имеет право рассчитывать на лучшую долю на русском рынке¹⁵².

«Безжалостное продвижение и разнузданная агрессия фашизма в районе Дуная показали, как необходимо более близкое сотрудничество между Британией, Францией и СССР – писала «Обсервер», признавая, что политика западных демократий за последний год была направлена к поощрению германского похода на Восток. «Санди Таймс» писала: «Визит Хадсона приобретает значение политическое. В Москве будут обсуждаться политические взаимоотношения между Англией и СССР»¹⁵³.

2 марта Агентство Рейтер сообщило, что, помимо Хадсона, в состав английской делегации, которая поедет в Москву, входят генеральный контролер департамента внешней торговли Квинтин Хилл и начальник экономического отдела МИД Англии Фрэнк Эштон-Гуэткин. Секретарь Хадсона – Лайсл будет выполнять функции секретаря делегации¹⁵⁴.

Хадсон должен был посетить еще и Берлин, однако в тот день, когда Германия полностью оккупировала Чехословакию, в палате общин Чемберлен заявил, что, поездка в Берлин министра торговли Стэнли и Хадсона откладывается, но намечавшаяся поездка английской делегации во главе с Хадсоном в другие столицы восточноевропейских стран состоится. Это заявление Чемберлена было встречено в палате возгласами одобрения¹⁵⁵.

18 марта Хадсон выехал из Лондона в Варшаву и Москву. На вокзале Хадсона провожали Майский, польский посол и финляндский посланник¹⁵⁶.

19 марта Хадсон прибыл в Варшаву. Польские газеты писали, что выезжая из Лондона он заявил журналистам: «Моя поездка вначале была задумана как исключительно торговая миссия, имеющая целью исследование возможности увеличения английского экспорта. Однако политические события последних дней повлияли на первоначальную цель моей поездки». В связи с этим заявлением «Курьер польски» указывал, что визит Хадсона в Варшаву приобретает политический характер и что хозяйственные вопросы в переговорах будут играть лишь второстепенную роль. Темой переговоров Хадсона в Варшаве стали создавшееся международное положение и программа предстоящего визита Бека в Лондон¹⁵⁷.

20 марта Литвинов направил Сталину и Молотову секретную записку, в которой анализировал возможный ход переговоров с Хадсоном. Приехав в Москву утром 23-го марта, Хадсон должен будет встретиться сперва с Микояном, а потом и с самим Литвиновым. Из многочисленных шифровок Майского известно, что Хадсон имеет поручение обсуждать не только экономические, но и политические вопросы. Необходимо заранее решить, какую позицию занять в переговорах с ним.

Не касаясь подробно экономических переговоров, которые будет вести Микоян, Литвинов все же отметил, что Хадсон будет добиваться расширения экспорта из Англии за счет текстиля и других потребительских товаров, а возможно, и сельди, контрактной запродажи Англии советского сырья, в частности льна, причем он будет предлагать также кредиты.

¹⁵² Волков Ф.Д. СССР – Англия. М., Международные отношения, 1964, С. 246–247.

¹⁵³ Там же, С. 247.

¹⁵⁴ «Правда», 3 марта 1939 г.

¹⁵⁵ Там же, 16 марта 1939 г.

¹⁵⁶ Там же, 19 марта 1939 г.

¹⁵⁷ Там же, 21 марта 1939 г.

Литвинова однако, главным образом интересовал политический аспект переговоров. Нарком писал, что захват Чехословакии, ультиматум Румынии, нарушение Гитлером мюнхенского соглашения сильно взбудоражили общественность Англии, и эти факты широко используются лейбористской, либеральной и частью консервативной партии, которые и раньше не одобряли политику Чемберлена и предлагали сотрудничество с СССР. Это еще не значит, что Чемберлен и его окружение и наиболее твердолобая часть тори прониклись уже убеждением в необходимости радикального изменения курса внешней политики. Аннексия Чехословакии, наступление на Венгрию, Румынию и другие страны юго-востока полностью укладываются в ту концепцию направления гитлеровской экспансии на Восток, на которой базировалось мюнхенское соглашение. Чемберлен, однако, не может говорить это открыто и должен в некоторой мере пойти навстречу общественному мнению. К тому же заигрывание с Советским Союзом может помочь Чемберлену в дальнейших переговорах с Германией, делая ее более уступчивой. Возможно, что и у самого Чемберлена зародилось сомнение в возможности даже для него сговориться с Гитлером и Муссолини и избавиться от их требований, касающихся французских и английских колоний. Надо полагать, что всеми этими соображениями руководствовался Чемберлен, решившись посетить советское полпредство и послать в Москву Хадсона. И то и другое ни к чему не обязывает, но зато в некоторой мере зажимает рот оппозиции. Чемберлен был бы, однако, более чем рад, если бы переговоры Хадсона не дали результатов и ответственность за это можно было бы возложить на Советское правительство. Поэтому, не строя себе никаких иллюзий насчет искренности и честности побуждений Чемберлена, Советское правительство должно избегать всего того, что дало бы ему повод говорить о самоизоляции СССР, об отклонении Кремлем сотрудничества и т. п., и этим как бы задним числом оправдать мюнхенскую политику если не как единственно правильную, то как единственно возможную для Англии.

Насколько известно, у Хадсона нет полномочий делать Советскому правительству какие-либо конкретные политические предложения. Как он сам объяснял Майскому, его задача состоит в том, чтобы «выяснить, хочет ли Кремль сближения и сотрудничества с Лондоном», «склонно ли Советское правительство к сотрудничеству», «готово ли оно искать пути к более тесному сотрудничеству с Англией» и не взяло ли оно курс на изоляционизм.

Литвинов полагал, что и Кремлю не следует выдвигать какие-либо конкретные инициативы или какую-либо конкретную форму сотрудничества. Достаточно будет разъяснить свою общую позицию в духе доклада на Сталина съезде. Литвинов предлагал Сталину на утверждение текст заявления, которое нужно было бы сделать Хадсону. Сталин внес в документ незначительные правки, и 23 марта Литвинов огласил его Хадсону¹⁵⁸.

Как видим, с самого начала Литвинов и Сталин были настроены на то, чтобы переговоры с Хадсоном закончились провалом.

Переговоры Хадсона в Варшаве закончились 21 марта, и на следующий день он выехал в Москву¹⁵⁹. (Забавная деталь: предваряя визит министра, советские газеты писали, что едет Гутсон, а приехал Хадсон, и можно было подумать, что это два разных человека. Хотя о самом факте приезда Хадсона в Москву советские газеты, почему-то, умолчали. – Л.П.).

23 марта состоялась первая встреча Литвинова с Хадсоном. После протокольных реверансов Хадсон начал деловой разговор, и сообщил, что Англия укрепилась даже в большей степени, чем ожидалось. В сентябре 1938 года. Англия воевать не могла, теперь же она воевать готова. Перевооружение и поступление дополнительного оружия осуществляется ускоренными темпами. Правительство предполагало, что Англия сможет начать военные действия только в 1941 году, однако, по всей видимости, вооруженные силы страны будут вполне готовы

¹⁵⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 2, д. 11, л. 154–158.

¹⁵⁹ «Правда», 23 марта 1939 г.

к концу лета этого года. В общественном мнении также наметились огромные сдвиги: нация консолидировалась и полна решимости отстаивать свое положение в мире. Идею сотрудничества с другими миролюбивыми державами разделяют почти все слои общества. Хадсон особенно подчеркнул, что никакое правительство не могло бы удержаться у власти, если бы оно решилось проводить другую политику. Повторение Мюнхена уже не возможно. Через год, возможно, удастся ввести обязательную воинскую повинность. (Возможно, Хадсон не знал, что до введения конскрипции осталось чуть больше месяца, возможно, его должность в правительстве Англии этого знания просто не предполагала. Но, скорее всего, Уайтхолл не давал ему полномочий обсуждать этот вопрос в Кремле, чтобы не допустить преждевременной утечки информации. Хотя вопрос введения всеобщей воинской обязанности, помимо правительства, обсуждался и в парламенте, и в газетах. – Л.П.). Хадсон заверил Литвинова, что он прибыл в Москву «с открытой душой» и готов выслушать советское руководство о тех путях решения международных проблем, которые оно предлагает и как видит сотрудничество с Англией.

Литвинов зачитал Хадсону заявление, согласованное со Сталиным и Молотовым, в котором говорилось, что Советское правительство еще пять лет тому назад осознало опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. У СССР не было никаких оснований опасаться обращения этой агрессии против него, а, наоборот, он был уверен, что она будет направлена раньше всего против творцов Версальского и Сен-Жерменского договоров и государств, возникших и расширившихся на основе этих договоров¹⁶⁰. (Иными словами, фашистские государства в то время нападения на СССР не замыслили. Да и другие – тоже, поскольку для того, чтобы воевать, нужно иметь подготовленную армию и развернутую военную промышленность, ориентированную не на продажу вооружений, а на военное потребление. В этом смысле только Франция, да и то с очень большой натяжкой могла рассматриваться в качестве противника Советского Союза, однако у СССР Франции не было общей границы. Военный союз Германии, Италии и Франции был также маловероятен, во-первых, потому, что между ними были непреодолимые противоречия, что и подтвердит через несколько дней Муссолини в своем выступлении, и, во-вторых, для совместных действий Германия должна была бы пропустить французские войска через свою территорию, а на это Гитлер вряд ли бы пошел. Откуда же тогда взялись вопли о том, что «СССР – осажденный лагерь»? – Л.П.).

СССР считал, однако, фашистскую агрессию общей опасностью, для борьбы с которой необходимы общие усилия и сотрудничество всех неагрессивных стран. С этой целью Советский Союз 24 февраля 1934 года вступил в Лигу Наций, видя в ней аппарат такого международного сотрудничества и коллективной организации безопасности. В течение пяти лет СССР делал разные предложения по укреплению Лиги и приданию ей действенной силы. СССР предлагал систему региональных соглашений и пактов, применение к агрессорам предусмотренных Уставом Лиги Наций санкций и готов был участвовать и участвовал в таких санкциях, независимо от того, задевались ли интересы Советского Союза отдельными случаями агрессии, или нет. После аннексии Австрии, стало ясно, что Германия скоро бросится на другие европейские государства, и СССР поэтому предложил тогда немедленное совещание заинтересованных государств. В разгар судетского конфликта Советский Союз предлагал Франции и Чехословакии совещание генеральных штабов и недвусмысленно заявлял о своей готовности выполнить свои обязательства в отношении Чехословакии на предусмотренных договором условиях, т. е. при оказании помощи Чехословацкой республике также и Францией.

¹⁶⁰ Вследствие распада после мировой войны Австро-Венгерской империи, 10 сентября 1919 г. в Сен – Жермен – ан – Ле был подписан мирный договор между странами Антанты и вновь образованной республикой Австрия, которая признала отделение от неё Венгрии, Чехии и Словакии, части польских территорий, соглашалась на уступки в пользу Югославии и Румынии. Австрия лишалась своего военного и торгового флота в Адриатическом море и на Дунае, ей запрещалось иметь танки, военную авиацию и химическое оружие. Численность австрийской армии не могла превышать 30 тыс. человек.

Все эти советские предложения игнорировались правительствами Англии и Франции, которые, отвергая принципы Лиги Наций, вступили на путь индивидуальных разрешений отдельных проблем не путем сопротивления агрессии, а путем капитуляции перед ней. Несмотря на ясно наметившийся блок Германии, Италии и Японии, правительства Англии и Франции отклоняли любые предложения о проведении совещаний миролюбивых держав под тем предлогом, что это может быть истолковано агрессивными государствами как блок против них. Такая политика Англии и Франции завершилась мюнхенской капитуляцией, которая создала нынешнее положение в Европе, которое, по-видимому, не нравится и Англии.

Советский Союз, как никакая другая держава, может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими державами. Он видит это сотрудничество только в форме действительного общего отпора агрессорам. Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества. Необходимо признать, что агрессия как таковая, где бы она не происходила, требует общих мер по борьбе с нею. Исходя из неоспоримого факта существования агрессивного блока, не следует отрицать необходимость совещаний, конференций и соглашений антиагрессивных государств. Конъюнктурные, необязательные и не обязывающие совещания от случая к случаю, которые могут лишь служить средством в дипломатической игре той или иной державы и порождаящие лишь недоверие, Правительство СССР отвергает, и мыслит себе сотрудничество как в рамках Лиги Наций, так и вне ее, если в Лиге окажутся государства, мешающие борьбе с агрессорами, или же если это будет диктоваться необходимостью привлечения Соединенных Штатов, не состоящих в Лиге. (США в Лигу Наций вплоть до момента роспуска этой международной организации в 1946 года не вступили. – Л.П.).

Ввиду безрезультатности прежних своих многочисленных инициатив, Правительство СССР новых предложений сейчас выдвигать не намерено и ждет инициативы со стороны тех правительств, которые должны показать чем-нибудь, что они становятся действительно на путь коллективной безопасности. В частности, Советский Союз всегда готов был и теперь готов к сотрудничеству с Англией. СССР готов рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах¹⁶¹.

Сделав такое пространное заявление, полное прямых обвинений и упреков, и превращающее дальнейшие переговоры в пустую трату времени, Литвинов вновь повторил, что мюнхенская политика западных государств подорвала доверие между странами и народами, а также авторитет великих держав среди других государств. Нарком, чтобы окончательно развеять иллюзии Хадсона и его надежды на благополучный исход переговоров, повторил, что после пятилетнего периода инициатив, всякого рода предложений со стороны Кремля и безуспешных усилий по осуществлению международного сотрудничества, СССР вправе занять выжидательную позицию, предоставив право другим государствам выступать со своими инициативами и предложениями. Вряд ли могут быть достигнуты какие-либо серьезные результаты, если сотрудничество сведется к тому, что одна сторона будет вопрошать, а другая должна отвечать. Советское правительство тоже интересуется, что же на уме у англичан. Детали, вытекающие из международной концепции любого государства, заинтересованного в сохранении европейского мира, можно выяснить только путем общего обмена мнениями. Литвинов напомнил Хадсону, что совсем недавно Советское правительство выступило с инициативой провести конференцию с участием Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции.

Хадсон полностью согласился с позицией наркома по поводу событий, произошедших за последние годы, и признал, что западные державы в своей внешней политике допустили серьезные ошибки. Однако Хадсон возражал против подозрений Советского правительства,

¹⁶¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 2, д. 11, л. 154–158.

будто Чемберлен и в сентябре 1938 года стремился натравить Германию на СССР, хотя Литвинов этого и не утверждал. Никаких подобных намерений у Англии не было, нет их и теперь. Из заявления наркома, следует, что в отношениях между Англией и СССР начинается новый этап, поэтому Хадсону необходимо время для того, чтобы обдумать сказанное, и, если Литвинов не возражает, вновь встретиться перед отъездом Хадсона и обменяться мнениями.

Хадсон считает, что Польша будет сражаться только в том случае, если будет совершено нападение на ее территорию или на Данцигский коридор, хотя сам Данциг Польша, вероятнее всего, сдала бы без боя. Бек говорил Хадсону в Варшаве, что выполнение обязательств перед Румынией последует лишь в том случае, если на нее нападет Советский Союз¹⁶².

Ожидать каких-то позитивных результатов от визита и переговоров, которые начались со столь некорректных нападков одной стороны на другую, вряд ли приходилось. Литвинов с первых минут разговора, несмотря на дружеский тон, которого придерживался Хадсон, поставил своего визави в такое положение, что тот должен был все время оправдываться. Создается впечатление, что целью Кремля был не поиск компромиссов с англичанами и действительное создание системы коллективной безопасности, а назначение виноватого в том, что компромиссы не найдены и система коллективной безопасности не создана. Если Советский Союз действительно хотел избежать большой войны и сохранить мир в Европе, не стоило сразу же ставить партнера по переговорам в столь неудобную позицию.

25 марта в театре Литвинов вновь встретился с Хадсоном и Сидсом. Хадсон сказал, что сообщил в Лондон о прошлой беседе, и хотел уточнить, правильно ли он понял наркома. Он показал свою запись в 8–10 строчек, где было сказано, что Литвинов говорил о согласии Советского правительства на сотрудничество с Англией, что в Кремле считают желательным привлечение к консультации всех заинтересованных государств, и выступают за политическое, экономическое и военное сотрудничество. Литвинова удивило то, что разговор, длившийся почти час, Хадсон ухитрился втиснуть в несколько строк, и он сказал, что вырванные из контекста фразы могут приобрести не то значение, которое им придавалось. В частности, он сказал, что о специфических формах сотрудничества разговора не было, хотя Советский Союз ни одной из них заранее не исключает, но все зависит от множества обстоятельств. В действиях Хадсона Литвинов усмотрел попытку проверки правильности записей и зондаж готовности Советского правительства идти в отношениях с Англией вплоть до военного союза или взаимной военной помощи. Впрочем, ранее Хадсон уточнил, что для противодействия агрессии отнюдь не предполагается прямое объединение вооруженных сил Англии и Советского Союза.

Хадсон спросил, согласится ли Советское правительство подписать совместную декларацию в том случае, если Польша откажется ее подписать. Литвинов ответил, что Советскому правительству было сделано совершенно определенное предложение о совместной декларации именно Франции, Англии, СССР и Польши, и что декларация от имени трех или двух держав была бы уже совершенно иным предложением, которое в Москву пока не поступало. Нарком особенно подчеркнул: «Я могу, однако, теперь сказать, что мы придаем чрезвычайно большое значение участию в декларации именно Польши, ввиду ее географического положения. К тому же можно опасаться, что если Польша не будет с нами, то она будет против нас».

Сидс вдруг заметил, что Кремль, мол, заявил, что не хочет таскать для других каштаны из огня. Однако Румыния должна интересоваться Советский Союз в первую очередь, и тут он таскал бы каштаны для себя. Литвинов ответил, что ему понятен интерес англичан к румынской проблеме, особенно после подписания экономического соглашения между Германией и Румынией. Это соглашение поставило экономику Румынии под контроль Германии, и вытеснило другие страны с румынского рынка. Гитлер будет и дальше применять методы экономического

¹⁶² АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 6–8.

давления по отношению к другим малым и зависимым государствам, вытесняя Англию, благодаря чему Европа может скоро совершенно выпасть из торгового оборота Англии.

В переговорах с Микояном об англо-советских торговых отношениях Хадсон предлагал пересмотреть действующее соглашение с тем, чтобы Советский Союз покупал больше английских товаров, чтобы новое соглашение было «более мирного типа», а также снизить в английском экспорте долю средств производства в пользу предметов потребления. Хадсон говорил, что будто именно Микоян, предлагал клиринг¹⁶³, не понимая, что при клиринге в первую очередь учитываются долги. Литвинов недоуменно спросил, о каких долгах идет речь, ведь в последнее время торговля между Советским Союзом и Англией велась исключительно за наличный расчет. Хадсон ответил, что речь идет о старых долгах Российской империи. Литвинов спросил, какое отношение старые долги имеют к клирингу? Хадсон пояснил, что при клиринге вся выручка за советский экспорт поступает в английские банки для последующих расчетов, и возможно предъявление исков от старых кредиторов. Литвинов сказал, что эти страхи совершенно надуманы, ибо Советский Союз и раньше имел, и теперь имеет деньги на текущих счетах в английских банках, а советское торговое представительство и «Аркас»¹⁶⁴ отвечают только по своим сделкам. Если бы Советское правительство опасалось за текущие счета, то вообще торговля с Англией стала бы невозможной.

Хадсон спросил, что думает нарком о замене временного торгового договора на постоянный. Литвинов ответил, что Москва, конечно, предпочла бы постоянный договор, однако сейчас на этом не настаивает, и указал, что вопроса о старых долгах лучше не поднимать. Хадсон стал убеждать наркома в необходимости и желательности устранения лишнего препятствия на пути сотрудничества двух стран. Для этого Советскому правительству достаточно отказаться от претензий на депозиты в английских банках, прибавив к этому еще несколько миллионов фунтов. Литвинов ответил, что не стоит сейчас говорить о взаимных долгах, тем более, что советские контрпретензии значительно превышают английские претензии. Он, впрочем, сказал, что предложение о взаимном аннулировании претензий, включая и царские вклады в английских банках, можно и нужно обсуждать, уточнив, что не может быть и речи о какой-либо доплате со стороны СССР, а если без этого нельзя, то лучше вопроса не поднимать совсем. Говоря о старых претензиях, Литвинов указывал на соглашения СССР с другими странами, получившими режим наибольшего благоприятствования в отношении урегулирования претензий. Хадсон и Сидс выразили озабоченность недоверием, которое Советский Союз питает к Англии, нежеланием понять, что Англия стремится к тому, чтобы порвать со своей прошлой политикой и начать новую.

Хадсон указал Литвинову на некомпетентность советских работников в Англии, что, по его мнению, торгпредство в Англии никуда не годится и что лучше было бы создать английское представительство в Москве. Микоян жаловался Хадсону, что Советское правительство не может размещать свои заказы в Англии, что выполнение советских заказов постоянно задерживается. Хадсон сказал, что к нему советские торгпреды никогда не обращались, иначе бы он разместил бы все советские заказы. Хадсон рассказал Литвинову, что ему докладывали о нередких случаях, когда заказанные Советским правительством товары, машины и оборудование были изготовлены и приняты советскими торгпредами, и даже упакованы для отправки в СССР, но затем являлись другие приемщики, требовавшие распаковки, изменений в чертежах

¹⁶³ Клиринг (англ. *clearing* – очистка) – безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями, за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей. По сути дела – всем нам хорошо известные взаимозачеты, натуральный бартер. Выходит, Полиграф Полиграфович Шариков служил заведующим подотделом клиринга.

¹⁶⁴ «Аркас» – акционерное торговое общество. Учреждено в Лондоне по английским законам кооперативной делегацией СССР как частная компания с ограниченной ответственностью. Выступало представителем советских внешнеторговых организаций, осуществляло экспортные и импортные операции.

и т. п. Хадсон заявил, что в таком режиме работать крайне сложно и что Англия вполне может обходиться без советского сырья. (В переводе с дипломатического языка на общечеловеческий это могло означать только то, что Англия не очень заинтересована в товарообмене с Советским Союзом, в то время, как СССР вряд ли сможет продолжать развивать свою промышленность без английских технологий, материалов, машин и оборудования, которые в СССР производить пока не научились, и научатся еще не скоро. Однако, говоря это, Хадсон, несколько погорячился, но только отчасти: английские товаропроизводители, активно вытеснявшиеся с европейского рынка промышленниками Германии и США, безусловно, нуждались в гигантском, практически, бездонном советском рынке сбыта. – Л.П.).

Общие впечатления, которые вынес Литвинов из двух разговоров с Хадсоном, сводились к тому, что перед поездкой английское правительство не ставило перед своим министром задачи достижения конкретных договоренностей, визит устроен исключительно с целью зондажа настроений советского руководства в части взаимоотношений с Англией. В частности, по мнению Литвинова, Хадсону поручено выяснить следующее:

1. Как далеко Советское правительство готово идти на сотрудничество и возможно ли союзное соглашение между Англией, Францией и Советским Союзом (и Польшей). Это, конечно, не значит, что Англия уже теперь стремится к такому соглашению. Англия желает лишь иметь все элементы для принятия решения в будущем при подходящих обстоятельствах;

2. Получить от Советского правительства какие-либо предложения по поводу форм сотрудничества;

3. Оценить заинтересованность Правительства СССР в румынской и польской проблеме и готовность его взять на себя главную ответственность по защите Румынии, Польши и, может быть, других государств Восточной Европы при неопределенных обязательствах помощи со стороны Англии;

4. Установить пределы возможных советских уступок по расширению закупок в Англии и по изменению формы экономических отношений¹⁶⁵.

В Кремле по-прежнему с очень большим недоверием относились к любому предложению о сотрудничестве с империалистическими странами. Всякая инициатива, которая исходила от правительств Англии и Франции, рассматривалась под гигантским увеличительным стеклом. Сталин то ли в самом деле опасался подвоха, то ли умело разыгрывал страх перед своими будущими союзниками, в обоих случаях думая о том, как бы сделать так, чтобы и реального альянса не получилось, и вину за это свалить на англичан. При таком подходе к выстраиванию партнерских отношений, ждать абсолютного доверия от Англии и Франции не приходилось.

27 марта в английском посольстве Хадсон заявил Потемкину, что общественное мнение Англии убеждено в неотвратимости войны между европейскими демократическими державами и Германией. Для организации отпора агрессорам необходимо сотрудничество Советского Союза, Англии, и Франции. Каждая из этих стран обязана принять на себя определенную долю участия в совместной защите мира в Европе. Уже сейчас Англия располагает военно-морскими силами, способными уничтожить флоты Германии и Италии. Королевские военно-воздушные силы готовы к обороне острова и морских коммуникаций от налетов немецких самолетов. Кроме того, в случае войны на континенте, Англия может послать во Францию 19 дивизий.

Касаясь Франции, Хадсон подчеркнул, что ей придется действовать против Германии на суше, для чего сил французской армии более чем достаточно. Начальник французского генерального штаба генерал Гамелен заявил в Лондоне, что для успешного противодействия наступлению германской армии французских сил вполне хватит, и нет необходимости посы-

¹⁶⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 6–13.

лать в Европу английские войска. По мнению Хадсона, Советский Союз мог бы своей мощной авиацией включиться в совместные действия против агрессоров. Хадсон не считает, что для полной победы над Германией европейским странам и Советскому Союзу требуется помощь США. Другое дело – Дальний Восток, где против Японии необходимы совместные действия Советского Союза и США. Внимание Москвы должно быть направлено, главным образом, на Дальний Восток. Германия, учитывая соотношение сил, едва ли в ближайшее время отважится напасть на СССР, а Япония лихорадочно готовится к неизбежной войне с СССР. Вместе с Германией Япония представляет для общего мира наибольшую угрозу. Однако ни Англия, ни, особенно, Франция, не располагающая в том регионе необходимыми для борьбы военными силами и средствами, не смогут противодействовать Японии на Дальнем Востоке. Эта задача выпадает на долю Советского Союза и Соединенных Штатов.

Хадсон неожиданно для Потемкина предложил Советскому правительству направить в Лондон военную делегацию для обмена мнениями с британским генштабом. Потемкин ответил, что совещания между высокими военными чинами целесообразно проводить лишь тогда, когда правительства обеих держав окончательно договорились о необходимости и возможности совместной войны против единого врага. Потемкин констатировал, что такой договоренности между Советским Союзом, Англией и Францией пока еще нет, и совершенно естественно, что Советское правительство не может спешить в таком вопросе, как созыв совещания генеральных штабов. (Это самое раннее по времени предложение провести переговоры военных миссий Англии, Франции и СССР поступило от англичан, что дает основания предположить, что уже в марте 1939 года они допускали возможность совместных военных действий против единого врага, и что у Хадсона были вполне конкретные полномочия для того, чтобы делать подобные заявления. Забегая несколько вперед, отмечу, что в августе 1939 года, перед тем, как в Москву прибыли военные миссии Англии и Франции, Молотов, по сути, подтвердил тезис Потемкина о том, что военные совещания целесообразно проводить лишь тогда, когда достигнута политическая договоренность. Молотов также заявил о том, что правительства трех стран, по сути дела, обо всем договорились, однако это не привело к заключению договора о совместных военных действиях против агрессоров. – Л.П.).

Потемкин съязвил, что Хадсону должно быть известно, что Франция, связанная с Советским Союзом договором о взаимопомощи¹⁶⁶, не откликнулась на предложение Советского правительства созвать совещание представителей советского, чехословацкого и французского генштабов в тот тяжелый период, когда территориальной целостности и национальной независимости Чехословацкой республики грозила непосредственная опасность со стороны фашистской Германии.

Хадсон сказал Потемкину, что, по всей видимости, в отношении его визита у советского руководства существует некоторое недопонимание. По отдельным замечаниям Литвинова Хадсон сделал вывод, что его задачей в Москве считают переговоры лишь по торгово-экономическим вопросам. Хадсон решительно возражал против такого понимания его миссии. Он согласился приехать в Москву лишь для того, чтобы выяснить вопрос, намерено ли Советское правительство вести переговоры об оживлении англо-советского экономического сотрудничества, о заключении постоянного торгового договора и об общей активизации англо-советских отношений. По мнению Хадсона, «пришлось бы признать, что его миссия в Москве потерпела неудачу, если бы от него ожидали, что он привезет с собой готовое соглашение. Упомянутые им конкретные переговоры должны вестись в Лондоне. Хадсон сказал, что он ожидает от Микояна информации о том, согласится ли СССР на такие переговоры в ближайшее время.

¹⁶⁶ 2 мая 1935 г. в Париже тогдашний полпред СССР во Франции В.П. Потемкин и министр иностранных дел Франции Пьер Лаваль подписали Договор о взаимной помощи между СССР и Францией. («Известия», 4 мая 1935 г.; ДВП СССР, М., Политиздат, 1973, Т. XVIII, С. 309–312). На практике договор не применялся. Текст договора будет приведен в главе IV.

Потемкин заявил, что никакого недопонимания в отношении миссии Хадсона у Кремля нет. В этом Хадсон может легко убедиться, если еще раз переговорит с Микояном. После этого Потемкин сообщил о заявлении Хадсона Микояну, занимавшему в советской иерархии значительно более высокую ступеньку, чем Потемкин – он был членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя СНК, и предоставил им возможность объясняться. (Судя по тому, что в сообщении ТАСС от 28 марта упоминалось о переговорах, которые будут в дальнейшем проходить в Лондоне, Хадсон получил положительный ответ на свое предложение. Хотя бы поэтому формально визит Хадсона нельзя считать совсем провальным. – Л.П.).

В своем отчете об этой встрече Потемкин отметил, что, по-видимому, Хадсон убедился, что разговоры, начатые в Москве без серьезной подготовки с его стороны, в развязном тоне, не без заносчивости и даже прямого нахальства, не увенчались успехом. Чтобы спасти лицо, Хадсон хочет привезти в Лондон хотя бы согласие Кремля продолжить начатые переговоры. Что касается заявлений Хадсона по общеполитическим вопросам, то они отдают прямой хлестаковщиной: коснувшись своей предстоящей поездки в Финляндию, Хадсон заявил, что, если у Москвы с Финляндией есть какие-либо затруднения, он охотно берется их уладить, переговорив с кем нужно в Хельсинки. Потемкин ответил Хадсону, что надобности в этом нет, и что свои дела СССР привык улаживать сам¹⁶⁷.

Вот такими словечками, весьма далекими от дипломатической корректности – «заносчивость», «прямое нахальство», «хлестаковщина» – Потемкин описывает визит Хадсона. Ничего другого, кроме формы, в Кремле в этом визите не увидели, либо не захотели увидеть. Хотя одно то, что в столь сложных внутриевропейских политических условиях – после аннексии Чехии и Мемеля и создания в Европе еще одного профашистского марионеточного государства – Словакии, и в обстановке недоверия между двумя странами впервые за четыре года в Москву приехал английский чиновник столь высокого уровня, открывало широкие перспективы для переговоров. Ну и пусть одной из целей визита Хадсона был зондаж настроений в Кремле. Что в этом плохого? Кто бы поверил Хадсону, если бы он, после стольких лет отчуждения и взаимного недоверия, с распростертыми объятиями бросился навстречу большевикам? Сталин бы поверил? Как бы не так. Самая длинная дорога, как известно, начинается с первого шага. И сделала этот первый шаг не Сталин, Молотов и Литвинов, а именно Англия.

В Кремле к визиту Хадсона отнеслись, не то что настороженно, а крайне пренебрежительно, пытаясь представить его как малозначимый, а английскую делегацию – как группу дилетантов, не имеющих никаких конкретных полномочий от своего правительства и решивших туристами прокатиться за государственный счет. Хотя то, что в состав делегации был включен начальник экономического отдела форин офиса, чрезвычайно влиятельный и обладающий большими связями в финансовых и политических кругах империи Фрэнк Эштон-Гуэткин, говорит об обратном.

Считалось, что Чемберлен, посылая в Москву не политическую, а экономическую миссию, не стремился к достижению соглашения, способствующего установлению прочного барьера агрессии. В Москве считали, что поездка миссии Хадсона преследует, с одной стороны, шпионские цели, а с другой – является одним из средств давления на Германию, попыткой запугать Гитлера возможностью заключения англо-франко-советского соглашения. В Кремле полагали, что Чемберлен через подконтрольную ему прессу пытается создать иллюзию, что визит Хадсона в Москву организуется не только и не столько для ведения переговоров по экономическим и торговым вопросам, а для того, чтобы попытаться улучшить политические взаимоотношения между двумя странами.

Беда в том, что в Кремле никак не хотели признать, что военный союз с Англией и Францией может стать гарантией того, что Германия и Италия никогда не начнут войну в Европе.

¹⁶⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 3, л. 7–12.

Столкнувшись с полным непониманием новой позиции Англии, не имея возможности достучаться до советских лидеров, внезапно прервав переговоры и не объяснив причин столь скоропалительного решения, 27 марта Хадсон покинул Москву¹⁶⁸. Никаких видимых экономических и политических результатов визит Хадсона в Москву не дал, а только усилил неразбериху, коей и так было с избытком.

Маленькая деталь. В начале марта 1939 года в отпуск в Хельсинки приехал советский полпред в Италии Борис Ефимович Штейн, который до этого несколько лет служил полпредом в Хельсинки, и обзавелся там обширными связями в финансовых и политических кругах. Однако приехал Штейн не отдыхать, а работать: Литвинов командировал его для того, чтобы провести неофициальные и тайные переговоры об обмене пяти благоустроенных финских островов на часть не обустроенной для жизни территории Карелии, правда, вдвое большей по площади, чем финские острова. «Отпускник» 11 и 15 марта встретился с министром иностранных дел Финляндии Элиасом Эркко, 13 марта – с премьер-министром Аймо Каяндером и министром финансов Вяйне Таннером. Штейн имел полномочия даже банально подкупить финских руководителей, однако они отказались удовлетворить притязания Советского правительства¹⁶⁹.

Вполне возможно, что Хадсон знал о переговорах Штейна, о том, что закончились они безрезультатно, и со свойственным англичанам тонким юмором, поддел одного из руководителей советской внешней политики.

Вопрос, который в марте миром решить не удалось, Советский Союз «урегулировал» через год, заплатив за это десятки тысяч человеческих жизней, и потеряв при этом лицо и место в Лиге наций.

28 марта было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором говорилось, что министр по делам заморской торговли Великобритании Хадсон во время своего пребывания в Москве имел по нескольку бесед с наркомом внешней торговли Микояном и наркомом иностранных дел Литвиновым, а также был принят Председателем СНК Молотовым. (В открытых советских источниках мне не удалось найти данных о том, когда состоялась встреча Хадсона с Молотовым и содержания их беседы. В сообщении ТАСС нарком внешней торговли Микоян указан раньше, чем глава НКВД Литвинов и глава правительства Молотов. Тем самым в Кремле старалось принизить значение визита, показать, что, обсуждавшиеся хозяйственные вопросы были важнее политических. – Л.П.). Были обстоятельно обсуждены нынешние торговые отношения между СССР и Англией и возможности их дальнейшего развития. Обе стороны выяснили свои позиции, при этом вскрылся ряд существенных разногласий, которые, надо полагать, сведутся к минимуму в ходе будущих переговоров в Лондоне. Состоялся равным образом дружественный обмен мнений по вопросу о международной политике, давший взаимное ознакомление с взглядами правительств обоих государств и выяснение точек соприкосновения между их позициями в деле укрепления мира. Личный контакт, установленный между уполномоченным представителем британского правительства и членами Правительства СССР, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира¹⁷⁰.

Самое главное из того, что ТАСС сообщило советским гражданам, мировому сообществу, это то, что, при выяснении позиций сторон «вскрылся ряд существенных разногласий». Все остальное – это обычная дипломатическая шелуха, которая скрыть уже ничего не могла.

¹⁶⁸ «Правда», 28 марта 1939 г.

¹⁶⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 183, л. 61–79; п. 297, д. 2054, л. 47–48.

¹⁷⁰ «Известия», 28 марта 1939 г.

Главным же адресатом Сообщения ТАСС был Гитлер: это ему говорили, что переговоры, на которые во всем мире возлагали большие надежды, закончились ничем.

27 марта, в день отъезда Хадсона из Москвы, Литвинов писал Майскому, что Сообщение ТАСС было согласованно с Хадсоном. Оно дает ясную картину разговоров, которые с ним вели советские руководители. Составленный Хадсоном проект еще холоднее, он касался лишь торговых переговоров, а о политических умалчивал¹⁷¹.

После того, как из Наркомата иностранных дел в ТАСС ушло сообщение, согласованное с Хадсоном и Сидсом, в английское посольство из Лондона поступило распоряжение, предписывающее не упоминать в коммюнике о политических разговорах. Англичане весь вечер разыскивали Литвинова, но он был на даче, и вернулся в Москву поздно ночью. Когда же его все-таки отыскали, он заявил англичанам, что Сообщение ТАСС уже разослано в провинциальную печать: страна-то у нас большая, часовых поясов много, и когда в Москве глубокая ночь, в Магадане, Петропавловске на далекой Камчатке, Комсомольске на бурном Амуре, Владивостоке – утро другого дня. Люди, выходящие на трудовую вахту, перед тем, как встать к мартенам, домнам и станкам, должны прочитать свежие газеты. Потому Сообщение ТАСС должно быть напечатано и в столичных газетах в том же виде, что и в провинции. Литвинов сказал, что еще есть возможность задержать отправку спорного сообщения за границу. Английские дипломаты посоветовались между собой, и, приняв во внимание, что иностранные корреспонденты все равно завтра передадут в свои редакции текст Сообщения ТАСС, решили, что не стоит задерживать его отправку за границу. В форин офисе не знали текста Сообщения ТАСС и, вполне вероятно, боялись, что там есть что-то лишнее. В связи с этим Литвинов просил Майского «...выяснить подоплеку этой возмутительной истории. Английская печать шумела, что миссия Хадсона скорее политическая, чем экономическая, и вдруг предлагает совершенно умолчать о политике. Сообщение составлено в НКВД в совершенно не обязывающих выражениях и скорее создает впечатление безрезультатности визита, но даже такое сообщение встречает возражение, и это надо выяснить». Нарком просил срочно сообщить, как и что пишут английские газеты, т. к. иностранные журналисты, сопровождавшие английскую миссию, обходят советскую цензуру, передавая информацию по телефону¹⁷². (О переговорах Хадсона в Москве «Таймс» разочарованно писала: «Политическая ситуация, естественно, затмила торговые переговоры, для ведения которых планировался визит Хадсона. Считают, что предварительный обмен мнениями касался в основном более широких проблем»¹⁷³).

Англичане не хотели, чтобы в сообщении о результатах визита было упоминание о политических переговорах не только и не столько потому, что хотели сохранить лицо. Сообщение о фактическом провале переговоров давало сигнал Гитлеру о том, что пока он может спать спокойно, что до создания блока держав, направленного против Германии, еще ой, как далеко.

Майский весьма оперативно выполнил поручение наркома выяснить подоплеку поведения английских представителей после отъезда Хадсона, о чем уже 29 марта телеграфировал в Москву. В отчете говорилось, что заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган дал разъяснения «по поводу инцидента с коммюнике ТАСС». По словам Кадогана, хотя Хадсону было предоставлено право во время поездки вести политические разговоры, но, тем не менее, по сугубо личному мнению Кадогана, основная задача визита Хадсона сводилась к обсуждению экономических и торговых вопросов, что, собственно, прямо вытекает из той должности, которую Хадсон занимает в правительстве. Кадоган сказал Майскому, что он до самого последнего момента не знал, что Хадсон предполагает проявить иници-

¹⁷¹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 93.

¹⁷² Там же, л. 95–96.

¹⁷³ Волков Ф.Д. Указ. соч., С. 249.

ативу и опубликовать какое-либо коммюнике, пусть даже чисто торгового характера, о результатах своих переговоров в Москве. Тем более Кадоган был удивлен, когда 27 марта около 19.30 он получил из Москвы телеграмму с сообщением, что выпускается коммюнике, да еще с включением политических моментов. (Разница во времени между Лондоном и Москвой – 2 часа, следовательно, сообщение из Москвы было отправлено не позднее 21 часа по московскому времени, учитывая время на передачу и дешифровку. – Л.П.). Текст коммюнике к телеграмме не прилагался. Хадсон достаточно кратко сообщал о своих политических разговорах, которые он вел в Москве, поэтому Кадоган, по его словам, был не совсем в курсе дела. Получив телеграмму из Москвы о коммюнике и о сообщавшихся в нем политических переговорах, Кадоган был поставлен в тупик. Поскольку из-за разницы во времени было уже невозможно просить прислать текст коммюнике на просмотр в Лондон, он решил, что безопаснее будет совсем исключить из коммюнике сообщение о том, что во время визита обсуждались политические вопросы. Именно такое указание было направлено из Лондона в британское посольство в Москве. Указание из Лондона, однако, в посольство поступило слишком поздно, и коммюнике было опубликовано в первоначальном виде. Впрочем, после того, как Кадоган ознакомился с текстом коммюнике, он пришел к выводу, что шум поднят напрасно, что ничего страшного в документе нет, и что коммюнике ему нравится.

Майский, выслушав объяснения Кадогана по поводу того, что он собирался в порядке «перестраховки» исключить из коммюнике всякое упоминание об обсуждении политических вопросов, напомнил, что писала английская пресса о значении поездки Хадсона, а также то, что говорили Галифакс, Ванситтарт и сам Хадсон. Кадоган, по словам Майского, несколько смутился, извинился и два раза подчеркнул, что он придает большое значение визиту Хадсона. По мнению Кадогана, разговоры Хадсона в Москве были очень полезны. Кадоган выразил надежду на хорошие результаты, которые должны стать следствием этих разговоров.

Из разговора с Кадоганом Майский сделал вывод, что отношения между Кадоганом и ключевым советником форин офиса Ванситтартом весьма напряженные. Кандидатуру Хадсона на пост главы делегации активно проталкивал именно Ванситтарт. Этим объясняется явное раздражение, высказываемое Кадоганом и по адресу самого Хадсона, и его о разговорах в Москве, и об итогах визита. Кадоган, по словам Майского, «при случае не прочь поставить ему палку в колесо. Отсюда, по-видимому, берет начало инцидент с московским коммюнике»¹⁷⁴.

Откровенно говоря, не совсем понятна природа конфликта вокруг Сообщения ТАСС. Напоминает бурю в стакане воды, устроенную советскими руководителями с тем, чтобы приуменьшить как значение самого визита, так и уровень тех, кто представлял Англию в Москве. Все попытки перевести переговоры в политическую плоскость, пресекались на корню: Хадсон решился хотя бы вскользь коснуться политической ситуации в Европе только в беседе с заместителем Литвинова Потемкиным. Сам же Литвинов и Микоян строго придерживались «торгово-экономической» линии. Тем не менее, в ТАСС ушел текст, в котором была ничего не значащая фраза о том, что «Состоялся равным образом дружественный обмен мнениями по вопросу о международной политике, давший взаимное ознакомление с взглядами правительств обоих государств и выяснение точек соприкосновения между их позициями в деле укрепления мира». Можно сделать осторожное предположение, что с Хадсоном согласовывался иной текст Сообщения ТАСС, в котором этой фразы не было, что и вызвало такой переполох у англичан. Кроме того, вскоре Литвинов скажет, что фраза по поводу разногласий, которую, судя по реакции, англичане не согласовывали и которую увидеть не ожидали, попала в Сообщение ТАСС именно по инициативе руководителей СССР. Стоит также обратить внимание на такую фразу из телеграммы Литвинова Майскому от 27 марта: «Сообщение составлено нами в совершенно не обязывающих выражениях и скорее создает впечатление безрезультат-

¹⁷⁴ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 50–53.

ности визита». Фраза весьма красноречивая: она показывает, что советское руководство не меньше англичан стремилось к тому, чтобы в Европе и мире, но в большей степени – в Германии, Италии и Японии, не дай Бог, не подумали о том, что в советско-английских отношениях наметилось хоть какое-то потепление. В телеграмме Сидса Галифаксу от 28 марта указывалось, что Сообщение ТАСС «отражает картину, которую я хотел бы сам видеть в англо-советских отношениях, а именно дружественность и контакты, но никаких обязательств»¹⁷⁵.

И чем, скажите на милость, позиция англичан отличается в лучшую или худшую сторону от позиции руководства Советского Союза? Впрочем, отличие есть: именно англичане, прекрасно осознавая опасность, которая исходит от Германии и Италии, сделали первый робкий шаг в сторону сближения с Советской Россией.

28 марта Литвинов, так и хочется сказать – восторженно – извещал Майского, что никаких политических предложений обе стороны не сделали. Предложения о клиринге, об увеличении закупок потребительских товаров, об учреждении в Москве английского торгового представительства и об увеличении фрахтуемого английского тоннажа, Микоян отклонил. Впрочем, Микоян сказал Хадсону, что при определенных условиях, в частности, если английские банки предоставят долгосрочный кредит, можно было бы закупить некоторое количество пряжи и даже сельди. (Микоян, по сути дела, отмахнулся от английского министра как от назойливой мухи. – Л.П.). Визит никакого эффекта не дал, а при таких визитах отсутствие положительных результатов считается отрицательным результатом. Литвинов сообщил Майскому, что вероятно, в дальнейшем ему и торговому представителю будет поручено вести торговые переговоры¹⁷⁶.

Похоже, в Кремле, спровадив Хадсона, вздохнули с облегчением: они, как и обещали, ничего Англии не предложили ни в экономической, ни в политической сферах, а все, что предлагал Хадсон, с пренебрежением и негодованием отвергли. Сталину не пришлось принимать на себя никаких конкретных обязательств, направленных против Германии и Италии, тем самым давая понять фюреру и дуче, что Москва открыта для диалога с ними.

29 марта Литвинов писал Сурицу, что визит Хадсона результатов не дал. Впрочем, в Кремле никаких результатов и не ожидали. Сама цель визита была не ясна и правительству Англии: «Если имелось в виду сделать жест в нашу сторону самим фактом посылки к нам полуминистра (так в тексте. – Л.П.), то цель, конечно, достигнута. Никаких политических предложений Хадсон не привез, ожидая, что мы сами какие-то предложения сделаем». Нарком в очередной раз радостно сообщал, что в экономических переговорах обе стороны остались на своих позициях. Поэтому Хадсон, чтобы не создалось впечатления неудачи его поездки, говорит всем, что вообще никаких экономических переговоров он в Москве не вел и что они должны начаться в Лондоне, а в Москве были лишь предварительные разговоры¹⁷⁷.

Письмо Литвинова Сурицу – очередной, но, к сожалению, далеко не последний пример недоверия советского руководства к своим будущим союзникам, пример пренебрежительного отношения к партнерам по переговорам, пример стремления принизить статус этих переговоров. Иначе как можно оценить характеристику «полуминистр», данную наркомом высокому английскому чиновнику, впервые, Бог знает, за сколько лет, приехавшему в Москву? Это пример нежелания понять того, что после захватов Гитлером Мемеля и Чехословакии мир изменился, а вместе с этим к руководителям Англии и Франции пришло понимание, что без участия Советского Союза войну в Европе не остановить, и что без Советского Союза Гитлер и Мус-

¹⁷⁵ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 524.

¹⁷⁶ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 98–99.

¹⁷⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 34–36.

солини сожрут все европейские демократии или по одиночке, или оптом. Это пример нежелания вырваться из опутавших Сталина и его компанию догм, сулящих неизбежность войны между капитализмом и социализмом, что у Советского Союза единственный союзник – Красная Армия и Красный Военный Флот.

29 марта Чемберлен заявил видному лейбористу Артуру Гринвуду, что он полностью удовлетворен результатами миссии Хадсона¹⁷⁸.

Так была упущена возможность хотя бы начать процесс улучшения взаимоотношений с Англией, процесс, который мог бы привести к созданию единого блока миролюбивых государств против агрессии, а это, в свою очередь, могло бы исключить большую войну в Европе. По сути дела, именно Советское правительство проводило политику, которая препятствовала созданию такого блока, в чем потом будут обвинены правительства Англии, Франции, Польши и других стран, именно Кремль затягивая время, позволяя фашистским государствам укрепиться, способствовал тому, что Гитлер и Муссолини окончательно распоясались, что и привело, в конечном итоге, к развязыванию Второй мировой войны. Но и в этом, помимо, безусловно, виновных Германии и Италии, Советское правительство, а вслед за ним отечественные историки и пропагандисты обвинят правительства Англии и Франции, которые, конечно же, не безгрешны, и наделали массу ошибок. Однако природа этих ошибок была не в том, чтобы толкнуть мир к войне, а, наоборот, чтобы эту войну общими усилиями миролюбивых государств предотвратить.

¹⁷⁸ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 47–48

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1939 ГОД. МАРТ. ОКОНЧАНИЕ

Необходимость подробного описания поездки Хадсона в Москву, и непонятной возни, которая началась вокруг самого визита и его итогов, вынудили меня несколько отступить от хронологии событий.

25 марта Литвинов принял посла Польши Вацлава Гжибовского по его просьбе. Посол был весьма озабочен тем, что Кремль в качестве условия подписания декларации выдвинул обязательное участие Польши. Нарком ответил, что Советское правительство условий не выдвигало, однако получило предложение о подписании декларации от имени четырех государств, включая Польшу, и согласилось подписать четырехстороннюю декларацию. У Кремля никто не спрашивал, подпишет ли он декларацию, если ее не подпишет Польша, поэтому никому из советских руководителей на этот незаданный вопрос отвечать не приходилось. Тем не менее, нарком сказал послу, что Москва придает большое значение участию Польши, и спросил, есть ли ответ от его правительства. (Всего три дня назад Литвинов писал Сурицу, что без Польши СССР декларацию не подпишет. – Л.П.).

Гжибовский ответил, что Варшава пребывает в замешательстве, испытывая серьезные трудности при принятии решения. Польша отдает себе ясный отчет в том, что предложение Англии является первым шагом по пути новой английской политики, и что неудача с декларацией будет использована некоторыми английскими политиками и военными чинами, чтобы снова вернуть Англию на мюнхенскую линию. С другой стороны, подписание декларации оттолкнет Польшу от Германии, с которой она имеет три границы: с прусским анклавом – на севере, с собственно Германией – на западе, и с протекторатом Богемия и Моравия – на юге, что, по сути, является одной границей. Если англичане дальше подписания декларации не пойдут, то Польша останется с глазу на глаз с Германией. Гжибовский не вспомнил то обстоятельство, что предложение английского правительства идет вразрез с линией, проводимой Бемом на устранение Советского Союза от участия во всех международных делах¹⁷⁹.

В тот же день французский посол в Лондоне Шарль Корбен направил Бонне телеграмму, в которой рассказал о беседе посла Польши в Великобритании Эдварда Рачиньского с Галифаксом. Темой беседы стало обсуждение позиции Польши по вопросу, поставленному британским кабинетом. Рачиньский не скрывал, какое сильное воздействие на польское общественное мнение оказал прямой захват рейхом Богемии, а еще больше – косвенный захват Словакии. Установив опеку над этой страной, немцы располагают базами для военно-воздушных сил, расположенными на расстоянии чуть менее 70 миль от польской границы. Однако вызванная последними событиями обеспокоенность, похоже, не изменила намерений польского правительства соблюдать видимость нейтралитета: Рачиньский категорически настаивал на невозможности для Польши подписать политическое соглашение, одной из сторон которого был бы СССР.

Со своей стороны Галифакс повторил, что ему остается только пожелать, чтобы Польше удалось заключить удовлетворительный договор с Германией по вопросу о «коридоре» и о Данциге. После этой беседы в форин офисе сформировалось весьма стойкое впечатление, что на присоединение Польши к декларации четырех стран рассчитывать не приходится. Кадоган сказал Корбену, что «во время уик-энда состоятся консультации членов английского кабинета

¹⁷⁹ АВП РФ, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, л. 23–24.

с целью выработки плана действий». Корбен указывал, что по его представлению до настоящего времени Варшава не получила ни одной надежной гарантии о возможной помощи со стороны Англии в случае германской агрессии. Корбен обращал внимание Бонне, что именно этот момент необходимо прояснить, прежде чем правительство Франции свяжет себя конкретными обязательствами и процедурой. Галифакс уже имеет свое мнение на этот счет и Чемберлен, по-видимому, расположен следовать его примеру. Но некоторые их коллеги колеблются принять решение, которое бы значительно расширило действие нынешних обязательств Англии и могло бы вызвать неблагоприятную реакцию в определенных слоях общественности, а также в некоторых доминионах¹⁸⁰.

26 марта в Риме в своем публичном выступлении Муссолини сформулировал территориальные притязания Италии к Франции. Итальянские колониальные требования, заявил Муссолини, были давно и ясно определены. «Это – Тунис, Джибути, Суэцкий канал». Французское правительство, заявил Муссолини, может отказаться от обсуждения этих проблем, но тогда оно должно будет пенять само на себя, «если пропасть, разделяющая ныне Францию и Италию, станет столь глубокой, что ее будет трудно или вовсе невозможно засыпать». Муссолини подчеркнул, что «отношения между государствами – это отношения силы которая и является фактором, определяющим политику страны». Муссолини снова подтвердил, что Средиземное море, включая и Адриатическое море, является «жизненным пространством Италии, в котором интересы Италии преобладают». В заключение Муссолини лишний раз подчеркнул необходимость вооружаться «до крайних пределов»¹⁸¹.

В той же газете «Правда» некий анонимный «Обозреватель» отмечал, что выступление Муссолини вновь ставит в порядок дня вопрос о франко-итальянских противоречиях. В своем нажиме на Францию Муссолини опирается на поддержку фашистской Германии. Отнюдь не случайно выступил находящийся в Риме Геринг с заявлением, что «Германия будет на стороне Италии во все времена и при всяких обстоятельствах».

Таким образом, если германский фашизм, развертывая агрессию в Центральной и Юго-Восточной Европе, лишает Францию одного союзника за другим, подрывая таким образом французские позиции в Европе, то Муссолини в свою очередь стремится подорвать и разрушить колониальные позиции Франции. Муссолини стремится нанести удар не только Франции, но и Англии. Отсюда и характеристика Средиземного моря как «жизненного пространства» Италии. Любопытно, что Муссолини особо подчеркнул, что в понятие Средиземного моря он включает и Адриатическое. Это значит, что предстоит не только германский, но и итальянский нажим на Югославию.

Требования, предъявляемые итальянским фашизмом, свидетельствуют о том, что развертывание фашистской агрессии отнюдь не ограничивается Центральной и Юго-Восточной Европой. Она охватывает значительно более широкие пространства, посягает на непосредственные интересы так называемых больших демократических государств¹⁸².

Даладье ответил Муссолини 28 марта. Наиболее важная часть его речи, переданной по радио, касалась франко-итальянских отношений. Даладье напомнил о франко-итальянских договорах, которые были подписаны в Риме 7 января 1935 года и имели своей целью «окончательно урегулировать и ликвидировать» вопросы, остававшиеся нерешенными между обеими странами. «Письмом от 17 декабря 1938 года, – заявил Даладье, – министр иностранных дел Италии Чиано сообщил нам, что он не считает более действительными договоры 1935 года. С другой стороны, в речи 26 марта этого года Муссолини заявил, что в итальянской ноте от 17

¹⁸⁰ Documents diplomatiques français. 1932–1939, 2 série, t. XV, p. 216–217.

¹⁸¹ «Правда», 27 марта 1939 г.

¹⁸² Там же.

декабря 1938 года были ясно указаны итальянские колониальные претензии к Франции, имеющие свое имя. Они зовутся Тунисом, Джибути, Суэцким каналом.

Однако, – сказал Даладье, – ссылка на письмо от 17 декабря побуждала к предположениям, что документ содержал точные итальянские требования. Но итальянское письмо не содержало в себе никаких условий, оно не ставило вопроса ни о Суэце, ни о Джибути, ни о Тунисе. В письме просто заявлялось, что Италия считает договоры 1935 года утратившими силу, содержались попытки оправдать эту итальянскую точку зрения. Основным аргументом, который приводится в итальянском письме, таков: завоевание Абиссинии обеспечило новые права для Италии. Нет надобности говорить, что Франция не может согласиться с этим аргументом, поскольку в действительности он означает, что каждое новое завоевание или каждая новая уступка обеспечивают новые права. Таким образом, требования, которые могли бы быть предъявлены Франции, практически были бы безграничны, поскольку каждое из них, будучи удовлетворенным, несло бы в самом себе зародыш нового требования. Сверх того, ни одно из этих требований не было сформулировано в письме от 17 декабря».

Даладье заявил: «Позиция Франции была своевремененно разъяснена. Я сказал, и я повторяю, что мы не уступим ни клочка нашей территории и ни одного из наших прав». Вместе с тем, по словам Даладье, Франция не отказывается рассмотреть предложения, которые были бы ей сделаны».

В заключение Даладье отметил, что французское правительство «останется верным своим традициям» в отношении Германии. Указав на старания французского правительства прийти к соглашению с Германией (Мюнхен, экономические переговоры в Берлине и пр.), Даладье заявил, что «захват Чехословакии и оккупация Праги германскими армиями нанесли величайший удар этим усилиям». Даладье призывал дружественные Франции народы, «живущие в Европе, а также за Ла-Маншем и за Атлантическим океаном», к «солидарности и сотрудничеству перед лицом агрессии»¹⁸³.

27 марта со ссылкой на ТАСС был опубликован обзор некоторых английских изданий. В частности 26 марта дипломатический обозреватель кооперативной газеты «Рейнольдс ньюс» отмечал, что основной причиной медлительности в осуществлении объединенных действий миролюбивых держав против угрозы фашистской агрессии являются разногласия среди членов нынешнего состава английского кабинета.

«Министр иностранных дел Галифакс, – пишет обозреватель, – при поддержке военного министра Хор-Белиша и морского министра Стэнхопа требует немедленного заключения соглашения между Англией, Францией, Советским Союзом и Польшей. Чемберлен, которого поддерживает министр финансов Джон Саймон, преднамеренно проявляет некоторое «колебание», чтобы тем самым выиграть время.

Такая тактика Чемберлена и Саймона – этих двух авторов мюнхенского соглашения – имеет целью подготовить почву для того, чтобы еще раз отказаться от принципа коллективной безопасности в пользу новой попытки сговориться с фашистскими державами. Премьер-министр, несмотря на то, что большинство в консервативной партии высказывается в пользу создания единого фронта миролюбивых держав, все еще продолжает заявлять, что Англия не может взять на себя «неопределенные» обязательства. Он пытается доказать, что всякие решительные действия со стороны миролюбивых держав могут сильно возбудить Германию. Наконец, Чемберлен вместе с Бонне предпринимает новую попытку оторвать дуче от «оси Рим – Берлин» путем переговоров о французских уступках».

В дипломатических кругах Лондона, писал в заключение обозреватель, считают, что отсутствие каких-либо конкретных результатов от всех дипломатических переговоров, кото-

¹⁸³ «Правда», 31 марта 1939 г.

рые ведутся в течение нескольких дней, даст возможность Гитлеру закрепить свое господствующее положение в Литве и в балканских государствах и подготовить ультиматум Польше.

26 марта английская воскресная консервативная печать уже не скрывала того, что фактически, как пишет политический обозреватель газеты «Обсервер», «проект декларации четырех держав умер». Официально, все еще утверждают, что этот проект будет рассматриваться вместе с Бекком, когда последний прибудет в Лондон, но на самом деле проект провалился. Неделю назад, 19 марта, в ответ на советское предложение созвать совещание шести держав Галифакс предложил Майскому проект декларации четырех держав и в подкрепление своего предложения заявил, что, мол, созыв конференции будет затяжным делом, а в данный момент необходимо немедленно принять меры. Вчера же, продолжал обозреватель, – и в этом заключается весь комизм положения, – было решено, что обсуждение проекта «немедленных и срочных действий» откладывается еще на 10 дней.

Как выяснилось, в результате бесед в Лондоне Чемберлена и Галифакса с Бонне, французское правительство «не слишком жалеет о провале проекта декларации четырех держав». Французское правительство полагает, что необходимо лишь укреплять англо-французский союз.

В «Сандей экспресс» Ллойд Джордж¹⁸⁴ поместил статью, в которой призвал к сотрудничеству с СССР – «этой громадной, богатейшей страной, располагающей самой мощной армией и наилучшей авиацией в мире»¹⁸⁵.

27 марта на заседании палаты общин, касаясь германо-румынского «соглашения», Чемберлен заявил, что оно представляет собой «весьма широкую экономическую программу, практическое значение которой, однако, будет зависеть от того, каким образом пункты этого соглашения будут претворяться в жизнь. При этой обстановке нужно ждать дальнейшего развития событий, прежде чем сделать какие-либо определенные выводы».

Депутаты спросили Чемберлена: «Учитывая захват Германией Чехословакии и Мемеля, рассматривает ли сейчас правительство англо-германскую декларацию, подписанную в Мюнхене в сентябре прошлого года, как действенный документ? Выразило ли английское правительство свое возмущение по поводу этих захватнических действий Германии и потребовало ли объяснения от германского правительства?» Чемберлен в ответ заявил, что он ничего не может прибавить к своей речи, произнесенной им 17 марта, и что требовать объяснения от Гитлера бесполезно».

На дополнительный вопрос, считает ли английское правительство связанным себя англо-германской декларацией, Чемберлен заявил: «В своей речи 17 марта, а также в палате общин, я подчеркивал, что я в свое время получил от Гитлера определенные заверения. Однако последние действия Гитлера не совпадают с этими заверениями. Я тогда спрашивал, возможно ли в дальнейшем полагаться на заверения Гитлера?»

На вопрос о том, заявило ли английское правительство протест против захвата Германией Мемеля, парламентский заместитель министра иностранных дел Ричард Батлер ответил, что английское правительство не заявляло протеста по поводу аннексии Германией Мемеля. Правительство Литвы поставило в известность правительство Англии о случившемся. В связи с этим английское правительство выразило свое сочувствие литовскому правительству¹⁸⁶.

28 марта отвечая на вопросы, заданные на заседании палаты общин, Чемберлен подчеркнул, что Уайтхолл продолжает консультации с другими правительствами по проблемам, воз-

¹⁸⁴ Дэвид Ллойд Джордж – видный британский политик, в 1916–1922 гг. возглавлявший правительство, один из основоположников Версальской системы, лидер либералов в парламенте, близкий друг У. Черчилля. В 1940 г. после капитуляции Франции выступал за заключение мира с Германией, поскольку был уверен, что Англия неспособна в одиночку вести войну.

¹⁸⁵ «Правда», 27 марта 1939 г.

¹⁸⁶ Там же, 28 марта 1939 г.

никшим в результате недавних событий в Европе. Указав на секретный характер происходящей консультации, Чемберлен сказал, что более подробного заявления по этому вопросу он не может сделать до тех пор, пока английское правительство не ознакомится с окончательной точкой зрения правительств, с которыми оно имеет дело.

На дополнительный вопрос, имеет ли в виду предполагаемая декларация правительства только консультацию или же обязательства военного характера, Чемберлен ответил: «Из прежних заявлений можно догадаться, что английское правительство имеет в виду значительно большее чем консультацию. Другие правительства, с которыми Англия ведет консультацию, в достаточно ясной форме информированы относительно намерений английского правительства. Правительство полностью осознает неотложность этого вопроса, и поэтому оно стремится достигнуть определенных результатов как можно скорее. Но поскольку в этой консультации участвует более чем одно правительство, то это зависит не только от одного английского правительства»¹⁸⁷.

Выступая в тот же день на большом обеде, на котором присутствовало 170 членов парламента – сторонников правительства, Чемберлен опроверг слухи о том, что в составе кабинета имеются разногласия. Касаясь внешней политики правительства, он заявил, что ему ничего добавить к тому, что им было уже сказано в палате общин.

В заключение Чемберлен остановился на вопросах организации обороны, заявив, что время не терпит никаких отлагательств и замедлений в организации военной подготовки страны¹⁸⁸

27 марта Бек просил посла в Париже Юлиуша Лукасевича сообщить французскому правительству, лучше всего лично Даладье, что польское правительство выдвигает определенные возражения против английского предложения о совместной декларации. Эти возражения вызываются отсутствием твердой уверенности в том, что подобный шаг был бы достаточным. Однако польское правительство не отвергает возможности двустороннего обсуждения с английским правительством тех вопросов, о которых должна идти речь в декларации.

Польское правительство ставит в правительство Франции в известность, что оно рассматривает любые польско-английские переговоры такого рода как идущие параллельно польско-французским отношениям и считает, что они укрепляют связи между Польшей и Францией¹⁸⁹.

27 марта президент Польши Игнаций Мосьцицкий подписал принятый сеймом закон о дотациях в фонд национальной обороны. Закон предусматривал ассигнование на довооружение Польши 1,2 млрд. злотых (примерно 226 млн. долларов. – Л.П.). В связи с этим совет министров постановил выпустить внутренний заем.

28 марта французская газета «Се суар» поместила сообщение из Варшавы о том, что за последние четыре дня в Польше призвано в армию 750 тыс. резервистов. С учетом того, что неделю назад в кадрах польской армии уже было 300 тыс. человек, то сейчас общее число солдат, находящихся под ружьем в Польше, достигло 1 млн. человек. Накануне в Варшаве началась экономическая мобилизация. Военным властям должны быть переданы все автомобили, пригодные для перевозки войск. Спешно создаются резервы сырья, пригодного для производства военного снаряжения. Частичная мобилизация и перевод всей страны на военное положение остро ставит финансовый вопрос и особенно вопрос о заграничных кредитах для покрытия расходов по импорту сырья, необходимого для военных нужд¹⁹⁰.

¹⁸⁷ «Правда», 29 марта 1939 г.

¹⁸⁸ Там же, 30 марта 1939 г.

¹⁸⁹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений...», Т. VII, С. 66.

¹⁹⁰ Там же, 29 марта 1939 г.

Германия тоже вела приготовления к военному захвату Данцига. Германское правительство призвало запасных классов 1936 и 1937 годов. По сообщению газеты «Эвр», отдан приказ, обязывающий 3 тыс. штурмовиков и 2 тыс. полицейских и солдат специальных частей прибыть в Данциг до 28 марта. Статс-секретарь министерства авиации генерал Мильх получил от Геринга приказ сконцентрировать в северо-восточном районе Германии авиационные силы¹⁹¹.

О крупных военных приготовлениях в Германии и в Польше писали английские газеты. «Ньюс кроникл» сообщала, что вечером 28 марта между Берлином и Франкфуртом-на-Одере происходили крупные передвижения германских войск в направлении польской границы. Главные автострады были переполнены мотомеханизированными частями и грузовиками, перевозящими пехоту. Пассажирское движение было приостановлено.

¹⁹¹ Там же, 27 марта 1939 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.